THE WEEKLY MAGAZINE

ИЮЛЬ № 28 1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 28 (3338)
6 — 13 июля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

А. Н. Яковлев. (См. в номере материал «Когда будет невмоготу...»)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 17.06.91. Подписано к печати 02.07.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 599. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

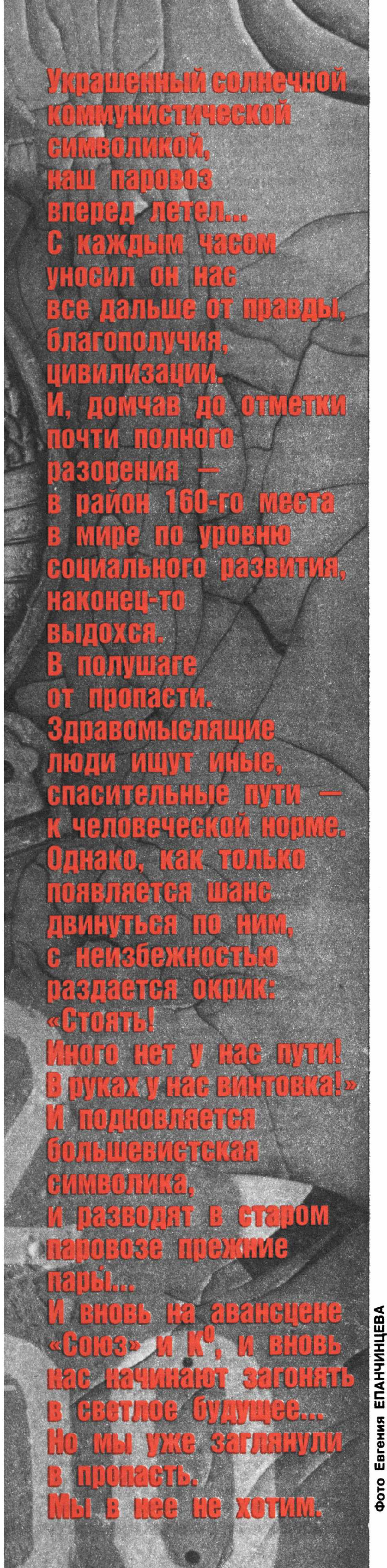

Фото Евгения ЕПАНЧИНЦЕВА

ПОЧЕМ ФУНТ ВЛАСТИ?

С первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР Русланом ХАСБУЛАТОВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Ирина ЖУРАВСКАЯ.

Только спустя год он вырвался на один день в Грозный. Перед выступлением на телевидении, как принято, завели в гримерную. «Да, потрепало вас в парламенте-то»,— заключили земляки, поглядев на своего депутата. Он не подсчитывал, сколько раз занимал место председательствующего на сессиях или съездах, но едва ли не половина законодательных актов принималась именно в эти часы, дни, недели. Он уже перестал считать, от скольких приглашений «заграницы» пришлось отказаться. Ото всех. Его упрекали в жесткости и мягкости, ему кричали (сам Полозков) — «освободите место» и дружно теряли «гроздья гнева» от одной спокойно-иронической его реплики. Через все спады и пики, через «черные четверги» и весенние надежды они вместе отработали этот год — Верховный Совет РСФСР и первый заместитель его Председателя Руслан Хасбулатов, сорокадевятилетний профессор, доктор экономических наук.

— Руслан Имранович, к спадам и пикам мы, как и вы, вероятно, уже привыкли. Но, честно говоря, порядком надоело это однообразие ситуаций. Вот опять — вздох облегчения по поводу Ново-Огарева и буря в союзном парламенте с заявлением Павлова, с «военным советом» при закрытых дверях...

— Я, знаете, думаю, что в этом однообразии сюжетов нашей внутренней политики есть и некий позитивный момент. Во всяком случае, теперь даже самым недогадливым становится ясен источник конфронтации, от которой так устали все мы.

Ведь что произошло той осенью? Почему Рыжков так решительно выступил против программы, одобренной практически всеми республиками? Почему под лозунгом спасения Союза был отвергнут, как я говорил еще тогда на совещании в Кремле, быть может, последний исторический шанс его сохранить? А подоплека, в сущности, проста: в программе «500» существование такого гигантского правительства, такого центра, опутывающего всю страну, отнюдь не мыслилось. Ему пришлось бы резко сжать свои полномочия, сохранив лишь очень важные, впрочем, функции координации. Не нравилось. Не устраивало. Напугало.

Сейчас — та же схема. Спустя восемь месяцев мы пришли к тому, от чего осенью имели глупость отказаться, своим шараханьем сильно ухудшив ситуацию. Но пришли. Потому что именно соглашение «9+1» дало существенную базу для перехода к рынку как раз на основе самостоятельности республик. А это значит, что опять Кабинету Павлова республики, подписавшие соглашение, делегируют лишь координирующие и важнейшие стратегические функции. И снова не устраивает.

Теперь уже наступление идет неприкрыто. Очень любопытна и позиция союзного парламента, который, пожалуй, даже не маскирует свои корпоративные интересы.

— Наши депутаты «обиделись» на Ново-Огарево?

— Мне кажется, даже в большой политике, особенно в нашей, иногда не последнюю роль играют чисто человеческие, эмоциональные мотивы. Ну, действительно, отработали люди два года, еще три впереди, а тут, извольте, чуть не через шесть месяцев предлагают разойтись... Но есть черта, за которой не до личных представлений. Можно критиковать, скажем, и российских депутатов, но ведь наш Верховный Совет сразу и безоговорочно одобрил подписание заявления «9+1». Сумели, несмотря на все противоречия, оценить этот исключительно важный фактор, ведущий страну к стабилизации. А в союзном теперь раздаются возгласы о том, что Ново-Огарево чуть ли не антиконституционно, чуть не заговор с Белым домом, с большим, а может, и с нашим. Не знаю.

Так вот спрашивается: кого же на самом деле устраивает то, что уходят из Союза одна за другой республики, что льется по нашим окраинам кровь, что мы спотыкаемся на каждом экономически необходимом шаге? Почему, без конца требуя у микрофона решительных мер, депутаты бросаются в атаку на Президента, стоит ему только приступить, только намерение продемонстрировать к их реальному воплощению? Опять все достаточно несложно — упорядочение, нормализация ведут к определенному сужению сферы воздействия депутатов союзных и расширению влияния республиканских. Но в этой суете у микрофонов Верховный Совет Союза забывает, что он не сам себя породил. Его породил союз республик, он держится на верху пирамиды, которая без фундамента, без закрепления основания (чем заняты ныне республики) может и рухнуть. Так что вряд ли стоит пренебрегать общим равновесием.

— Осенью прошлого года Президент, как вы говорили, не смог преодолеть сопротивление правительственной бюрократии. Сейчас, похоже, он настроен более решительно?

— Я надеюсь. И для него, думаю, эти восемь месяцев достаточно ясно наконец показали — другого пути у нас нет. Может, необходимо было пережить все последствия этой нелепой политики, чтобы сейчас по-настоящему динамизировать процесс.

— Если рискнуть перевести политику в плоскость человеческих отношений, получается, что Президента часто подводят соратники, а те, кого считают противниками, в решительный момент идут навстречу. Не срабатывает интуиция?

— Разве только у Президента? Вообще любопытно было бы исследовать сцены политической жизни в советском руководстве. Тут много бывает неожиданностей. Порой даже трудно проследить за логикой событий.

Человек, который с 86-го года, еще на должности председателя Госкомцен, последовательно разрушал ценовой механизм (более или менее до того рабо-

тавший), становится министром финансов. Финансы разрушены — получает в наследство недорушенное Рыжковым народное хозяйство. А, продолжая рушить, уже идет в атаку на поставившего его Президента... Достаточно нелепая ситуация...

Ведь посмотрите на реальные шаги Кабинета. Обмен купюр, который фактически, кроме всенародного стресса, не дал ничего. Повышение цен, умудрившееся не только по каждому гражданину ударить, но и на грань разорения поставить наше бедное сельское хозяйство. И одно из последних «достижений»: только договорились вроде, что с 1 июля республики получают право регулировать процессы ввоза товаров, квотирование и лицензирование,— с этого же числа правительством вводятся новые ставки таможенных пошлин. Это же дикость. Любая страна, испытывающая дефицит в товарах, продуктах питания, снимает всякие ограничения, дабы стимулировать завоз, а у нас что? Это не саботаж? На высшем правительственном уровне? Подобные, в лучшем случае неграмотные, решения резко ухудшают людям жизнь. Или, может, специально делается: еще больше обострить обстановку, а потом обвинить, уж не знаю кого, того же Горбачева?.. Возможно, и такой мотив предвиделся на случай, если полномочий не дадут: вот, отказали в требовании — положение и ухудшилось. Не знаю. Есть вещи, которые не понять.

Ведь нелепо же в самом деле полагать сегодня, что какие-то дополнительные полномочия или другие внешние факторы могут приостановить процессы, идущие в республиках, заставить, скажем, Россию изменить ее политический курс, если прошла она через референдум, через выборы своего Президента, достаточно четко прояснив для всех позицию народа. Нелепо взвинчивать нервы республик, которые могут ведь потребовать и отставки такого Кабинета.

— Президент России выбран, место председателя вакантно. В числе первых кандидатов называют ваше имя... Как вы сами к этому относитесь?

— Неоднозначно, как теперь принято говорить. Решит Съезд, что я нужен,— буду работать. Но, честно говоря, особого восторга не испытываю. Другим претендентам в этом смысле легче, они хоть не знают, на что идут... Во всяком случае, понимаете, для всех нас этот год даром не прошел, и я уверен в наших депутатах, уверен в Съезде: кого бы ни выбрали, это будет достойный человек.

— Говорят, в российском руководстве существуют две группы ельцинцев. Одна — радикальная, свердловская, другая — более умеренная, хасбулатовская.

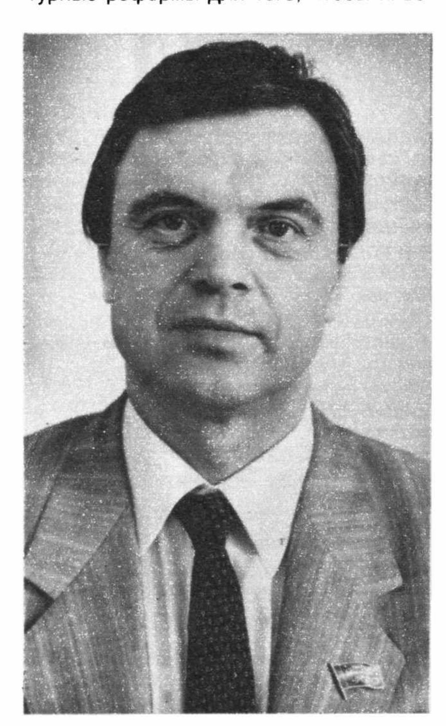
— Не согласен. Не замечал. Пока что у нас была одна команда, стержнем которой, безусловно, был Борис Николаевич. Хотя, конечно, порой разные у нас случались подходы, несовпадения в анализе. Как в любой нормальной работе. Кстати, мне часто удавалось довольно точно прогнозировать ситуацию.

Помню, например, впервые после своего избрания, в конце прошлого июля, Ельцин улетал почти на месяц — в Сибирь, на Дальний Восток. Вот стою у трапа самолета и не о текущих делах говорю, а о том, что сейчас, вероятно, центр развернет с нами борьбу, хотя, в общем, откровенных столкновений пока не было. Ельцин удивился — почему? Да потому что, говорю, привыкая к уходу республик, центр просто будет считать себя обязанным удержать под седлом Россию. И основную тяжесть этой борьбы нам придется взвалить на свои, российские, плечи. И действительно, не успел Ельцин, по-моему, приземлиться в своей командировке, Президент потребовал ликвидации наших банков. И пошло... С короткой передышкой на флирт вокруг «500».

Тут тоже любопытно. Когда еще в первый раз, помню, Борис Николаевич собрал всю группу разработчиков, экспертов, я тоже выступал. В целом положительно программу оценив, я предложил Явлинскому одновременно проработать и другой вариант — российский путь к рынку. Многие, даже Борис Николаевич, были неприятно удивлены — как так, зачем? Да вот, говорю, есть у меня сомнения, пройдет ли программа. Надо иметь запасной вариант. Увы, оказался прав. Думаю, Явлинский здесь проявил некоторую поспешность. Я ведь и после провала ему предлагал — давайте сразу приступать к российской программе. Но уверились, что не получится, что нельзя России одной к рынку двигаться. А почему нельзя, огромная ведь страна. Сложнее, но можно. Теперь, с опозданием, пришли и к этому варианту.

— А как вы относитесь к нынешним разработкам Явлинского? Не ждет их та же судьба?

— Понимаете, я вынужден относиться к этому вопросу с некоторым скептицизмом. Нам прежде всего необходимо провести собственные серьезные структурные реформы для того, чтобы инвестиционный капитал смог у нас работать. А не лег мертвым грузом очередного кредита. Даже могучая Германия буквально захлебывается от нагрузки, связанной с восточными землями. А чтобы вытянуть нашу экономику, не хватит всего мирового хозяйства. Поэтому, конечно, очень важно сотрудничество по конкретным программам, увязанное с конкретными фирмами, чтобы, уже переводя предприятия под юрисдикцию России, создавая экономически самостоятельные единицы рынка, мы могли бы их соединять с иностранными партнерами, привлекать инвестиции. Это бы логично привело нас более коротким путем к созданию смешанной экономики — базы рыночного хозяйства.

— За этот год в каких только криминальных сюжетах не обвиняли российское руководство: продают Россию оптом и в розницу. Пожалуй, только золото вам «продать» не удается?

— Это делали и делают без нас. И главное — все молчат. Можно найти очередного Копполу, какой-то там заграничный паспорт, по чьему-то предписанию выданный, и вперед. Публикации, вопросы, запросы, интервью. Из одной газеты в другую, из правых в левые и обратно. А вот такие крупномасштабные сделки (как прошлым летом и позднее), при которых большими партиями по смехотворным ценам уходит золото, алмазы, и Россия даже информацию о них получить не может, такие сделки союзного масштаба под эгидой союзного правительства никого не интересуют. Хотя криминала здесь хватит не на одно «дело о 140 миллиардах».

Я помню, как в переговорах с Рыжковым мы просили 30 тонн золота, чтобы положить его в наш банк внешней торговли и под золотой запас получить возможность вести дела на мировом валютном рынке. Он, кстати, обещал — постараюсь, мол... Мы не получили ничего, и очень долго банк не мог функционировать. Вот так, не заслужила Россия рожденных ею богатств. Не по ней честь.

Нам, знаете ли, совсем другое было припасено. Еще в прошлом октябре попал мне в руки занятный документ. Где-то в августе группа Кургиняна по заданию правительства подготовила такие своеобразные рекомендации для центральной администрации — как бороться с «противником». В данном случае под «противником» разумелось правительство и ВС России. Очень ценные выводы содержал этот серьезный труд: прежде всего необходимо, мол, увязать «их» (нас, стало быть) с криминальными структурами. А дальше — активно внушать населению доходчивую мысль о стремлении этих мафиозных групп свернуть страну с пути социализма. Не рекомендовалось, скажем, использовать термины вроде «либерализации», лучше, дескать, говорить «модернизация».

Забавно, конечно, если не задумываться над тем, каков уровень самих «заказчиков», управляющих государством, и если не знать, как развивались потом события. Тем более что вы помните — любые криминальные сюжеты нередко раскручивались синхронно с известными политическими атаками некоторых наших депутатов.

— Но мне кажется: для борьбы с российским парламентом и правительством не надо было никаких особых циркуляров разрабатывать. Достаточно только областной, скажем, власти не делать ничего. Не признавать аграрной реформы, не заглядывать даже ради интереса в программу Ельцина — Силаева... Кстати, признанное незаконным «совмещение должностей» все еще широко практикуется?

— Ну почему, многие ушли. Хотя, знаете, даже представить себе не мог, на какие унижения, ухищрения, оказывается, готовы идти люди, дабы сохранить власть. Ведь иные буквально выклянчивали: погодите, мол, примите закон о самоуправлении — завтра сложу полномочия. Удивительно.

Но главное не в этом. Безусловно, президентство в России упрочит и структуры исполнительной власти на местах. Понимаете, конституция конституцией, но очень важна такая категория, как политический режим. И когда он зависит от смены того или иного лидера, происходящей без какого-либо участия населения,— это достаточно опасная вещь. К которой мы, впрочем, давно привыкли. Выборы же лидера всенародным голосованием дадут определенные гарантии избирателям. И, я думаю, процесс, говоря языком Солженицына, обустройства России пойдет по пути создания эффективных органов власти. Это могут быть институты мэра, как в Москве и в Ленинграде, или по-прежнему председателей Советов, но выбранных с участием всего населения.

— А были моменты, когда на вас лично из центра, от лица, скажем, Президента, пытались повлиять в обход, что ли, Ельцина?

— Нет, зачем? Там ведь неглупые люди работают. Я поддерживаю хорошие отношения с некоторыми советниками Президента. С вице-президентом Геннадием Ивановичем Янаевым мы вообще давно знакомы и, кстати, вместе с ним приложили достаточно усилий, чтобы состоялось первое совещание в Ново-Огареве. Так что ничего, сотрудничаем.

— Руслан Имранович, вы остаетесь членом КПСС, связывая с партией определенные надежды?

— Видите ли, еще много лет назад, будучи студентом, я говорил, что у нас существуют две партии. Одна — простые коммунисты, их миллионы, честных, порядочных людей, и в этом смысле действительно народ и партия едины. Вторая — руководящая партия, начиная с аппарата райкома и так далее, тот самый сталинский орден меченосцев. Здесь, по-моему, мало что изменилось, а я как состоял в первой, так в ней и пребываю. Взгляды и идеи коммунистические — они ведь не в Москве, не в Петербурге произросли. И не от Маркса, между прочим. Сама идея, если понимать ее философски широко, искренняя, гуманная, стремление к идеалу. И вовсе не предполагала немедленного своего воплощения — завтра же взяться с топором за строительство, заодно и человека нового построить — руки, головку ему обстругать, если уж при коммунизме-то жить, чтобы соответствовал. В этом ведь трагедия, а мечта чем виновата?

Я глубоко убежден, что, если бы большое количество членов партии сейчас поддержало реформистское крыло Руцкого, партия получила бы новый внутренний импульс.

— Выборы Президента России, кроме сорока пяти миллионов за Ельцина,— это еще и шесть миллионов за Жириновского. Через полгода Владимир Вольфович как будто обещает переманить и ельцинские сорок пять. Вам не страшно?

— Страшно, потому что это плата за шесть лет бессмысленного топтания на месте, за шесть лет разговоров о реформах и дикого сопротивления любому проявлению здравого смысла. Эти годы многих привели к глубокому разочарованию в лидерах и в программах, которые кочуют из парламента в парламент, из правительства в правительство без видимых результатов. А любое разочарование рождает в обществе некое конформистское начало, уже тем опасное, что рано или поздно значительное число сторонников приводит под знамена грубой силы и откровенного параноидального диктата. Когда-то Гитлер тоже собрал шесть миллионов голосов. Когда-то первый раз на выборах тоже проиграл. Не забыть бы...

Если мне удавалось не слишком поздно прийти домой и, включив телевизор, наблюдать за «политическими дебатами» кандидата, признаюсь, казалось, что это лишь очередной акт театра абсурда. Что-то немыслимое — никаких союзных республик, никаких автономий, губернии — и точка. И никаких проблем. Не приведи Господи увидеть, как Жириновский сейчас из Татарстана, скажем, будет губернию делать... Но шесть миллионов, видно, этого не боятся...

— А ведь первое явление Жириновского народу произошло на вашем Съезде: веселились, веселились, и пожалуйста. Ему, стало быть, обязаны...

— Вот представьте, 477 депутатов за Жириновского, отсюда делайте вывод — легко ли председательствующему в порой непредсказуемом зале. Хотя я бы не стал упрекать наших депутатов в некоем злом умысле. Думаю, тут сыграли роль другие мотивы: наши демократически настроенные депутаты своими не слишком ласковыми вопросами Жириновскому достаточно обнаружили свою позицию. А другие, естественно, решили — ах, Иванов «против», тогда я «за». Все мы люди, что сделаешь? Может, и я виноват — ирония у нас, знаете, тоже не всегда адекватно воспринимается. Но в целом я бы не хотел, чтобы этот эпизод бросал тень на наших депутатов. За этот год все мы очень выросли. Вы поймите, большинство депутатов, особенно те, что в Верховном Совете,— это же гра-

мотные, подготовленные люди и, главное — великие трудяги. Они оторваны от дома, от семей, здесь нет даже нормального питания. Многие из них, в прошлом крупные руководители, отказались от своих высоких зарплат, а что такое депутатские 500 рэ по нынешним временам, тоже объяснять не надо. Еще до избрания Ельцина мы советовались с ним, на президиуме обсуждали и, думаю, не вызовем больших обид у избирателей, если все-таки найдем возможность повысить депутатам зарплату. Тем более что Верховный Совет СССР это давно сделал.

Мы вот любим все о привилегиях рассуждать, а тут, смотрю как-то, у депутата, извините, штаны рваные. Посмотрел на женщин наших, господи, все так и ходят, в чем приехали. Ладно, думаю, надо что-то делать. С огромным трудом, еле-еле, по собственной инициативе договорился о выездной продаже для наших депутатов. Что тут началось! Газеты, телевидение... А, ладно, что об этом, устал уже удивляться.

— Вообще-то у нас каждый из новых лидеров сразу получает свою долю компромата. Но Хасбулатов, по-моему, под обстрел не попадал?

— Ну почему? Что, я хуже других? «Гласность» вот в двух номерах мою будущую квартиру расписывает. Метров, по-моему, 150 насчитали. Если раза на два с половиной поделить — может, что-то близкое к истине получится. Я в Медведково живу, два года обмен искал, а нашел, как назло, накануне выборов в Верховный Совет. Там уж не до обмена стало. Сейчас вот выделили, но... Получил, как вы говорите, свою долю компромата.

— В семье у вас — политическое единомыслие?

— Прежде всего моя семья — крепкая команда экономистов. Жена на предприятии работает, сын поступил на дневное экономическое отделение заочного политехнического института. Так решили: не надо ему в Плехановский — папа-завкафедрой ему ни к чему. Дочь — еще школьница, в последнем классе. Но, знаете, мне бы не хотелось, чтобы дети как-то по политической стезе пошли. Слишком многое за этот год увидеть и осознать пришлось. Почем фунт власти в нашей стране, теперь представляю. На два тома о бюрократии хватило...

— Иногда перед телевизором, в одурении от очередных дебатов очередного съезда, так и подмывает спросить невозмутимого председательствующего: ну зачем вам все это надо, профессор Хасбулатов?

— Уж не такой невозмутимый. Человек ведь, иногда припекает. Мне, правда, многие депутаты тоже говорят: придешь к вам в глухом пессимизме, выйдешь почти оптимистом. Чем-то, стало быть, полезен...

Думаете, оптимизм — черта характера? Как вам сказать, скорее способность к анализу, что ли, к расчету.

Когда разразился наш «черный четверг», как обычно в отсутствие Ельцина, с заявлениями о недоверии, с попытками его свергнуть, с требованием немедленно созвать съезд, я убеждал наших наиболее ярых товарищей — не торопитесь. Откуда вы знаете, что «народ устал», что «народ требует»? Откуда уверенность, что сами не рискуете и что поддержат именно вас? Надо нормально провести съезд, надо дать председателю возможность выступить с серьезным докладом... Результат всем известен. А насколько «поправел» народ, показали выборы Президента, выборы в Москве и Ленинграде.

И потому, знаете, не люблю этих рассуждений, в которые время от времени пускается даже не худшая часть нашей интеллигенции: народу российскому сильную бы руку, твердую власть. Не надо сильной, не надо слабой. Власть должна быть, во-первых, рациональной, во-вторых, эффективной. И я знаю, другой властью российский народ себя уже не унизит.

По-моему, в нашей ситуации надо не бастовать, а на каждом предприятии отыскать или «купить» своего Явлинского. Пусть разработает систему организации труда на каждом рабочем месте, чтобы соблюдалось правило: время — деньги.

Г. СМИРНОВ
Якутия

Третьи сутки продолжаю голодовку с требованием уволить меня из армии. Командование угрожает судебной расправой. Прошу поддержки и защиты.

ГОНЧАРЕНКО, старший лейтенант
Хмельницкая обл.

Мы разрушили систему, которая худо-бедно кормила, одевала, учила и лечила нас. Сейчас впали в нищету. И после этого бросаемся в объятия Запада. А ведь он стал демократичным под давлением СССР.

Ю. ИОНОВ, писатель
Сыктывкар

Я хочу понять, чем вы руководствовались, когда публиковали в № 24 «Огонька» статью «Кордебалет с партбилетом». Вы буквально плюнули в лицо каждому из 16 миллионов коммунистов, а также многим десяткам тысяч членов других партий.

М. АНДРЕЕВ
Москва

■

В № 10 «Огонька» было опубликовано письмо, в котором жительница Канады Анна Григорьевна Шустер обращалась с просьбой помочь отыскать ее сына, который в 1943 году ушел на фронт, но с 1945 года не подавал о себе вестей. Недавно мы получили из Канады еще одно письмо:

Уважаемый господин Коротич! Письмо о поисках моего пропавшего брата появилось в вашем журнале. Реакция была потрясающей. Нас завалили десятками писем ваши читатели со всей страны. Третье по счету письмо было от старшей дочери моего брата. Она сообщила, что отца уже нет в живых, он умер в Хабаровске в 1976 году. Эта новость была и радостной, и горькой одновременно.

Благодаря публикации наша семья увеличилась. Мы нашли вдову моего брата, ее двух дочерей и их семьи. Наши поиски окончились. Увы, брата, которого я в последний раз видел 17-летним парнем, уходящим в армию, мы больше никогда не увидим. Мой брат умер с мыслью, что он брошен и забыт своей семьей, и эта печаль пронизывала его жизнь.

Много лет мы с матерью использовали всевозможные контакты, чтобы восстановить с ним связь. Мы писали письма Хрущеву, Брежневу, Косыгину, Андропову и Горбачеву. Просили помощи у канадского правительства, постоянно обращались в Красный Крест. И нам отвечали, что моего брата нет на территории СССР. А все это время он жил по одному и тому же адресу в Хабаровске.

Мы с мамой хотим сказать, что навеки благодарны вашему изданию. Мы уже пригласили жену брата и его дочерей приехать к нам в октябре на свадьбу моего сына. Надеемся, это будет возможно.

А теперь перейду к еще одному трогательному моменту. Мы получили, как я уже говорил, около 35 писем от ваших читателей, и письма все продолжают поступать. Во многих из них высказывается желание помочь в поиске, в них — искреннее сочувствие. Все эти письма характеризуют ваш народ, в котором сохранился огромный потенциал добра. Хочется пожелать этому народу лучшей жизни.

Мы с мамой хотели бы выразить нашу сердечную благодарность всем, кто нам написал, и вообще всем людям вашей страны.

А. ШУСТЕР
Канада

■

Вот и не стало телепрограммы «До и после полуночи». Еще одна звезда погасла для миллионов советских людей. Процесс омертвления государственного телевидения, начавшийся закрытием «7-ми дней» и «Взгляда», вступает в свою завершающую стадию. Когда-то Стругацкие написали замечательную фразу о том, что серые начинают и выигрывают. К сожалению, на Центральном телевидении «серые» уже наступили. В официальных кругах это могут называть как угодно: упорядочением работы средств массовой информации, отказом от субъективного подхода отдельных журналистов и тому подобное, но существа дела все эти формулировки изменить не могут. Постепенное и планомерное выживание честных, талантливых людей с Центрального телевидения ведет к его полнейшей деградации. С точки зрения партийных идеологов, ТВ является мощным проводником их замыслов. Глядя на беспробудно тусклый экран, можно оценить эти замыслы по достоинству.

Впрочем, как любил говорить Сталин, незаменимых людей у нас нет. И вполне возможно, что «До и после полуночи» разделит печальную судьбу программы ТСН, когда в один памятный вечер мы вместо Гурнова, Митковой и Ростова увидели каких-то безликих, но лояльных режиму ведущих. Не исключено, что на Королева, 12, уже готова замена впавшим в немилость отличным журналистам «До и после...» и у нынешнего владельца телевизионного театра кукол припасена пара-тройка марионеток, готовых выполнить любое пожелание «хозяина». И телезрители уже не удивятся, если через месяц после знакомой заставки они увидят не Владимира Молчанова, а какую-нибудь случайную фигуру, в очередной раз брошенную прикрыть тот «участок», на который порядочный, уважающий себя человек никогда не пойдет.

Н. БАРТАШЕВИЧ
Москва

■

Не знаю, кто додумался до этого, к кому обращаться, но речь идет о налогах с пенсионеров за сданные продукты государству.

Я скажу о себе. Получала пенсию 70 рублей, теперь, после добавки — 84. На них не прожить. Ведь надо на зиму купить дрова, нанять кого-то распилить их, расколоть. Плачу за квартиру, за свет. На зиму надо купить хоть телогрейку, валенки. Купить поросенка тоже недешево, а потом кормить его больше года. И если я сдам немного сала, мяса — от себя оторву — и я же должна платить налог за сдачу? Или же посажу лишний мешок картошки, все лето ухаживаю за огородом, уберу урожай, а если сдам лишнюю — тоже налог.

Нам бы, старухам, спасибо сказали, что мы не сидим сложа руки, а стараемся сами себя прокормить, да еще излишки сдать для жителей города, а нас — налогом. За что же к нам такое «милосердие»?

В. БОГИНСКАЯ
Пос. Кухтерин Луг
Амурской обл.

Товарищу Павлову необходимо вернуть цену водки к 5 рублям и наладить ее производство без дефицита. Затянулась бы «дыра» в бюджете, появился бы сахар без талонов, отпала бы мафиозная деятельность торговых органов.

Э. МАРКОВ
Нижний Новгород

И опять встают наши вечные вопросы «что делать?» и «кто виноват?». На первый конкретного ответа никто не дает. А на второй вопрос я нашел ответ случайно в одной из школ города на стенде «Планы партии — планы народа», где сказано: «Сегодняшние свершения советского народа есть прямое продолжение дела Октября, воплощение идей великого Ленина».

Н. КОНДРАТЬЕВ
Нелидово
Тверской обл.

Почему-то у нас отбило память, что войну Японии объявили мы. Мы напали, разбили, захватили острова и Южный Сахалин. А теперь что-то еще лопочем о новом мышлении, о справедливости, когда по-прежнему господствует право сильного.

С. ИВАНОВ
Челябинск

КОЛЕЯ ЗДРАВОГО СМЫСЛА

***РОССИЯ...
ЕЩЕ ДРЕМОТНАЯ, С МУЖИКАМИ, РАСПИВАЮЩИМИ ТАЛОННУЮ ВОДКУ НА ФОНЕ ПРИШЕДШИХ В ЗАПУСТЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ... НО ИДЕТ УЖЕ ДРУГОЕ ВРЕМЯ. ВЕРИМ: БУДУТ ОТСТАВЛЕНЫ В СТОРОНУ СТАКАНЫ, И ВОЗЬМЕТСЯ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК ЗА ДЕЛО.***

Павел НИКИТИН

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

В тишайшем Переславле-Залесском, известном доныне, только как колыбель российского флота, состоялась презентация первой в нашем рабоче-крестьянском государстве коммерческой, «частной» железной дороги.

В центре внимания званой публики оказался, конечно же, он, чудом избегнувший смерти от ржавчины, автогена и мартенов паровозик. Словно чувствуя, что именно на него устремлены все взгляды, железнодорожное ископаемое, этот самоварчик на колесах, самодовольно пыхтел и время от времени небрежно поплевывал паром: вот, мол, я какой — маленький, да удаленький.

Машинист был преисполнен родительской гордости, поскольку паровозик возвратился к жизни его трудами. И Анатолий Гусев, председатель кооперативного объединения «Декор», тоже был горд. Год назад он сказал мне, что мечтает пустить по рельсам купленной кооперативом узкоколейки уникальный старинный состав. Я, каюсь, подумал: мечтать не вредно. Ну, где в наше время разыщешь старинную узкоколейную технику? И вот, пожалуйста, мечта материализовалась, а я приглашен на торжество.

Гусева я знаю с той поры, когда Закон о кооперации еще на свет не появился, а кооперативы росли, как грибы. Ярославская партийно-чиновная верхушка одной из первых в стране выступила против кооперации, распорядившись арестовать счета всех кооперативов. Казалось, тем ничего не остается, кроме самоликвидации. Но случилось неожиданное: пионеры советского предпринимательства не разбежались в панике, а объединились в первый в РСФСР союз кооператоров. Месяц они добивались его официальной регистрации. Штаб «мятежников» регулярно заседал у Гусева.

Когда кооператоры объединенными усилиями взяли верх над чиновничьим произволом, «посиделки» у Гусева не прекратились. Еще долгое время у него собирались те, кому необходимы были помощь и совет.

Однако в ту пору Гусев не принадлежал к числу «звезд» предпринимательского мира. Пока другие охотились за сверхприбылью, надеясь разбогатеть за

один день, Гусев тешил детишек. Его кооператив показывал в городском детском парке мультяшки, строил игровые площадки для ребятни, и никто не мог подумать, что через четыре года Гусев станет миллионером.

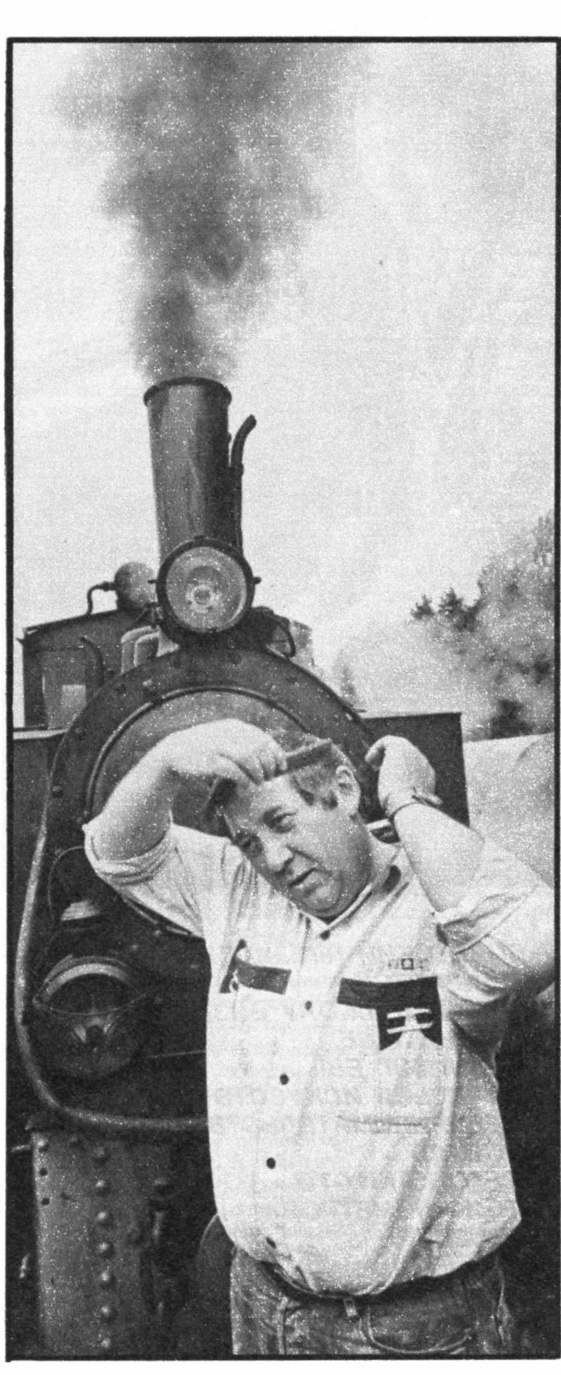
...Весной 1989 года министр топливной промышленности РСФСР подписал приказ о ликвидации Купанского промышленного железнодорожного транспорта, а проще — 154-километровой узкоколейки, опоясавшей берега знаменитого Плещеева озера. Ее предстояло разобрать, а обслуживающий персонал уволить. Узкоколейка, построенная с целью вывозить добываемый в этих местах торф, приносила ежегодно министерству 900 тысяч рублей убытку. И надежд поправить дела не было никаких.

Бесперспективную, погибающую дорогу купил Гусев. При этом он взял на себя обязательство, восстановив полотно, выполнить заказ по перевозке всех

государственных грузов. По госрасценкам! На Гусева тогда смотрели как на человека, который не ведает, что творит. Тот, мол, еще бизнесмен!

Но очень скоро бывшие хозяева узкоколейки принялись кусать себе локти. Всего за один год стальная колея, которую собирались разобрать за ненадобностью, принесла кооператорам значительную прибыль!

Почему? Да потому, что пришел конец сумасшествию уравниловки -- жизнь вошла в колею здравого смысла. Разве не абсурд: по ветке проходил один состав в сутки, а на линии работали в три смены?! А будет ли настоящий хозяин закупать на стороне шпалы, если их можно изготовить самим, ведь Купань стоит среди лесов. Собственные шпалы в восемь раз дешевле покупных. И почему в штатном расписании «железки» на каждого работающего приходится погоняла? После того как узкоколейка перешла к новым хозяевам, из 52 управленцев на ней остались 7. Их посадили в пустовавшее ранее здание вокзала, а контору приспособили под цех по изготовлению пакетов для упаковки торфяных отходов. Отжившие свой век рельсы раньше ржавели бесхозно. Кооператоры стали изготовлять из них перекрытия и другие строительные детали.

— Промышленные предприятия используют свои возможности максимум на пятьдесят процентов,— размышляет Гусев.— Резервы огромны. Они всюду, как и разруха. Я готов купить любой убыточный завод и вытащить его из долговой ямы.

На сессии областного Совета он предложил создать кооператив по превращению убыточных предприятий в прибыльные. Его предложение далеко не все сочли фантастическим. Позвонили из объединения «Ярославльпивоагропром»: «Может, выручите нас, купите завод минеральных вод в Угличе? Не знаем, что с ним делать...»

Гусев с покупкой не промедлил. Следующим приобретением кооператива стал филиал Переславской кондитерской фабрики в Нагорье, селе, расположенном за сорок километров от города. Дирекция решила избавиться от филиала по причине того, что «руководить им издалека хлопотно». О, империя абсурда! Ни конца тебе, ни краю! Ну почему тот же Гусев за четыре года у руля «Декора» не объявил ни одного выговора, никого не замучил директивными указаниями? Да у него нужды в том нет. Когда человек — хозяин своему делу, его не надо погонять.

На какие деньги покупает Гусев дороги да заводы? Такие покупки становятся возможны только потому, что более половины прибылей выделяется на расширение производства. Гусев не поддается соблазну набить карман сегодня, а завтра — трава не расти. И не думайте, что это легко. Когда в нашей отдельно взятой стране отдельно взятый человек вступает на стезю предпринимательства, против него ополчаются все и вся. И государственные чиновники, сидящие на окладе и считающие, что день прошел зря, если не удалось заволокитить какое-нибудь доброе дело. И общественное мнение, без суда и следствия приравнивающее каждого предпринимателя к жулью. Против него милиция и КГБ, имеющие право даже без ордера, так — забавы ради, нагрянуть с обыском, опечатать документацию и наличность. Против него весь наш жизненный уклад с длинными, изматывающими душу очередями, жалким существованием от зарплаты до зарплаты. Как опостылело все это, как хочется пожить по-настоящему, по-человечески! И как можно быстрее. Как там поется? «Нет-нет, мы хотим сегодня, нет-нет, мы хотим сейчас!»

На заре предпринимательской деятельности кооператив «Декор» покинули две трети пайщиков именно потому, что они не хотели вкладывать бо́льшую часть заработанного в завтрашний день, им желательно было проесть прибыль сегодня, сейчас. Это было самое трудное время в жизни Гусева. По вечерам он был вынужден кроить кожаные галстуки,

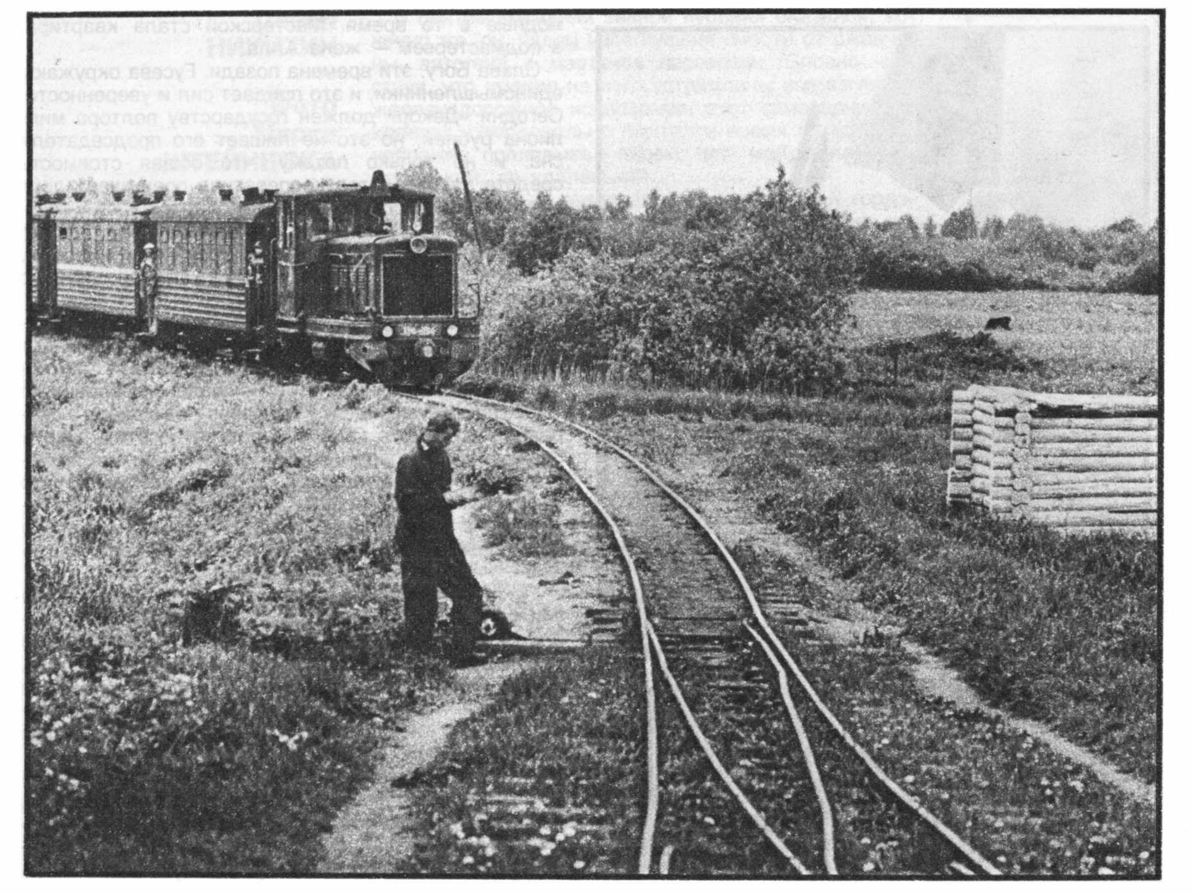
модные в то время. Мастерской стала квартира, а подмастерьем — жена Алла.

Слава Богу, эти времена позади. Гусева окружают единомышленники, и это придает сил и уверенности. Сегодня «Декор» должен государству полтора миллиона рублей, но это не лишает его председателя сна, и не только потому, что общая стоимость средств производства кооператива превышает долг во много раз. Если бы Гусев не одалживался у государства, он был бы вынужден годами копить капитал для покупки заводов. Беря ссуду, он экономит время, а оно — деньги. Только вот большинство из нас плохо себе это представляет.

Союз ярославских предпринимателей избрал Гусева своим председателем. За границей начинает мелькать его фамилия. Вот что написала, в частности, американская газета «Сан-Франциско Кроникл»: «Советский президент Горбачев во время очередной поездки в США собирается посетить школу бизнеса в Стенфорде, но он мог бы поучиться искусству предпринимательства, проехав всего каких-то сто километров на север от Москвы, чтобы встретиться с Анатолием Гусевым и поучиться у него превращать убыточные предприятия в прибыльные».

Гусев по специальности строитель, никогда не учился предпринимательству. Он не прочитал ни одной книги по бизнесу, кроме тонюсенькой, попавшей ему в руки случайно брошюрки о пользе рекламы. Предпринимательский талант достался Гусеву от его предков — ярославских купцов. Анатолий мечтает выкупить у государства сохранившуюся до наших дней дедовскую лавку...

В отечественном бизнесе на первом месте не логика, а интуиция. Чисто интуитивно, еще в то время, когда даже мысли об этом отдавали за версту крамолой, Гусев начал вкладывать деньги в собственность. Сегодня он пожинает плоды своей дальновид-

«СОВЕТСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ СОБИРАЕТСЯ ПОСЕТИТЬ ШКОЛУ БИЗНЕСА В СТЕНФОРДЕ, НО ОН МОГ БЫ ПОУЧИТЬСЯ ИСКУССТВУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, ПРОЕХАВ ВСЕГО КАКИХ-ТО СТО КИЛОМЕТРОВ НА СЕВЕР ОТ МОСКВЫ...»

ности, основанной исключительно на чутье. Каждый рубль, вложенный в железную дорогу, завод минеральных вод и другие производства, оборачивается, как минимум, десятикратным выигрышем. Собственность гарантирует пайщикам «Декора» социальную защищенность, делая их независимыми от милости или немилости государства.

По расхожему мнению, миллионер — человек, купающийся в роскоши, и денег у него куры не клюют. Гусев живет в однокомнатной «хрущевке», в которой диван в разложенном виде занимает половину жилья. У миллионера Гусева нет даже своего автомобиля. Его миллион материализован в Купанской «железке», в Угличской минералке. Свой миллион Гусев буквально поднял с дороги и тем самым вступился за тот единственно нормальный жизненный уклад, при котором такие деньги на дороге не валяются.

Ярославль

■

Уважаемая редакция, обратиться к вам меня заставило отчаяние. Я просто не вижу выхода из создавшегося положения. Дело в том, что я инвалид I группы с детства. Живем мы вдвоем с мамой, отец умер. Моя мама заболела раком молочной железы. Была операция, но пошли метастазы, и процесс этот наша медицина остановить не может. Маме становится все хуже и хуже. У нее сильные боли, и я уже не могу смотреть, как моя мама мучается. А в нашей стране нет ни лекарств, ни оборудования, почти ничего нету.

Надежды почти не осталось. Но если с мамой что-нибудь случится, мне тоже недолго жить. Мне 24 года и умирать никак не хочется.

Помогите маме. У нас нет надежды, кроме лечения за границей или хотя бы хороших лекарств. Опубликуйте мое письмо, может, кто-то откликнется и поможет. На вас последняя надежда.

Наш адрес: 141090, Болшево-6 Московской области, городок 3, дом 20, кв. 100. Телефон 515-13-57.

Сергей МЕЛЬНИКОВ

Я у них был, я их видел. Они не плакали, не жаловались. Даже улыбались. Не хотели портить гостям настроение. Мать робко заговорила о письме. «Бесполезно,— сказал я.— Все равно никто не поможет. Таких писем — вагон». Сказал тихо, но Сережа услышал. «Я так и знал».— Он улыбнулся. Он не может не улыбаться — такая болезнь: лишила ног, рук и приклеила улыбку. Кругом миллионы здоровых, с руками, с ногами, но со злыми, агрессивными лицами... У Сережи интеллект не пострадал. Он читает газеты, смотрит телевизор, абсолютно все понимает. Ясно сознает и свою судьбу — что с ним, беспомощным, будет, когда он останется один.

«Ладно, давайте письмо. Попробуем». Конечно, Минздрав не поможет. Уж какие настырные бились — не добились. Конечно, Детфонд им. Лиханова (или Ленина?) не поможет. Уж сколько их стыдили в печати, а им хоть бы что. Но я обращаюсь к читателям «Огонька»: если у вас есть знакомый гангстер, валютчик, рэкетир, торговец наркотиками — покажите ему письмо Сережи. В нем нет и тысячной доли страданий — Сережа стесняется жаловаться. А у бандитов бывают большие шальные деньги и случаются приступы благородства. Пусть спьяну, пусть для куражу — все равно. Сережа и его мама никогда не дождутся государственной помощи. А она нужна немедленно. Для них через месяц — все равно, что никогда. А разбойникам надо делать добрые дела — зачтется на небесах.

Александр МИНКИН

■

Прожила я на свете почти 40 лет, но впервые в прессе встретила публикацию о Русском острове («Огонек» № 19). В отличие от вас, уважаемые авторы фоторепортажа С. Аленин и В. Веленгурин, на этот остров я попала без всякого разрешения и допуска. Этот засекреченный кусочек земли — моя Родина, которую мне так и не довелось сохранить в памяти...

На мой день рождения отец подарил мне магнитофонную запись, где говорится о том, каким был остров Русский много лет назад. Хочу поделиться с вами этой записью:

«...Кажется, это было совсем недавно, как появилась ты на свет. Трудно представить, но твоя мама была тогда моложе, чем ты теперь. Как все-таки быстро летит время!

Служил я тогда на одном из островов в Тихом океане. Остров как остров, небольшой кусочек земли в открытом море, обдуваемый со всех сторон солеными морскими ветрами, маленькая бухта на острове, сопка, поросшая орешником, хлопковым деревом да еще какими-то деревьями, похожими на бананы. У подножия сопки — казарма, где живет сотня солдат, да два солдатских домика. Вот и весь гарнизон. На другом краю острова еще 2—3 таких гарнизона, а где-то в середине острова — небольшой военный госпиталь.

Жили мы в деревянном домике почти у самой воды. В начале июля в Приморье обычно стоят сплошные туманы, часто идут ливневые дожди, но в день твоего рождения, 6 июля 1951 года, на острове стояла удивительно тихая, солнечная погода.

Около 10 часов мама сказала, что надо ехать в госпиталь. Сопровождали ее медик из части и я. И надо ж было так случиться, что родилась ты по дороге в госпиталь, в пышном приморском лесу. Когда подъехали на грузовике к госпиталю, пожилой военный врач, убедившись, что обошлось благополучно, и узнав, что родилась девочка, совсем несердито проворчал: «Вечно эти девчонки торопятся, даже родиться вовремя не могут».

Вот так, Люда, ты начала свою жизнь, и пусть будет она такой хорошей и солнечной, как тогда, на том далеком Русском острове»...

К сказанному моим папой хочу добавить, что с острова мы уехали, когда мне был год, и в моем воображении он остался таким, как мне рассказали родители.

Теперь живу за тысячи километров от родного острова. Очень хотелось бы там побывать, но увы... Мы с мужем растим сынишку, Димку, посадили на его рождение дерево и теперь строим дом. Скоро у меня сорокалетие. Приглашаем вас на день рождения. Это совсем недалеко, час на электричке с Ярославского вокзала до станции Детская, а там и видно.

Л. АРХИПОВА
Ивантеевка
Московской обл.

■

Уголовный кодекс у нас подогнан не под Конституцию, а под систему. И это почти всех устраивает. Ведь сейчас что получается: если ты внаглую не взломал двери магазина, а с заднего хода вынес, то ты вроде уже и не вор, а умеешь жить. А ведь вор, он и есть вор, как бы он ни украл.

Или вот пресловутая 206-я статья, часть II. Я малолеткой начинал с нее свою жизнь тюремную. Кому-то, может быть, и за дело разбил рожу, но я все равно преступник, а что, допустим, меня в милиции бьют смертным боем, как это называется?

А вот самое главное. Уверяют, мол, у нас сидят одни преступники. А мне кажется, государству просто выгодно иметь определенное количество преступников, мы же сверхприбыли даем. Из 90 человек в отряде, с кем ни поговорю — понимаю, что половину не надо бы сажать. Спрашиваю, например: вот если бы у тебя была возможность не украсть овцу, а заработать на тот же литр вина? Говорит: лучше, конечно, заработать. Это я к тому написал, что у нас один парень сидит за то, что овцу украл,— 4 года, а другой веником жену по заднице нахлопал, получил 3 года (ранее судим был). И все считаются матерые уголовники. Или вот я, если бы мог купить бутылку вина в 7 часов вечера, разве я полез бы на дачу искать вино? А теперь скажите, кто нас делает преступниками?

А. КУРКИН
Новочебоксарск

РЕПЛИКА

ЖЕЛАТЕЛЬНА РЕТУШЬ?

В журнале «Журналист» № 6 перепечатаны из разных изданий три фотоснимка и один монтаж с таким многозначительным резюме: «Не вспоминается ли вам комикс Бидструпа про нахального фоторепортера, заглядывающего в спальни власть имущих?» Упоминается там и наш журнал: «Несколько изданий обошло выглядящее карикатурно фото И. Полозкова. Мы его взяли из «Огонька».

Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, обнародованная фотография И. К. Полозкова нам не кажется карикатурной. Во-вторых (и это уже принципиально), мы стараемся и будем стараться впредь публиковать снимки не «представительские», а репортажные, раскрывающие сущность события или личности. То, что не понравившееся «Журналисту» фото «обошло несколько изданий», свидетельствует, что мы не одиноки в этом своем стремлении.

ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ

В № 11 журнала за 1989 год был опубликован отрывок из книги Р. Шлассера «Человек, который прозевал революцию» («Сталин в 1917 г. Человек, оставшийся вне революции») в переводе О. В. Захаровой. Фамилия переводчика указана не была. Редакция приносит О. В. Захаровой извинения за допущенную ошибку.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вокруг света катятся с грохотом, будто взрывные волны, людоедские пророчества борцов за Ослепительное Советское Будущее, которые никак не уймутся и собственную катастрофу беспрерывно объявляют концом света. Генерал за генералом, представители депутатского «Союза» и деятели бюрократических союзов разного рода грозят нам, пугают, пытаются обратить время вспять.

Помню, как в Риге один из сторонников мятежных полковников-депутатов с вызовом сказал мне, указывая на монумент Свободы, бронзовую женщину, подымающую к небу три золотые звезды — символ трех земель Латвии: «Кто вспомнит, что это за звезды и что это за свобода? Кому она нужна? Еще немного прижать их, и все будут считать, что это реклама трехзвездочного коньяка и ничего больше...» Врежь я ему тогда по физиономии, небось сказали бы, что так называемые демократы по американскому заданию патриотов лупят. А у патриотов, мол, плюрализм, и нечего им рты затыкать. Впрочем, на то им, похоже, и выданы отечественное гостелерадио и директивная пресса... Все-таки общение на уровне «Советской России» и ура-патриотических листков — грустная крайность. Есть и другой полюс. Это там, где общаются, желая сделать не хуже, а лучше, стремясь не спровоцировать, а помочь.

В сегодняшнем мире люди все больше ценят возможность именно такого общения. Если это нормальные люди. Если они заинтересованы выяснить то, что было для них неясным. Если, участвуя в политическом процессе, они не просто заваривают кашу, а готовы ее расхлебывать до конца. А каша эта полезна и съедобна.

Американский вице-президент Дэн Куэйл именно так говорил о Ельцине. Ему понравилась ельцинская решимость отстаивать и проводить в жизнь убеждения — качество, чрезвычайно ценимое государственными деятелями во всем мире. Слушал я Куэйла в конце прошлой недели, когда высоко в горах, на даче у бывшего американского президента Форда, на несколько дней собрались деятели разных стран, возрастов, профессий и рангов, чтобы поговорить о происходящем в мире и понять смысл событий. Действующие политики вроде Дэна Куэйла или министра обороны США Ричарда Чейни, политики отставные, начиная с человека, собравшего нас, бывшего американского президента Джеральда Форда.

Гельмут Шмидт, бывший германским канцлером в семидесятых и начале восьмидесятых годов, сказал мне, что, бесспорно, видит способы нашего спасения и верит в них.

— Послевоенная инфляция в Германии и Японии,— сказал Шмидт,— была похлеще вашей, но ее удалось одолеть. Да и вы сами в двадцатых одолели инфляцию вполне самостоятельно и успешно. Будьте реалистами: вам нужны десятилетия, чтобы возродить предпринимателей, воссоздать безотказную денежную систему. Но я уверен, что, если надо будет,— к вам придут на помощь многие. Еще шесть лет назад я предлагал пригласить Горбачева на встречу руководителей развитых стран. Мы должны ощущать и укреплять мировую взаимосвязанность...

— Я очень обрадовался, когда в «Огоньке» появились мои воспоминания о Брежневе,— сказал Валери Жискар д'Эстен, бывший президентом Франции в семидесятых — начале восьмидесятых.— Как личную боль я воспринимал то, что подчас руководители ваши и государство бывали не на должном уровне, но всегда откровенно говорил и писал об этом. Ведь вы великий народ, страна с огромным потенциалом. Надо, чтобы ваши собственные люди поверили, что все у вас может сложиться по-человечески. Даже когда армейские экстремисты пытаются вас запугать — не бойтесь, я уверен, что советская армия не пойдет за ними, не восстанет против собственного народа и реформ, совершающихся ему во благо. Задача перед вами труднейшая: даже Восточная Германия не может преобразоваться — Германия Западная мучительно вращивает в нее свои структуры. Исторические изменения совершаются не просто и аккуратно: мы создавали европейское сообщество более тридцати пяти лет. Имейте терпение и веру, дабы не сворачивать с избранного пути: все у вас получится...

— Верил и верю в вас еще с тех пор, как почти полвека назад побывал в разрушенном Сталинграде,— сказал мне лорд Каллагэн, возглавлявший британское правительство в канун восьмидесятых годов.— Поверьте и вы в свои силы. Все, кто пугает вас, делают это ради собственной выгоды. Не слушайте их, обопритесь на людей умных и талантливых, дайте им шанс реализовать себя. Используя уроки человечества, не забывайте о богатейшем собственном опыте, но не слушайте тех, кто умышленно путает патриотизм с провинциализмом...

В который уже раз я подумал, что мы в Советском Союзе не понимаем подчас, скольким люди хотели бы нам помочь — от рабочих до президентов. И запугивательные потуги отечественных борцов за Ярчайшие Самоценные Идеалы столь же далеки от народного блага, как три звезды на рижском монументе Свободы от трех звезд на погонах полковника Петрушенко или генерала Макашова.

...и если есть у меня друзья, то они летают на шарах. А я за них молюсь время от времени. (Больше ничего!..)

Мне не нравится слово «монгольфьер» и не нравится «баллон», и я, как бабуля, говорю: воздушный шар. Подобная вольность простительна тому, кто летает время от времени, а остальное время узнает новости: кто, как, где пролетел.

Два года назад с туземной выспренностью я приветствовала возрождение полетов над СССР.

Первыми полетели литовцы. Значит, у них отвага в крови! Фиеста прошла тем летом в польском городе Лешно... все началось с кромешного ливня и с того, что летчик от природы Римас Мацюлявичюс сказал мне, смяв в душе рыданье: этот дождь будет идти три дня, три дня!.. — а утро было как Первомай. Тогда и полетели все.

Прошли годы: где то лето, когда над палаткой Римаса в Лешно все же развевался советский, вкупе с литовским, флажок?..

И где те времена, когда лучшее в жизни можно было сравнивать с Первомаем?

Что вы, я не жалею! Я к слову. Какая шикарная была тогда фиеста! И как свободно мы планировали новые полеты.

Три шара было в Советском Союзе, все, кажется, литовские. Потом как посыпалось. Англичане дарили нам шар производства достойной фирмы. В день дарения на скромном московском поле около Хаммер-центра немолодые англичанки с тонкими красивыми ногами улыбались, стоя стайкой черных птичек,— да вдруг как побегут!.. Но был в Москве ветер, и дареный шар не взлетел.

Потом зашумели: мол, будем делать сами. И правда: в этом мае в Рязани на уже традиционной фиесте «Небо России» я наблюдала пока неважный полет шара хорошей раскраски.

Потом начались новости. Летали над Медео, летали над Питером... Это могло бы напоминать тот момент праздничного фейерверка, когда из одной ракеты вдруг веером разбрызгиваются многие и получается отличное зрелище. Но боюсь сравнивать, чтоб не сглазить.

Итак, шары стали летать над нами.

Писать об этом — что? Описать тихий полет шара невозможно, то есть его описывать нельзя. Летящий и наблюдающий суть разные существа, и я помню болезненность обратного перехода. На фиестах всегда катали и простых смертных: не думаю, чтоб их рассказ домашним был особенно цветист.

Но вот тема: в этом году впервые была предпринята экспедиция воздухоплавателей в Каракумы; серия сложных полетов состоялась в сложнейшее для воздухоплавания время, мало сопутствующее полетам: апрель — ветер — дождь... Организаторы экспедиции — издательско-производственное объединение «Автор», Литовский навигационный центр, Ассоциация путешественников СССР и новорожденная компания «Юник экспедишн компани. ЛТД» — предполагали, что, кроме спортивного интереса для пилотов, интересным будет и фильм, снятый о Каракумах, увиденных с высоты полета шара, и фотокнига. Над пропастями, над минаретами пролетели шары: тысяча километров сложилась из тряской дороги на грузовиках и из безмятежных минут в воздухе...

Такой эту землю не видел никто.

(Я положительно отношусь к тому, что они катают людей в небесах, как прогулочные катера на Москве-реке. Особенно здорово, когда они берут мальчуганов — потом их легче воспитывать.

Но все-таки мне верится, что этот вид спорта появился у нас неспроста в то время, когда он появился, и там, где он появился. Надо от него ждать свершений! Перелетов!

Тогда еще раз поймем, зачем глядим в небеса, зачем летаем.)

Экспедиция включала три шара из «почти четырех стран», как выразился один из ее участников, специальный корреспондент «Клуба путешественников» Станислав Покровский: Чехо-Словакия, Бельгия, Литва и Россия, которую представляла пресса, тоже летающая.

Программа, тщательно продуманная в Москве, обещала невиданные красоты: колонии фламинго, пеликанов, наблюдение с шаров единственного в мире морского водопада, уникального белого солевого побережья, ячеистых песков, пустынного заповедника... Ночное куполообразное небо; усыпанное крупными звездами, ожидало экспедиционеров.

Маршрут экспедиции был проложен между двумя совершившимися экологическими катастрофами, по местам на наших глазах совершающейся. С одной стороны — Кара-Богаз-Гол. С другой — Арал... Лучше ли было видно с небес, как сульфаты Кара-Богаза распространились окрест? Между одним мертвым памятником нашей воле (залив был в 1980 году отсечен от Каспия глухой насыпной дамбой, что не спасло Каспия, но убило залив) и другим — Сарыкамышская впадина. В середине прошлого века путешественники описывали ее полной воды. Но в двадцатые годы нынешнего века впадину видели пустой. Вода уходила и — возвращалась опять. Было высказано предположение, что Сарыкамыш обладает «врожденной» способностью к саморегуляции... В наше время чудесных преобразований сюда стали спускать воду, которой промывались рисовые поля, потом еще хуже — воду с хлопковых полей.

Прибывшие, чтобы несомненно испытать себя и свое знание ветра, воздухоплаватели из Чехо-Словакии, Бельгии и Литвы увидели серую воду Сарыкамыша и попробовали (неужели осмелились?) жирную рыбу отравленного Сарыкамыша; с высоты птичьего полета наблюдали привыкших к отравленной природе дивных птиц фламинго. Программа выполнялась. Почти «амазонскими» привиделись путешественникам пейзажи! Здесь запрещен лов рыбы, но рыбу и ловят, и едят...

Станислав Покровский ездит в Каракумы каждый год. Он рассказал мне:

— Это были непривычные для меня Каракумы. Двадцать дней дождя! Апрель — а какая-то бесконечная московская гадкая зима, знаете, когда все противно: ветер, дождь... Возможно, со стороны полеты на шарах казались потрясающим зрелищем. Но когда встаешь в четыре, когда все спешат успеть подняться, пока еще не двинулось тепло от земли наверх, когда тащишь оборудование, горелки, раскладываешь шар по земле... Да, было очень красиво, когда бельгиец Бенуа перелетел на шаре святое место. Молящиеся ликовали. Это было в местечке Бутемтау, где мавзолей мусульманского святого Ибрагим-этхем-баба. Было трогательно и смешно, когда старики поднимались на шаре. Но эти эпизоды не составляли всю экспедицию, они лишь служили ее украшением. Экспедиция же состояла из тяжелой работы и тяжелой дороги...

Программа не обещала ночного полета. А он был!

Что это был за полет? Свидетели его пожимают плечами. Взлетели и сели, что тут описывать. И догадка меня пока не тревожит. Итак, ночной полет был неэффектен, он был маленькой победой Римаса Мацюлявичюса, Гинтараса Крисюнаса и бельгийца Бенуа. Он был спортивным достижением, флажком, укрепленным на вершине, он был — пол-очка в счет какой-то победы, какого-то будущего грандиозного перелета. Вот почему он был лишен эффектности, как сорок отжиманий каждое утро.

А утром опять была перед ними беспомощная земля.

Среди путевых впечатлений участников экспедиции на равных соседствуют: гигантская черепаха, которую увидели с шара и подлетели к ней совсем низко, а местные жители после отрицали саму возможность существования черепахи: никогда и никто не видел таких больших; и милиционер, потребовавший посреди пустыни у всех паспорта, а особо — разрешение на въезд в поселок; заброшенный урановый рудник и сумасшедший дом на месте рудника, удаленный от домов и дорог, фантастичный настолько, что просится в герои фильма; лозунг: «Пусть вечно живут общечеловеческие ценности!»

— Нас почему-то принимали за начальство. Местные руководители подошли к нам со словами: «У нас тут все за нерушимый Союз!» — обратившись как на грех к литовцам.

Опять дождь, дождь. Говорили: здесь по три года не бывает дождя... Вдруг — настоящая погода для полетов. Пошла, пошла погода!... Но стеной поднимается ветер.

Так медленно и по-восточному коварно и хитро природа изматывала людей, которые поначалу брились каждое утро и пили кофе, сваренный на привезенной воде.

Но, хотя всякое бывало, люди выдержали и не перессорились к концу путешествия. Они видели пещерные города и знаки мелких пустынных трагедий: спаленный солнцем мышиный отряд. Они садились в поле, стараясь не коснуться земли, чтоб не повредить поля, а, обернувшись туда, где жили люди, видели черную тучу: через поле к ним бежали дети.

«А что про ночной полет рассказать?» И они опять говорили мне о земле.

...После ночного полета что-то странное сделалось с небом. Облака выстроились по-над горизонтом, заняв все небо, оставив круглое открытое пространство, подобное тому, что открывают наверху юрты. Четко-четко уложились облака. «Мы шли внутри купола этой космической юрты. Такого неба я никогда не видел ни в горах, ни на море»...

Когда я это слышу, несбывшееся перестает мучить меня, пусть временно. И я догадываюсь, как естественно в пустынной ночи плыл, пусть недолго, литовский шар с Симеоном Бенуа в качестве пассажира в тот момент, когда в небесах совершалось великое сравнение: Земля — это дом.

Н. Ч.

Фото
Евгения
СТЕЦКО

ИЗ ВСЕХ ЧУВСТВ,
ТРЕБУЮЩИХ ТАЙНЫ,
СМУТНОЕ
ЧУВСТВО ПОЛЕТА
НУЖДАЕТСЯ В ТАЙНЕ
БОЛЕЕ ВСЕГО.
ТЫ,
ЗАПРОКИНУВШИЙ ГОЛОВУ
К ЛЕТЯЩЕМУ ШАРУ,
И ТЫ ЛЕТЯЩИЙ
СУТЬ РАЗНЫЕ ЛЮДИ,
РАЗНЫЕ СУДЬБЫ,
НО ЭТО ТАЙНА.

PEPSI

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. Оптовым покупателям предоставляется скидка.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 – 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 – 31500–33000 руб.
Формат А1 – 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» – 51000 руб.
«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» – 28000 руб.
«CANON FC-2» – 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» – по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва, ул. Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ *тел. 450-67-88, 412-95-06*

Есть огромная разница между дисциплиной, которая должна быть в армии очень строгой, и идиотизмом.

Из интервью Элизабет Рен, министра обороны Финляндии.

БЕСОВЕЦ

Нина ЧУГУНОВА

Этот рассказ — о том, как предпринятая по внезапному приказу спешная передислокация одного из лучших полков ПВО едва не закончилась катастрофой. Ее предотвратили лишь исключительное мужество и мастерство пилотов. Ныне многих из этих пилотов уже нет в списках этого полка...

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО АВИАПОЛКА

ВЗЛЕТ

Еще год назад считавшийся одним из лучших авиаполков ПВО, гвардейский истребительный был сформирован в 38-м на Кавказе, дрался в небе Кубани и, пройдя до Берлина, оставил будущим поколениям гвардейцев примеры мастерства и чести исключительные.

...На юбилейном «огоньке» был фронтовик по фамилии Мартынов. Ему командир полка Весельницкий говорит: пойдемте посмотрите наши самолеты,— а он наотрез, говорит: настолько я авиацией болен, что не могу на живые самолеты смотреть, сильно волнуюсь. Прав Ильюшин: бывших летчиков не бывает... А Мартынов загнал в землю «мессера», израсходовав в бою весь боезапас, его сейчас спросили: как? — а он говорит: способом, рассчитанным единственно на здоровье русского мужика-летчика. Он зашел «мессеру» в хвост и прижал его к земле, а фашистский летчик, оглядываясь, упустил контроль за высотой и врезался в землю.

...безоружный набирал высоту, чтобы уйти в пике, вцепившись в смерть в расчете на последнюю секунду меркнущего от перегрузки сознания, и в эту секунду выйти из смерти как из пике. Этот эпизод сильно волнует меня, как же он должен волновать летчика?

Если он, конечно, летчик, а не тот, кто, заходя на посадку, думает о ней.

11 апреля прошлого года в Карелии неподалеку от гарнизона «Бесовец», где в течение многих лет дислоцировался истребительный авиационный полк, погиб, врезавшись в склон при выходе из пике, тридцатисемилетний командир полка полковник Владимир Весельницкий. Его очень любили. Незадолго до катастрофы в полку было вручение боевых наград, и все запомнили, как командир, держа на ладони орден для Бориса Акулова и раздумывая над необходимыми словами, вдруг сказал: «Дай-ка я тебя лучше поцелую». Командир любил Карелию и однажды сказал: «А я бы здесь жил всегда...»

Трагическая гибель командира отодвинула п о л и г о н, учения, что должны были состояться весной. Стрельбы прошли в октябре. Полигон оказался трудным и долгим, не все шло гладко. В те дни в братском полку погиб летчик: ночью самолет вошел в землю... «Как будто злой рок: катастрофы нас преследовали». Но все же, как бы превозмогая судьбу, неплохо поработали по земле — по наземным мишеням, прекрасно — по воздушным. И удался маневренный бой (звено гвардии подполковника В. Иванова). Этому времени гимны надо петь.

ИЗ ГИМНОВ АВИАЦИИ (рассказывает гвардии подполковник Владимир Иванов, до последнего времени зам. командира полка): «Мы к летной подготовке подходили неординарно, далеко ушли вперед. Курсы боевой подготовки нам диктовали одно, а мы уже могли многое другое, стремились отойти от догм. К началу учений полк приступил к творческой работе, и она захватила всех. И это несмотря на наши несчастья и передряги: кроме гибели летчиков 11 апреля, было еще катапультирование.

Когда мы на учениях заговорили о воздушном маневренном бое, к нам отнеслись снисходительно, с усмешкой. Дело в том, что наш самолет был лучшим в свое время, до появления СУ-27. На полигоне нам противостояли МИГи-21, на них летали преподаватели центра, пилоты высочайшего класса. Их снисхождение было понятно: пропуская через себя огромное количество полков, они предполагали и наш уровень. А мы помалкивали.

А потом слетали на маневренный бой и оказались у них в хвосте.

Они так удивились.

А дело в том, что не самолет, а тактика наша была новая. Мы перешли к раздельному боевому маневрированию в составе группы.

Вот динамика боя: идет звено противника. Мы их перехватываем в переднюю полусферу с принижением. Завязывается дальний ракетный воздушный бой; при приближении к нам они делают маневр «клещи»: у них преимущество в скорости, высоте и маневренных характеристиках, поэтому они на сто процентов уверены, что зайдут к нам в хвост. Что делаем мы в такой ситуации? Мы делаем маневр «фонтан», этот маневр рожден у нас в полку, мы его сами придумали, рассчитали и дали ему название: веером разлетевшись, через некоторое время сходимся в одной точке, уже прикрывая друг друга — в хвост мы им зашли! Таких новинок у нас было много.

Мне эта работа доставляла моральное удовлетворение, и я знал, что вперед можно идти беспредельно. У меня была мечта: воспитать хотя бы одно крепкое звено, пройти с ним всю намеченную мной программу, отшлифовать. И летчики подобрались!.. Вот Андрюха Шушаков, мой любимец,— заместитель командира эскадрильи — талант! И таких было много, им было всего по тридцать, в таком прекрасном возрасте ребята вышли на оперативный простор».

(Из письма замполита эскадрильи летчика Владимира Коченгина: «Лучшего летчика, чем Иванов, я просто больше не видел».)

Через полгода на поминках командира Андрей Шушаков вдруг сказал подполковнику: «А ты знаешь, я очень часто перед сном и во сне вспоминаю тот бой». И подполковник Иванов, должно быть, тогда кивнул, поскольку тоже помнил бой, а может, и видел во сне.

ИЗ ГИМНОВ (окончание):

«...им было по тридцать, и в таком прекрасном возрасте ребята вышли на оперативный простор!

И — оборвалось...»

ПРИКАЗ

После учений подполковник Иванов отпросился в отпуск. «Износился полностью, нет ни сил, ни нервов, и ребята уже говорят мне: ты какой-то агрессивный стал»,— сказал он новому командиру, и тот понял, отпустил. Когда через несколько дней прошел слух о передислокации, подполковник отнесся к этому как к непроверенному слуху, сурово. Но гарнизон гудел все ноябрьские, а восьмого пришла шифротелеграмма, и отпуск подполковника был, разумеется, прерван. Он стал собираться к перелету, не раздумывая над приказом, как и положено военному человеку, на том армия и держится, это знает весь народ.

На совещании руководства полка командир отдельного батальона авиационно-технического обеспечения подполковник Чеслав Ямонт задал обычный вопрос: заказан ли самолет для вылета рекогносцировочной группы? Командир полка вдруг ответил, что еще не созвонился, с кем надо, и, днем позже созвонившись, ответил командиру батальона, что рекогносцировки не будет. «Я был в шоке»,— рассказывал потом подполковник Ямонт.

Адрес следования уж был известен всему гарнизону: Заполярье.

Поразительно было не только отсутствие рекогносцировки, долженствовавшей определить условия содержания техники и людей на новом месте, условия проведения полетов, меры контроля и безопасности. Срочность передислокации не позволяла провести обязательное медицинское обследование гарнизона. Но повторяю: и командиры, осознававшие «дикость», и рядовые летчики приступили к сборам, а по гарнизону, как это обычно принято, была объявлена л е г е н д а: полку предстоит небывало серьезная итоговая проверка с «выводом полка из-под удара». То есть со взлетом всех истребителей. Легенды должно было хватить гарнизону, как хватало всегда летчикам — приказа, семьям —...

Семьям хватало прославленной безропотности офицерских жен. Только лучшие из летчиков догадываются, отчего их жены старятся быстрее, чем даже они. Страх. Страх истачивает их. Конечно, тот, кто владеет самолетом, владеет и собственными нервами.

Но жены почти ничего не знают о самолетах. Они знают все остальное. «Я увидел ее, когда нам было по пятна-

дцать, и утонул в ее глазах». Это сказал мне летчик, ас. «Однажды я услышала, как он говорит по телефону с командиром дивизии. Когда он сказал: прошу вас не разговаривать со мной в подобном тоне,— я сказала ему: тебя снимут. Моя жизнь была накаливанием болячек». Это рассказала жена офицера.

Итак, легенды должно было хватить. «Так бы и взлетели».

Самая простая версия событий в «Бесовце» — женский, бабий бунт. «Они, знаете ли, очень ленивые, мужу не надо готовить...» — осторожно сказал мне в Заполярье политический работник в звании полковника.

ХРОНИКА ПУБЛИЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Легенды не хватило. Вдруг правды потребовали жены офицеров. Командир созвонился и правду им выдал. Но вряд ли он либо кто-то из офицеров предполагал, как начнут развиваться события. О конфликте упоминала пресса. «В результате инцидента, вспыхнувшего между женами военных летчиков и Министерством обороны, несколько дней аэропорт «Петрозаводск» не мог принимать и отправлять самолеты Аэрофлота (неточность: гражданские самолеты не взлетали в течение суток.— **Н. Ч.**)... В то время, когда напряжение женщин достигло апогея, мужчины заняли позицию нейтралитета. Обсуждать приказ — для военных последнее дело. Военнослужащие неохотно рассказывают о случившемся»,— писала военная газета Сибири. О «безропотных офицерских женах» упомянул «Огонек» в публикации «Господа офицера». Но безропотные жены препятствовали взлету истребителей всего лишь на протяжении нескольких дней. Действительно ли был исчерпан конфликт после того, как летное поле стало свободно от гражданских лиц и полк взлетел? Или наоборот: конфликт стал набирать высоту как раз тогда, когда гвардейский истребительный полк, бывшая гордость ПВО, поднялся в воздух...

...правильнее сказать: был брошен в пике.

Хронику публичного противостояния даем в сокращении.

Жены вышли на полосу после праздников Великого Октября, пережив три смятенных дня. Полк увидел их во время утреннего построения. «Их было очень много, дети, коляски, лозунги». Погода испортилась. Они разожгли костер около взлетно-посадочной полосы. Одеты были кое-как: «Мы были одеты, как чучела», не рассчитывая пробыть долго на поле. К вечеру у Любови Ямонт разыгрался радикулит, ее с трудом втащили в машину. «Девочки сказали мне: лежи пока дома, мы справимся». Накануне ходоки отправились в Москву «к Горбачеву», также жены успели встретиться с народными депутатами Карелии, представителями Совета Министров республики, были отправлены телеграммы в «600 секунд», «Комсомольскую правду» и Ельцину (безответная). Занятия в школе в первый день были отменены решением директора — женщины.

К женщинам на полосе присоединились матери, приехавшие проведать сыновей в армии.

Наутро перешли со взлетно-посадочной полосы на рулевую — «рулежку». Полеты самолетов ГВФ возобновились. «Сначала они казались очень веселыми, озорными. Нас, мужей, они к костру не подпускали и даже говорили нам резкости, называя трусами. Я подошел к жене, сказав: пойдем домой, я тебе честно говорю: это еще аукнется. Она от меня отвернулась».

Военный самолет с командующим ленинградским объединением войск генерал-лейтенантом Мируком не был допущен к посадке и совершил посадку на другом военном аэродроме, откуда командующий прилетел на вертолете. «Мирук сразу у костра сказал нам во всеуслышание, что командир полка пойдет под трибунал. Потом мы только и узнавали: то он командира снял, то опять восстановил в должности». В последующие дни к костру на «рулежке» прибывали генералы: прибыли первый заместитель Главнокомандующего войск ПВО генерал-полковник Царьков, начальник политотдела войск ПВО генерал-лейтенант Бойко, начальник политотдела объединения генерал-майор Мягков. «Все генералы желали разговаривать с нами в кабинетной обстановке».

Женщины сидели на «рулежке». В полку шли сборы к перелету. «Мужья ничем не могли нам помочь, они могли только защищать нас. Когда ночью к костру кто-то незнакомый подходил, рядом всегда обнаруживался свой, офицер».

Защищать жен уж было от кого. Аэропорт оцепила милиция. «Одного из наших офицеров остановил милиционер, спросив: где тут у вас тропинка, по которой женщины на летное поле ходят?» К этому времени жены наладили дежурство, отпуская друг друга на работу (прошел слух, что на рабочих местах будут проверять по поручению генералов, слух подтвердился), чтобы покормить детей... «К нам стали подъезжать на машине и с машины фотографировать, причем кричали: назовите ваши фамилии». «Особенно докучал один приезжий высокий полковник».

Женщин становилось все меньше на полосе. «Кормящие мамы здесь заработали маститы, участковый терапевт хваталась за голову, насколько разболелись все женщины». «На мне тулуп был короткий, шапку нашла шестидесятого размера». «Мы надеялись, что вот-вот решится».

Но группа из Москвы во главе с председателем женсовета Натальей Гуцал вернулась ни с чем... «Мы в Москве отправились на большое совещание в Доме Советской Армии. Мимо нас проходили генералы, и ни один не поинтересовался, почему мы заплаканные. Правда, потом кто-то нас принял, выслушал...»

«Я спросила солдата в оцеплении: вы, что же, и стрелять в нас будете? Он ответил: у нас патронов нету».

Над головой женщин нарочито низко пролетел военный самолет. «Женщины попадали на полосу. Одна кричит: девочки, не бойтесь, он уже поднимается. А они лежат».

Рассказывает один из офицеров: «Решено было все-таки облетать два самолета. Как они об этом прознали? Они с «рулежки» побежали к ВПП. Но их было мало на «рулежке», они разделились на две группы, чтобы захватить ВПП с двух сторон. За ними побежало командование. Я, видя это, расхохотался и крикнул: дуры, бегите через лес! Тут я увидел свою жену. Она маленькая, путается в тулупе, пыхтит. Она музыкантша, преподает детям и готовится к работе по два часа, чтобы дети видели ее красивой, а тут бежит в тулупе, он ей велик. Когда они пробежали через лес, истребитель был уже в конце полосы, и летчик, конечно, имел приказ взлетать. Истребитель дал максимальные обороты, это страшный гул, шум. Он стал двигаться. Тогда они взялись за руки и растянулись цепью перед истребителем. Вдруг вижу: одна — раз и упала».

В обморок упала Татьяна Лохматова, жена прапорщика. Через полгода, собравшись рассказать мне об этом, красивая Таня Лохматова заплакала.

С другими в цепи началась истерика. «Генералы не подбежали к Тане». Командир полка сел в машину и спешно выехал на полосу. Истребитель замолчал. Таню посадили в машину. «Генералы стали подходить к нам, говоря: как вы можете! Но мы все не могли прийти в себя, успокоиться. Мы подумали, что сейчас улетят все истребители».

«Генералы то уговаривали нас, то пугали. Потом придумали: выстроили полк перед нами и стали выкликать тех, чья жена на полосе». «Все было унизительно». «Вдруг прошел слух, что приехали омоновцы с собаками». Действительно, в аэропорту видели машину с «черными беретами». (В этот или в другой день офицеры вынуждены были обратиться к милиции с просьбой снять осаду: обстановка могла внезапно накалиться, у офицеров же имеется табельное оружие. Разумеется, это не была угроза, но серьезнейшее опасение.)

Обстановка разрядилась при помощи отличного маневра: одно из требований женщин внезапно было выполнено, и в заполярный город отправилась на несколько часов группа, в которую вошли народный депутат СССР Белозерцев и представительница «враждующей стороны» Надежда Прончук. От нее из заполярного Н. пришла опережающая возвращение группы телеграмма: «Девочки держитесь ждите нашего возвращения».

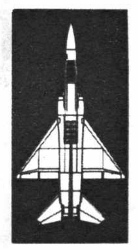
— Мы так ждали этого самолета,— рассказала Любовь Ямонт,— на полосе опять собралось множество народа. Вот приземляется самолет, из него вылезает Надежда, в руках у нее цветы. Это вам сувенир, говорит она. Мы были в некотором недоумении: что мы, цветов не видели. Потом они перед костром высказываются в том духе, что там условия на три головы выше, чем здесь, и приглашают всех в Дом офицеров. За женщинами приехали два тягача. Я ушла последней, мне было неспокойно, я чувствовала, что тут ложь. Надежда с тех пор, кажется, никому в глаза не взглянула. Она стала странная очень. Я сидела в темноте и чуть не плакала. В Доме офицеров опять нам стали рассказывать, но жена офицера Шумейко, который летал с группой, крикнула во время его выступления: уберите его со сцены! У всех женщин началась апатия.

— Наутро,— рассказывает Наталья Гуцал,— ко мне подходит Надежда Прончук и говорит: «Наташа, а я ведь не всю правду сказала. Там с детьми жить нельзя».

Но было поздно: полоса была свободна для полетов.

В скромном списке побед, одержанных офицерскими женами на «рулежке», поразителен один пункт: только и исключительно благодаря женщинам солдат перед отправкой в Н. одели в тулупы.

ЧЕСТЬ

Коротко о том, что происходило в полку. «Меня спросили: ваша жена на полосе? Да, ответил я. «Вы преступник» (подполковник Ямонт). «Переговоры с командованием проходили мучительно, шел постоянный шантаж, даже угрожали. На совещаниях руководства потоком шли обвинения. На нас давили очень здорово. Похоже было, что они просто дрожат за свои погоны и деваться им некуда. Нам внушали, что выбора у нас нет: или полк взлетит, или будет расформирован» (подполковник Иванов). Хорошо передает атмосферу рассказ старшего лейтенанта Александра Ивонина: «Я у костра сказал женщинам то, в чем был убежден: чем дольше они находятся на полосе, тем больше надежды на решение проблем полка. Эти мои слова слышал старший по званию офицер, который на меня донес (теперь этот офицер перевелся в другой полк.— **Н. Ч.**), и меня вызвали к генерал-лейтенанту Мируку. Войдя в кабинет, я рапортовал. Генерал-лейтенант молчал, потом крикнул: как стоишь? Разговор в подобном духе продолжался минуты три, после чего я был отпущен, но успел лишь спуститься с лестницы и был возвращен. Теперь я докладывал свою биографию и т. п. Новая беседа должна была убедить меня в том, что я буду судим трибуналом. Мне не было боязно, но страх пришел, когда меня наутро разыскал военный прокурор (также прибывший в гарнизон.— **Н. Ч.**), а 14 ноября меня опять вызвали в кабинет, где уже находилось несколько офицеров. Я услышал: «Надо назначить виновных». Те, кто уже решил подавать рапорт об увольнении, согласились быть назначенными. После к нам тайком приходил писарь, сообщивший фамилии «крайних».

Майор Гинглинг: «Собрания офицеров проходили по нескольку раз в день. Они постоянно взывали к нашей офицерской чести. Но мы давно привыкли к этим взываниям».

Нет, это непохоже на противостояние женщин и «генералов»! Непохоже на кухонный бунт. Иначе непонятны слова Любы Ямонт: «Нам больше всего было жаль мужей. Мы раньше думали, что они нужны Родине». И совсем непонятна в таком случае горечь старшего лейтенанта Ивонина, «афганца»: «После Афганистана второй раз оставаться в дураках — это для меня много». О каких мучительных переговорах, о каких попытках «нас сломить» говорят офицеры?

Нейтралитета, о котором написала потом военная газета, не было. Иным было и противостояние. Было противостояние ЧЕСТИ приказу.

ИЗ ГИМНОВ АВИАЦИИ: «Авиация не дает летчику никакой возможности физического расцвета, разумеется, ущемляя его права на жизнь. Организм изнашивается. Только тренированный на противостояние износу организм способен долго выдерживать летную работу. Летчики истребительной авиации — это сильный на старте организм, способный к быстрому восстановлению, широкие знания при врожденной способности использовать их во всей полноте и в любой ситуации.

Неопытный или неотдохнувший летчик не может управлять истребителем хорошо. Печень, селезенка, кишечник во время маневров испытывают деформации. Серьезная медпроблема — пределы переносимых перегрузок... Кроме того, облучение. В самолете мегаваттная станция, работающая в импульсном режиме. При выполнении перехвата летчик облучается самолетом-перехватчиком, испытывает облучение от множества наземных станций. Далее: летчик, заключенный своей кабины, неподвижно сидит в летящем с большой скоростью самолете, прикованный к приборам, стиснутый наушниками, и шквал информации он должен контролировать, реагируя мгновенно. Мозг работает на пределе».

«Никто не знает, сколько стоят подготовка летчика, его становление как первоклассного специалиста. Это как минимум 5—8 лет. У нас летчики в основной массе уходят на пенсию в 35—40 лет. Причины — утрата здоровья, отсутствие материальной заинтересованности... Летчик может летать на 5—10 лет дольше... В этом случае в небе остались бы только асы. Особая тема — поддержание постоянной «влетанности» летчика.

...Перебазирование на Север в зимних условиях! Для того, очевидно, чтобы было труднее? Неподготовленный летный состав бросили на неподготовленный к приему аэродром, где и запасных-то аэродромов нет. Даже странно — ни одной катастрофы при перегонке! А они были, очевидно, «запланированы»! Или кто-то безумный уверовал, как всегда, на авось?

...Ну, хоть еще раз подтвердили, что был когда-то сильный полк».

(Из письма летчика В. Коченгина.)

Выскажу сокровенную радость: женщины разбудили в мужчинах уязвленную честь. Помните: «Если не они, так бы и взлетели!» Они, женщины, вызвали в механизме повиновения, которым так гордится наша армия, сбой. И это короткое замыкание, как электрошок при остановке сердца, оказалось для чести спасительно.

Рассказывает майор Гинглинг:

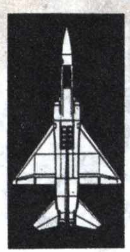
— Да, нас подогнали женщины. Сначала, когда мы созвали первое офицерское собрание, то думали о том, как они действительно останутся без нас в отдалении от города «Бесовце». Потом задумались над тем, что нас унизили, так крутились-крутились и пришли к самому главному: полк прекратит свое существование. И тогда мы составили протокол офицерского собрания, который представили прибывшему командованию. С этого дня на бесконечных офицерских собраниях мы пытались обсуждать главное: губительные для полка последствия спешного и, по сути, аварийного перебазирования.

Из военной газеты: «Интересно, что коммунисты партийной организации, которую возглавляет майор А. Гинглинг, приняли постановление, пункты которого были очень схожи с пунктами пикетирующих».

Нет, не особенно интересно: в обоих случаях руководил здравый смысл, в котором, несомненно, нельзя отказать и военным,— в том случае, если ЧЕСТЬ ДЕЛА их беспокоит наравне с ЧЕСТЬЮ ПРИКАЗА. Женщины не противостояли армии, но, наоборот, за нее и поднялись («Мы думали, что они нужны Родине»), поскольку и их жизнь была частично авиацией если не вытеснена, то замещена.

Как следовало поступить по уму, по инструкции и по чести? «...на месте решить все замены, увольнения в запас, набрать только желающих, переучить их на новую технику, там же (в «Бесовце».— Н. Ч.) научить летать и обслуживать АТ, подготовить новое место к приему полка, сначала перебросить на Север части обеспечения, затем принять полк. Не считал затраты, но думаю, на несколько миллиардов было бы дешевле» (из письма летчика В. Кочегина, студента-заочника юридического факультета).

ЭТО СТРАШНАЯ ТАЙНА!

«На вопрос о целях перебазирования генерал-лейтенант Мирук заявил: «Не знаю! Но приказ надо выполнять!» А генерал-полковник Царьков ответил так: «Спрашивайте у тех, кто заключал венские соглашения». (Из рассказов офицеров об офицерских собраниях в гарнизоне «Бесовец».)

Летом прошлого года в Военный отдел при ЦК КПСС поступило обращение коммунистов воинских частей, дислоцированных в заполярном Н. Это обращение, замечу особо, не было продиктовано предстоящей переброской полка из «Бесовца» — прибытие некоей авиачасти должно было состояться в ближайшие год-два. Коммунисты, обратившиеся в отдел ЦК, утверждали, что преждевременное прибытие любой авиачасти отрицательно повлияет на выполнение боевых задач базирующимися частями, а также повлечет за собой недовольство военнослужащих и членов их семей. В письме приводились аргументы, среди которых — недостатки в оборудовании аэродрома, невозможность содержать технику, жилищные условия, медицина, питание и т. д. 23 июля народному депутату СССР генералу армии Ю. П. Максимову был направлен ответ главнокомандующего войсками ПВО генерала армии И. Третьяка: «...Перебазирование полка будет проведено по готовности аэродрома... В настоящее время передислокация авиационных частей на аэродром не планируется».

Судя по тому, что встретили летчики, прилетев полярной ночью в Н., эта передислокация не планировалась до момента их прибытия. И хотя «без крыши над головой никто не остался», последствия для полка оказались разрушительных...

«Нас здесь не ждали. С Ан-12 выгружали пушки, их тут же заметало снегом. Один ящик раскололся, имущество стояло в сугробах, девать его было некуда. Наутро мы увидели, как мальчишки играли нашими пушками. Только сейчас, весной, мы попытались разобраться, что же мы наворочали... Мы имеем разграбленное кладбище машин. Полеты совершаются с нарушением законов летной службы» (старший помощник руководителя полетов подполковник Юрий Цымбал). «Сто двадцать единиц техники перезимовало фактически в тундре, нет склада, только 30 машин стоят в гараже, полсотни морских контейнеров стоят в тундре» (подполковник Ямонт). «При переброске практически была выведена из строя аппаратура, ценнейшая» (старший лейтенант Ивонин). И наконец: «Мы ничего здесь не охраняем и еще долго не будем охранять»: в дни моей командировки в Н. в полку было три действующих летчика. Остальные переучивались на другой тип самолета. Другие летчики подали рапорты об увольнении.

Самолеты, перекинутые из Карелии в Заполярье, по своим боевым возможностям не могут решить круг задач по защите северного региона. «Практически если рассматривать организацию и производство полетов с точки зрения законности, то о них не может быть речи и сейчас» (В. Иванов).

Не хочу описывать условия жизни, скажу: предчувствия женщин на полосе оправдались полностью, несмотря на то что командование соединения приложило действительно максимум усилий... Хорошо, что пока не приехали все семьи: невозможно полярной зимой пустить водовод, без которого стоят незаселенные два почти достроенных дома...

Полк не ждали, его прибытие было неожиданностью: о прибытии узнали 6—7 ноября (по свидетельству начальника политотдела соединения полковника В. Зотова) и буквально на демонстрации в одной праздничной колонне с хозяевами и отцами города «решали все вопросы».

Еще момент: выталкивая полк из «Бесовца», летчикам внушали: сюда вот-вот приземлится другой полк. Старший лейтенант Ивонин недавно побывал в «Бесовце» по случаю своей свадьбы. Он утверждает: новоселов в гарнизоне нет. Но гарнизон потихоньку разграбляется, он не охраняется, женщины боятся ночевать в гарнизоне. Нет «Бесовца» — есть два разбитых гарнизона.

В чем разгадка страшной тайны?

Моя догадка: в середине ноября 1990 года кому-то срочно понадобилось зашвырнуть истребительный полк куда-то в небеса, подальше от чьих-то глаз. Кому? От чьих глаз?

— Если вы узнаете, кому понадобилась срочная передислокация полка за Урал, вы сделаете настоящее дело,— сказал мне новый, третий за описываемое время, командир полка.— Не узнаете — грош вам цена.

Да, мне грош цена. Грош цена тому, как Люба Ямонт вошла в квартиру, обняла батарею и разрыдалась. Грош цена «недекабристке», прилетевшей в Н. на восьмом месяце беременности. Грош цена самолетам, которые не нужны здесь. Грош цена летчикам, которые ушли из полка «в прекрасном возрасте, у них был бы такой отличный старт». Грош цена обещаниям генерал-полковника Царькова: «Я лично встречу полк в Н.!»

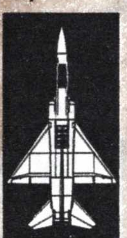
Есть страшная тайна происхождения военных приказов, о которые разбивается армия.

ИЗ ГИМНОВ АВИАЦИИ. Во время учений восемь самолетов «кувыркаются в воздухе, и идет постоянный аналитический расчет».

Мы, что-то зная о военных летчиках, фактически не представляем себе их жизнь. «Я очень много потерял товарищей: мы окончили училище в 73-м, а уж человек двадцать в земле лежат. Наверное, даже больше, я не считал. Они погибли именно в воздухе, причем я не хочу сказать, что техника ненадежная. И после академии: никогда бы не предположил, что такие ребята уйдут, а ушли уже двое, и ведь зубры ушли, подполковники и полковники... разбились... бывают ситуации на некоторых типах самолетов...» Так говорил мне летчик-снайпер, тот, что записал свои «банальные рассуждения», кто взамен погибшего командира водил полк в «бой» над астраханскими степями и кто поднял полк на восток, внезапно решив оставить авиацию, вытеснившую в его жизни собственно жизнь.

ПИКЕ

Рассказ о перелете полка Владимира Иванова:

«Самый сложный участок перелета, о котором мы только и говорили,— последний. Там не было посадочного радиолокатора.

Когда приблизились, здесь была дымка, полярная ночь.

Диспетчеры пытались заводить нас с круга, но я категорически запретил, приказав: «Всех заводить в расчетную точку!» — в этом случае самолет дольше находится на посадочном курсе.

Не обошлось без повторных заходов на посадку. Их было четыре. Один истребитель заходил на посадку с большими доворотами перед полосой и еле «умостился» на нее. Были заходы с обратным стартом, когда самолеты могли зайти на посадку, идя навстречу друг другу. Много самолетов заходили с большим боковым уклонением, что объясняется, в частности, отсутствием на аэродроме посадочного радиолокатора. Ситуация была непростая...

...Я сел первый. Первым взлетал, первым садился. Рядом крутился фотограф. Я сказал ему: зачем вы здесь? Из командования не было никого. Это меня поразило. Со своими была встреча теплая. К счастью, все были на земле.

К счастью, все обошлось.

Никто не был потерян.

Я снял ЗШ, поцеловал его и сказал: «Это был мой последний полет».

По расчету последний перегон самолеты должны были идти около часа. Через сорок минут Александр Гинглинг сел в машину и выехал на поле, чтобы показывать, куда рулить.

Прошло уже около часа. В эфире была тишина. Они сидели в машине и смотрели на метель. Теперь оставалось пять минут.

«Вдруг смотрю: первая «спарка» выскакивает, за ней вторая! Смотрю, из всех углов выскакивают. Я выскочил из машины, замахал: молодцы. Я кричал: «Да черт возьми, садитесь же, мужики!» И — посыпались, посыпались. Все зарулили. Я слез не стыдился».

«А все-таки мы сели! Сели, как чижики»,— через несколько месяцев вдруг вспомнил Борис Акулов, ас.

Хотя в воздухе не обошлось без мата.

Когда перелетали через Урал (в срок, назначенный в шифротелеграмме!), последний в колонне сказал в эфир: «Прощай, Россия».

Прощай, истребительный... «Я не мог сначала вести радиообмен: слезы душили»,— сказал мне летчик-снайпер.

(Это он вспоминал Ильюшина: бывших летчиков не бывает.)

ИЗ ГИМНОВ АВИАЦИИ (интервью нового командира полка; его предшественник был снят с должности, несмотря на обещание генералов, данное женщинам на полосе: командира не тронут. За несколько месяцев пребывания в должности прежний комполка успел проявить себя «выдержанным, работящим, честным»)...

— Я средний, заурядный человек. Я всегда старался добиваться того, что может средний. Может, чуть большего. По характеру я таков, что стараюсь обходить конфликты. Обо мне говорят, что я расчетлив и собран. Друзей было немного.

— Представляете ли вы ситуацию, в которой вас разжалуют?

— Запросто. Какой-то пустяк, его достаточно. Если это нужно высшему командиру.

— Способны ли вы протестовать?

— В звании старшего лейтенанта я понял, что надо выполнять приказы... Мне удавалось достичь всего, что я хотел. Я хотел быть командиром полка и стал им.

— Изменила ли вас жизнь сравнительно с замыслом судьбы?

— Я прежде учился музыке, писал стихи...

— Какие?

— Не помню.

— Что вы читаете?

— Ничего не читаю. Голова вечерами гудит. Любил Пикуля.

— Что вы знаете о своем полку?

— Думаю так: сейчас не война. Когда я узнал, что половина командного состава полка увольняется, мне стало очень грустно. Полк в сложной ситуации. Людям не хочется служить. Здесь плохие условия для техники и для людей.

— Что более всего повредило полку?

— Не надо было обманывать людей.

— Могли бы вы предотвратить...

— При любом командире было бы то же самое.

— Какого вы мнения о составе полка?

— Люди выполняют приказы без сопротивления.

— Что такое офицерская честь?

— Способность человека в военной форме отвечать за поступки.

— Сколько времени потребуется полку для полного восстановления?

— Десять лет.

ГИМН ЧЕСТИ (командующий объединением):

— Для меня небезразлична судьба моих офицеров. Что я могу сказать по вашему визиту? Перебазирование было осуществлено в очень тяжелое время, крайне суровой даже для этих мест зимой. Офицеры без крыши не остались. Что касается продуктов питания, то эти вопросы решаются. Сегодня мы испытываем трудности с вводом двух домов. Не готова водная артерия водовода. Дома находятся в высокой степени готовности... Внезапности перебазирования, по крайней мере сюда, не было... Сам командующий много раз здесь бывал. Но все-таки немножко не успели. Хотя никого без крыши не оставили. Послужат — понравится. Я за все время службы переезжал если не двадцать, то семнадцать раз.

— Как вы считаете, армия и впредь должна испытывать подобные лишения? Это входит в условия существования Советской Армии?

— Неустроенность нам всем порядком поднадоела.

— Бедная наша армия, воюющая за свое существование!

— К сожалению, с вами не согласиться нельзя. Сегодня строевых командиров других армий мира больше интересуют вопросы боевые. А мы должны заниматься вопросами хозяйственными. Нас сегодня наш народ в лице Советов и в лице райкомов бросил.

— Когда армии было хорошо?

— Я могу вспомнить время, когда министром обороны был Дмитрий Федорович Устинов. Когда над Советами довлели райкомы и обкомы партии...

— Полк покинули отличные офицеры.

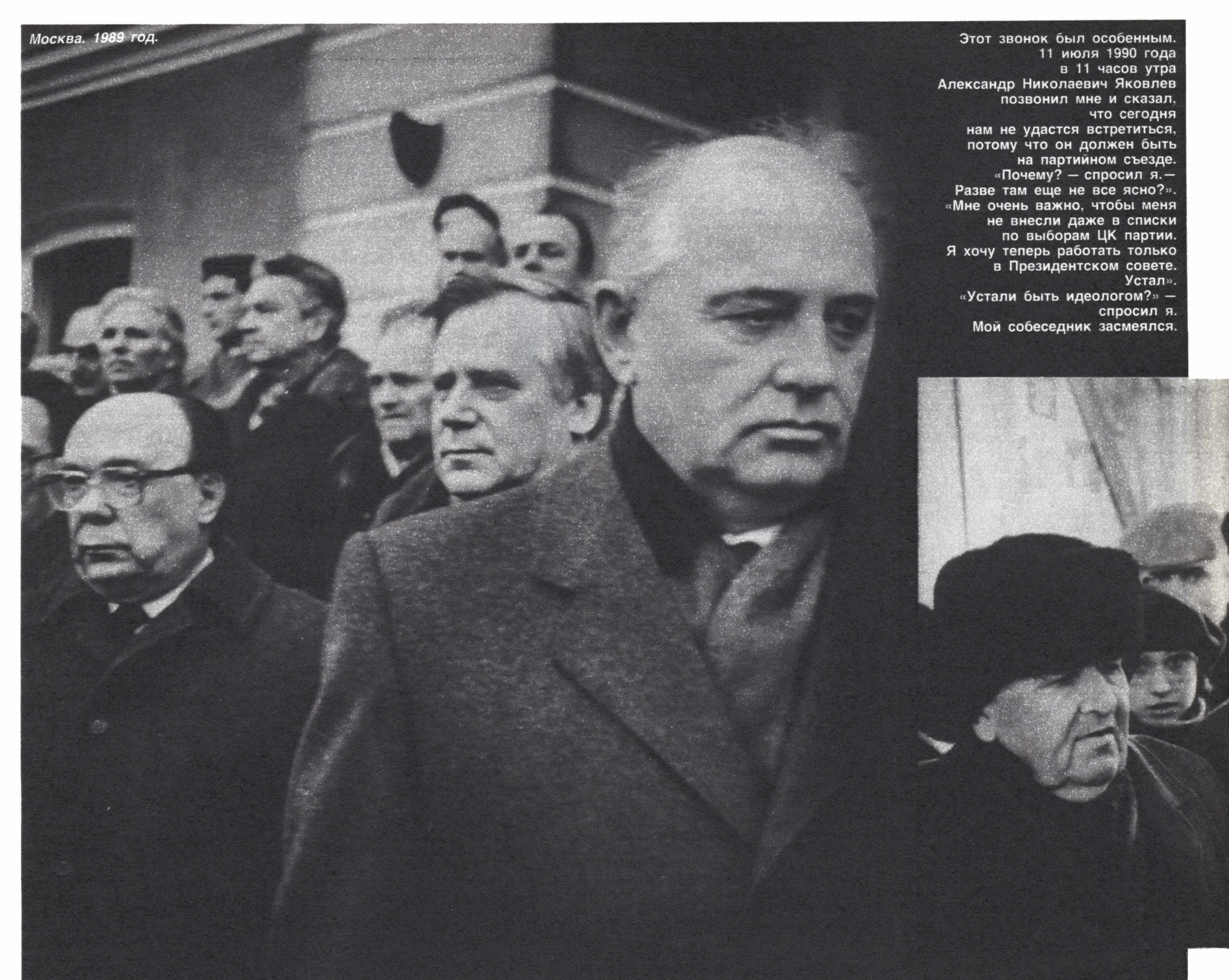
— **К счастью, летчики преданы авиации. Летчики не покинули полк.**

— Из полка ушли три заместителя командиров эскадрилий, штурман полка, заместитель командира полка... (рапортует гвардии майор Гинглинг).

— Это совершенно незначительно. (Всего из полка ушло семнадцать первоклассных летчиков, несколько десятков офицеров наземных служб. Многие из них простились с авиацией навсегда.— **Н. Ч.**)

Вечером после перелета командир

Окончание на стр. 31.

Москва. 1989 год.

Этот звонок был особенным. 11 июля 1990 года в 11 часов утра Александр Николаевич Яковлев позвонил мне и сказал, что сегодня нам не удастся встретиться, потому что он должен быть на партийном съезде. «Почему? — спросил я.— Разве там еще не все ясно?». «Мне очень важно, чтобы меня не внесли даже в списки по выборам ЦК партии. Я хочу теперь работать только в Президентском совете. Устал». «Устали быть идеологом?» — спросил я. Мой собеседник засмеялся.

Я писал эту книгу во время прошлогоднего отпуска, почти не размышляя о том, где и когда ее напечатаю. Тем более что события нашей сегодняшней жизни столь стремительны — любые воспоминания устаревают еще в авторучке, которой ты вознамеришься их написать.

Мне хотелось систематизировать встречи, свой и чужой опыт еще и потому, что в процессе работы над рукописью, одновременно с этим процессом, я читал американцам лекции о происходящем у нас, пытался объяснить процесс рождения новых идей и людей, воплощающих эти идеи. Книга должна была бы стать иллюстрацией к моему рассказу, персонифицировать знание.

О Яковлеве я говорил с естественной осторожностью, понимая, сколько недоброжелателей перестройки рады бы извратить каждое его слово, поставить его во вред великому делу. Да и сам Александр Николаевич является единственным из известных мне лидеров демократического процесса, кто сохранил способность к самоиронии, откровенно требуя того же от других, приучая других к работе неутомимой, но веселой, без уныния недавней всеобщей коммунистической стройки.

Если бы таких, как Яковлев, было больше в руководстве коммунистической партии, она бы сохранила многих из тех, кто оставил ряды большевистской организации, возмущенный полозковыми да макашовыми, не желая идентифицироваться с ними в политическом и человеческом смысле. Я рассказывал об Александре Николаевиче год назад, еще не зная, что он в дальнейшем будет избран в Академию наук СССР ее действительным членом, переменит несколько должностей в окружении Горбачева, но не будет из этого окружения вытолкнут, подобно многим ученым и честным людям. Сейчас я не могу предположить, как сложится в дальнейшем человеческая судьба и служебная карьера Александра Николаевича Яковлева; знаю лишь, что поступки и высказывания его будут недвусмысленны, как всегда, будут вызывать симпатию или протест, но не безразличие.

Несколько ушатов грязи, выплеснутых на Яковлева в последнее время чиновниками в лампасах и без оных, подчеркивают стратегическую важность того, как живет, мыслит, трудится этот человек. Он помогает или мешает слишком многим одновременно. Так и должно быть у честного политика.

А книга, вернее конспект моих воспоминаний, написанный год назад, вышла в Нью-Йорке, в сокращенном варианте выходит сейчас в журнале «Юность». Отступая от собственного правила, согласно которому я не печатаю в «Огоньке» ничего, кроме интервью и редакторских колонок, решаюсь предложить вашему вниманию раздел из книги. Это потому, что я снова ухожу в отпуск, потому, что наш фотокорреспондент Лев Шерстенников снял прекрасный фоторепортаж в служебном кабинете у Яковлева. Это потому, что я хочу приблизить вас к человеку, которого бесконечно уважаю.

Автор

Виталий КОРОТИЧ

«КОГДА БУДЕТ НЕВМОГОТУ...»

отрывок из книги

Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Для меня этим смехом закончилась целая эпоха и целая линия надежды. Я не знал и вряд ли узнаю когда-нибудь на официальной советско-партийной должности человека такой образованности и такого ума. Система приподняла этого человека, испугалась и быстро убрала, потому что он был слишком умен и честен, дабы оставаться в лидерах главной партии Системы. Тем более — в ее идеологах.

Ведь кто только не ходил в моих идеологических воспитателях! Ни с одним из этих людей никогда не было интересно. Они возникали из табачного дыма закрытых партийных совещаний, а затем их назначали учеными, или послами, или министрами, или кем угодно. Чаще всего они бывали фальшивы (как идеологический украинский вождь Овчаренко, воевавший со мной в Киеве в конце шестидесятых годов), злобны (как сменивший его в Киеве Маланчук) или безразличны (как сменивший Маланчука секретарь ЦК КП Украины Капто). С последним из них мы встретились в Москве, где, поработав советским послом на Кубе, он возник в качестве заведующего идеологическим сектором ЦК. Я знал его еще с шестидесятых годов, когда Капто был руководителем украинского комсомола. Он никогда не строил из себя погруженного в задумчивость вождя народов; Капто был естественнее любого из своих предшественников и в этой естественности был беспомощен, потому что, как многие руководители нового поколения, он ни во что не верил с рекомендованным фанатизмом. Человек как человек: главное было не донимать его просьбами. Руководители брежневской эпохи, как правило, не верили ни во что. Достаточно образованные, во всяком случае, нахватанные, они поездили, поглядели на свет и не могли не понимать ущербность Системы, которую они были назначены защищать и укреплять. Но тем свирепее они отстаивали себя в рамках Системы — единственную ценность, которая была им по душе. Принцип был нерушим: ты меня не трогай — я тебя не трону. Этих людей можно было уговорить на смелые поступки лишь в том случае, если поступки эти не угрожали их личным безопасности и покою.

Вопросы, вопросы...

● *1943 г. Демобилизовавшись по ранению, вернулся к родным, на Ярославщину. Тогда и снялся вместе с мамой Агафьей Михайловной и сестрами Тамарой, Людмилой, Екатериной.*

● *1983 г. На рождественском приеме у генерал-губернатора Канады в бытность послом Советского Союза.*

И все же, возникая в аппаратных недрах, люди эти представляли Систему в большей степени, чем себя лично. Они руководили, подавляя то, что могли бы не полюбить, если так велела Система. По-настоящему они ничего не знали, за это Система их и ценила, швыряя с журналистских постов на хозяйственные, а с идеологического руководства — на дипломатию. Считалось, что сталинский тезис о человеке-винтике устарел, но тем не менее он реализовался неусыпно и прежде всего в том, как Система подбирала и расставляла идеологические кадры. Здесь верность механизму власти ценилась куда больше, чем конкретные знания. Знаний могло не быть вовсе.

В Москве идеолог Капто был не виден, а в Киеве он был даже революционнее многих, если считать революционностью умение промолчать в ситуации, когда все дерут глотки. В общении он всегда переводил разговор на себя. Это было гениальной самозащитой. Излагая у него в кабинете свои проблемы, ты мог быть уверен, что минут через десять разговор неизбежно перейдет на то, как трудно и неуютно самому секретарю ЦК, и выходишь из кабинета, преисполненный жалости к себе, к нему и к нелепой жизни этой. Вблизи Капто никогда не было страшно; вблизи него никогда не было и надежно...

Всегда я пытался понять, почему вокруг Горбачева, на самых важных

1990 года, Медведев назвал «Огонек» журналом антипартийным, в этом звенела железная верность догматическому сознанию. Для главного идеолога партии само понятие партийности существовало в раз навсегда запертой клетке; партийность и самостоятельность, партийность и свобода были для него антиподами. Он трудно разговаривал с людьми; я не устаю удивляться тому, каких унылых людей с комплексами подгребает к себе тоталитарная идеология, как они подвержены хандре. Почему и у Горбачева такие?

Впрочем, было исключение. Яковлев.

Мощный и храбрый ум, способный на самостоятельные решения.

Помню утро, когда умер академик Сахаров. На рассвете мне позвонили, сообщив черную весть, а я в свою очередь позвонил, кому смог. Происходило это в дни парламентской сессии, и мы, человек десять, пришли в Кремль за час до заседания, чтобы решить, как повести себя на нем. Условились, что, если заседание начнут не с трагического известия, Ульянов, любимый и уважаемый всеми актер, взойдет на трибуну и поднимет зал в минуте молчания.

Мы напряженно разошлись по местам, понимая, как смерть Сахарова не только объединит, но и разделит людей, размышляя, как следует почтить великую память. Зал понемногу заполнялся, и я увидел, как из-за кулисы вышел Яковлев, направляясь к своему месту в зале. Весь в только что завершившемся разговоре, ничего не зная об официальных мнениях, помня, как Горбачев на прошлой парламентской сессии отключал Сахарову микрофон, я тем не менее сказал Яковлеву одно слово: «Сахаров...». «Знаю»,— ответил он.

— Напишите о нем. Именно вы. Член Политбюро.

— Напишу. Но не надо подписывать от Политбюро. Только фамилией подпишите. Это мое мнение о Сахарове будет.

В этом была чисто яковлевская черта. Один из немногих, он мог позволить себе быть собою и этим отличался от многих. Даже от своего патрона. В первом же перерыве (собрание все-таки началось с сообще-

1930 г. Село Введенское. У дверей школы двоюродные братья Костя и Саша.

Январь 1942 г. Курсанты Второго Ленинградского стрелково-пулеметного училища.

постах, столько людей невыразительных, неопределенных, неброских. Особенно среди идеологов (за исключением Яковлева, конечно). То ли он сам оставлял себе все эти вопросы, не подпуская к ним большое количество людей с собственным мнением, то ли ему нужен был такой фон, чтобы выглядеть получше, то ли не он, а другие расставляли идеологов вокруг него, как забор, отделяющий лидера страны от правды о ней.

Мне никогда не понять, почему официальным идеологическим лидером партии был объявлен Медведев, человек неавторитетный, угрюмый, переполненный собственными комплексами, молчаливый, обидчивый. Медведеву в партийной иерархии было выделено место, которое прежде занимал сталинско-хрущевско-брежневский идеолог Суслов. В стенах ЦК же немедленно родилась кличка «суслик», которая намертво пристала к Медведеву, сидящему в норке, будто в постоянной засаде.

В голове у Медведева — и это ощущалось физически — постоянно щелкал догматический калибровочный механизм. Что бы собеседник ни произнес, это сверялось с раз навсегда установленной шкалой догм и оценивалось исключительно по ней. Социализм, коммунизм, экономика — у Медведева все было ясно раз и навсегда. Когда, отвечая на записки делегатов XXVIII съезда партии, в июле

1991 г. Москва, Кремль.

ния о смерти Сахарова, сухого, но внятного) я подошел к Горбачеву:

— Напишите для моего журнала одну фразу: «Я очень любил этого человека, и мне будет его недоставать».

— Нет,— сказал Горбачев.— Я что-нибудь напишу, но для международной прессы. Может быть, через АПН. Я уже обещал им.

Он в очередной раз что-то просчитывал, не позволяя себе негосударственного поступка, отказывая советской прессе в интервью. Имидж остался ненарушенным, будто женщина быстро поправила смазавшуюся в углу рта краску.

— Напишите,— настаивал я, глядя на Горбачева.— Яковлев тоже напишет.

— Пусть,— сказал Горбачев.— Он идеолог...

Даже не занимая официально этого положения, Яковлев считался идеологом, а либеральное крыло партии другого и не признавало.

...Яковлев был первым, кто заговорил о моем редакторстве в «Огоньке», настойчиво предложил мне этот пост. Он был откровенен предельно:

— Еще когда я работал в отделе пропаганды, я хотел согнать с места этого мастодонта Софронова. Но тогда сняли с работы меня и отправили послом в Канаду. Теперь я должен довершить начатое и показать, что именно имел в виду, снимая Софронова.

Он всегда говорил точно и нескрытно. Его же атаковали, как правило, исподтишка. Лишь в последний год его пребывания в Политбюро вся ура-патриотическая братия поперла в открытую. Помню, как Яковлев удивленно показывал мне листовки, разбросанные на Старой площади Москвы у входа в ЦК. В листовках сообщалось, что он, Яковлев, происходит из старой еврейской семьи, а настоящая фамилия его Эпштейн.

— У нас в Ярославской области и евреев-то почти не было,— окал он по-волжски и подхохатывал над всей этой шушерой.— И что еще интересно: в дни Пленумов на Старую площадь и кошки проходят по пропускам, а тут — листовки, и хоть бы что...

Беседа с Патриархом.

Он понимал, скольким стоит поперек горла, и по-своему был этому рад. Яковлев дорожил своим достоинством, но никогда не дергался по мелочам и не напускал на себя показного величия, обычного для руководящих работников ЦК. У себя в кабинете расхаживал в вязаной кофте зимой и в белой рубашке с подтяжками летом. Не прятался, разговаривая по телефону; я выходил, лишь когда звонил белый аппарат с надписью «Горбачев». Впрочем, однажды зазвонил другой аппарат, взяв трубку, Яковлев произнес: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич!» Я встал, чтобы выйти, но Яковлев замахал рукой, приглашая остаться. Положил трубку и улыбнулся. «Это Соломенцев. Тоже Михаил Сергеевич, но совсем другой».

Впрочем, при всей подчеркнутой преданности Яковлева Горбачеву отношения там не раз казались мне неравноправными. Может быть, потому, что Горбачев как личность в гораздо большей степени был сформирован аппаратом Системы и соблюдал его правила. Однажды в кабинете у Яковлева я очень активно атаковал его, утверждая, что Горбачев ведет себя таким образом, будто все угрозы ему исключительно слева, от либералов. Нельзя игнорировать аппаратные нападки столь откровенно, нельзя руководителю страны с таким небрежением отзываться о потенциальных либеральных союзниках. Яковлев слушал-слушал меня, а затем взорвался:

— Вот идите и говорите Горбачеву все это! Что вы делаете из меня единственного посла левых сил при Политбюро. Что это у меня за роль такая — пугать его, предостерегать, отговаривать?! Вот идите к нему сами и доказывайте...

Я вспомнил, как однажды попробовал сказать. Дело было часов в шесть вечера, и Горбачев выглядел изрядно уставшим. Я тоже устал и позволил себе сказать то, что, может, и не сказал бы утром именно Горбачеву:

— Вы понимаете, как вас не любят многие в аппарате? А за что им любить вас? Вы сами не пьете и не даете другим. Вы орденов ни себе, ни другим не навешиваете! За что вас любить людям, которые и Брежнева-то презирали, но терпели за то, что он и сам жил, и им жить не мешал?..

— Да что ты! — отмахнулся Горбачев.— Я ведь каждый день с людьми общаюсь, по этим вот телефонам прозваниваю обком за обкомом. Знаешь, какой подъем сейчас, как люди воодушевлены! Да что ты!..

Яковлев так не сказал бы. Тоже отрываемый от жизни, отрезаемый от нее стенами охранников, подхалимов, секретарей и помощников, он удивительным образом умудрялся сохранять понимание текущих процессов — с этаким ироническим прищуром. И никто его не боялся, хотя не знаю людей, которые не уважали бы его. Ни у кого я не видел таких способных шутить секретарей и помощников — при всей зависимости и даже раболепии их миссий. Только у Яковлева, придя к нему на прием, можно было увидеть весь штат референтов, смотрящих в рабочее время по видеомагнитофону американскую «Индиану Джонс». Но когда их вызывали к делу — я не видел так хорошо и весело работающего штаба, как яковлевский. Сама Система строила барьеры вокруг него, а он даже барьеры эти умел подчинить и заставить работать на пользу делу. У него было совершенно «неполитбюровское» чувство юмора. Помню, однажды Медведев, уже выбившийся в официальные идеологи, распекал меня в присутствии Яковлева за то, что мы издевательски поместили на обложке журнала портрет армейского отставника, усеянного значками, орденскими ленточками, нашивками

С внуками Петей и Наташей.

за ранения — всей атрибутикой отставницкого великолепия, обращенного к флагу царской России у него над головой и книге Сталина, прижатой к груди. «Как вы посмели,— воскликнул Медведев,— издеваться над ветераном, на чьей груди нашивки за боевые ранения?!»

— А может быть, он был в голову ранен? — угрюмо заметил Яковлев, и все разрядилось, и стало невозможным читать мне нотацию за нелюбезное отношение к сталинисту. Я вспомнил, как однажды Яковлев сыронизировал о себе по ветеранскому поводу:

— Вот ведь являюсь председателем комиссии по расследованию сталинских злодеяний и знаю об усатом бандите больше многих других, а ранили меня в самом начале войны, и стал я инвалидом после того, как стукнула меня немецкая пуля, а я все орал: "За Сталина!" и порывался бежать в атаку...

К новой жизни он возвратился через Нью-Йорк, через Колумбийский университет, где успел поучиться после войны; через исследования по экономике, в которой стал одним из самых крупных специалистов; через десятилетнюю посольскую работу в Канаде.

Возвратившись, он не раз, наверное, говорил фразу, которую однажды произнес, склоняя меня принять редакторство в «Огоньке»:

— Ну довольно, поборолись за чистоту, а теперь надо взять метлу и подметать. Хватит бороться за чистоту — подметать надо.

Он ненавидит шовинизм и, будучи человеком стопроцентно русским, давил тех, кто был русским по профессии, спекулировал на национальности, унижал другие народы. Его статья против шовинизма была в свое время очень болезненным и точным ударом по визгливым патриотам — ее Яковлеву не простили никогда, то объявляя его евреем, то нападая на каждого, кого русские шовинисты считали единомышленником Яковлева. Часть осколков из снарядов, нацеленных в него, принял и я. Меня всегда удивляла и радовала его способность игнорировать нападки — он взрывался лишь в крайнем случае, как было это на XXVIII съезде партии, где в кулуарах открыто раздавали пасквили, прямо компрометирующие его и его дело.

Однажды, устав от бесконечных потоков грязи в свой адрес, умноженных догматическими атаками Медведева и его команды, я искренне сказал Яковлеву, что в любой момент готов хлопнуть дверью своего редакторского кабинета и уйти, потому что надоедает собственная беззащитность перед всей этой дрянью.

— Меня ведь не надо будет выволакивать из моего кабинета за шиворот, как Софронова,— сказал я.— Когда я окончательно пойму, что все в стране возвращается к прежним догматическим нормам, уйду сам; я уже готов уйти...

— Я тоже готов,— спокойно сказал Яковлев.— И, может быть, уйду раньше вас. Не спешите. Вам должно быть дорого дело, а не собственные амбиции. Будет невмоготу — все уйдем, не оглядываясь...

11 июля 1990 года Яковлев позвонил мне и сказал, что не хочет больше быть ни в Политбюро, ни в составе Центрального Комитета.

— У вас и телефон, наверное, изменится,— сказал я.

— Наверное,— ответил мне очень усталый голос.— Я вам позвоню.

21 июля вышел «Огонек», в котором мы заявили об отказе журнала выполнять указания любых партий, существующих или намеренных существовать в стране. Включая коммунистическую, поскольку других пока не было. Собственно, о коммунистической партии и шла речь.

«Позатыкали поэтам рты и радуются: как много у нас теперь хороших переводчиков!» — сказал когда-то в сердцах Арсений Тарковский.

Действительно, многие «опальные» и не опальные литераторы, чьи произведения не имели шансов на публикацию в СССР долгие годы, зарабатывали на хлеб переводами. Переводы были необходимы системе, поскольку миф о «многонациональной советской литературе» ежечасно нуждался в подтверждении.

Так уж случилось, что маленькая Эстония в то лихолетье дала приют многим русским поэтам, стала для них своего рода «внутренней эмиграцией». И здесь родилась подлинная дружба литератур — общность людей, которые хорошо понимают друг друга. Ведь к любым историческим неурядицам в конце концов можно отнестись философски, как к дурной погоде. Помнить, что «скоро начало нового года, скоро младенчество света. Мир очищается у поворота, мы повидаем все это...».

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию стихи Лилли Промет и Эллен Нийт в переводах Елены Печерской и Евгения Рейна.

Отдел литературы

МЛАДЕНЧЕСТВО СВЕТА

Лилли ПРОМЕТ

* * *

Не пугайся,
если проскользну
в сновидение твое
сквозь сомкнутые веки,
будто лист,
унесенный ветром,
в надежде найти
родную ветку.
Даже если мои слова и знаки
ты понять
окажешься не в силах,
ты меня узнаешь
тайным чувством.
Пусть тоска моя
с твоей тоской сольется
вплоть до первой
песни петушиной.

РЕШЕНИЕ

Одной рукой гладят,
другой — показывают кукиш.
Рука руку моет.
Правая рука
не ведает,
что творит левая.
Руками разводят
от удивления.
Обеими руками
аплодируют
пламени поэзии
и пламени костра.
Одной рукою
грабят храм,
другою
покупают индульгенции.
Трусливо
подносят палец к губам.
Но в знак победы
взметнутся вверх
оба пальца.
А полная гармония
наступит лишь тогда,
когда, наконец, руки вместе
успокоятся на груди.

Перевод с эстонского
Елены ПЕЧЕРСКОЙ.

Эллен НИЙТ

В КОНЦЕ ГОДА

День убывает, ночь подрастает —
год на вершине, на горке.
Скоро Фома, и как раз наступает
время великой уборки.

Споро хозяйки метут половицы,
дочиста их отмывают.
В чистый предбанник
хворост смолистый
вместе из леса таскают.

Скоро начало нового года,
скоро младенчество света.
Мир очищается у поворота,
мы повидаем все это.

Гребень полудня
и то в затемненье.
Так оно будет, покуда
не начинается дня сотворенье —
самое чудное чудо.

Солнце — ты огненная монета,
снова стоишь на пороге,
чтобы петух золотистый рассвета
шагу прибавил в дороге.

УЧИТЕЛЯМ

Этот хлеб недопеченный,
недоваренную кашу —
недоделки нашей кухни
отдаем на кухню вашу.
Мы надеемся на ваше хлопотливое
проворство,
мы сдаем сырье и только полагаемся на вас.
Это вы должны добавить, чтобы вышло
в самый раз —
мед добра и соль упорства.

Сколько же отцов упрямых скажет вам
в нелепом споре:
«Здесь прибавить надо соли, да,
учительница, соли!»
Материнские советы будут те же год от
года:
«Добавляйте больше меда, да, учительница,
меда!»
Всевозможное начальство спустит вам свои
приказы:
«Больше масла!», «Влить водички!», «Все,
что надо,—
сделать сразу!»
Запаситесь же отвагой и свою держите марку.
Подходите к делу смело — не пойдет оно
насмарку.
Чтобы хлеб — на удивленье! Наилучшие
коврижки —
из отъявленного плута, из любого шалунишки.

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАН

Словно бы далекое былое
мастерскую отворила память —
все здесь пропитало золотое,
в черном горне пышущее пламя.

Лица залоснились в жарком свете,
потемнели руки, точно уголь.
Ну-ка, потеснитесь, боги меди,
и протиснусь я в привычный угол.

Ничего вокруг не стану трогать,
тихая, как мышка полевая;
лампочка засветит через копоть,
давние года приоткрывая.

Никому печали не готовит
то, что я явлюсь
под этой крышей,
механически взлетает молот —
это бьет отец по меди рыжей.

Молот и свистит, и громыхает,
и грозою душу охватило,
кажется, что стены отступают
под напором медного светила.

И когда они исчезнут вовсе
в огненном расплавленном потоке,
то-то удивиться мне придется:
я себя увижу на пороге.

Без очков отец, еще он молод,
медный барабан он выбивает.
И такое вытворяет молот,
словно ангелы над ним витают.

Слышится отцу в небесном хоре
серебристый голосок подруги.
Молота мельканье лихое —
это все ее, ее заслуги.

Перевод с эстонского
Евгения РЕЙНА.

ЗА РЕШЕТКОЙ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Они там собак едят. Поймают экую бродягу, изрежут на мелкие кусочки и... Да нет, не сами, а зверям. Мясо-то они все у них перетаскали. А зверь не ест — им же втык. Вот они их собаками и кормят». «А сами уток жрут. Честное слово, вылавливают из пруда и прямо там на палочки насадят и на костре...» О зоопарке подобные истории могут рассказывать часами. Все косточки похвально перемыты, и все давно известно про него...

Вот минуешь черную фигурную решетку и видишь тот же до боли знакомый мир, который, казалось, должен был остаться где-то там, — грустные голые деревья, удрученный пруд со столпившимися посередине домишками для водоплавающих, искусно расписанные голубиным пометом лавочки с привычными алкашами, унылость строечного бетона... Но вот заглядываешь в одну из клеток, и оттуда — бархатистый взгляд азиатского бурундука. «Летяга, даурская пищуга» — эти из своих клеток и вовсе испарились, оставив лишь диковинные названия. «Восточный венценосный журавль. Balearica pavonina gibbericeps. Отряд... Семейство...» У него в вольере почему-то поселились петухи, расхаживающие с залихватским видом. Мечется краснозобая казарка, объедаемая со всех сторон нахальными голубями. По глазу, по усу, по звуку щебета и перепончатой лапке вдруг вылезает в свет и собирается воедино непонятное скопище странных существ, обладателей не менее загадочных названий,— и, оказывается, это вовсе не твой мир.

Московский зоологический парк. Небольшой клочок земли, вырванный у центра и обнесенный решеткой. Четыре пруда, островки для птиц, клетки, зеленые лавочки. Открыт в 1864 году Обществом акклиматизации животных и растений на месте бывшего сада Вдовьего дома. Первым сюда пожаловал кенгуру, проживавший до этого в усадьбе профессора Московского университета Усова, одного из устроителей зоопарка. А до этого по пруду каталась толстовская Кити, стоял Вдовий дом, созданный для содержания вдов и просуществовавший до Великой Октябрьской, когда здание передали Наркомздраву.

Время тех вдов закончилось и тихо удалилось, захватив их с собой. Настала пора других, их преемниц,— теперешних контролерш и дворничих зоопарка.

В самом начале было 300 животных, сейчас — около пяти тысяч, видов — 700, и по-прежнему — один на весь город, в чем и состоит одна из его многочисленных проблемищ: «Народу-то сколько стало».

* * *

...Кусок штукатурки свалился на старейшего сотрудника зоопарка. И кусок не так, чтобы кусочек, а порядочный. При этом штукатурка новая (то есть советская, понятие «новая» весьма относительно) — реконструкция идет, по сути, с момента открытия.

Режет глаз и вечным укором стоит «Остров зверей». Здесь когда-то жили крупные звери, наверху был террариум. Тигр сидел под зеленым дождичком — лягушки моросили на него сверху, а зав. террариумом сломал ногу, провалившись в дыру. Обитатели террариума, с шиком перевезенные на автобусе в лютую стужу, провели следующие три-четыре сезона на квартире у слона.

Сегодня газоны превратились в загоны для птиц:

с местом по-прежнему туговато, директор собственными руками воздвигал вольеры для фламинго и очкового медведя — все на энтузиазме. Но не умирает надежда — посадить обезьян на остров, чтобы жили там вольно, без клеток.

Забавные случаи? Сколько угодно. Проходил эдакий, подшофе, в белом халате — в химчистке работал, видит, белый медведь на острове сидит — и к нему. Тот его в халате по цвету за своего принял, давай играть — в воду тыкать. Ну, публика, разумеется, в шоке, камнями в него кидаться стали, сотрудники высвободили несчастного. Действительно, забавная история. И главное, все правильно — человек горой за друга и брата. Медведя звали Лель.

Имена у них есть у всех официальные, по международной племенной книге, и клички, любовно подбираемые работниками (в надписях на табличках они не указывают — посетители доймут).

Тут крупные кошки размножались плохо — устроили им диету с двумя разгрузочными. Так старушки работницы с шестьюдесятью рублями пенсии на свои деньги покупали мясо для родного тигра...

Тут сродняются звери и люди, как это было когда-то, в самом начале, на заре истории, почему-то считающейся исключительно человеческой. Здесь вершиной блаженства считается погладить тайком от начальства тигра, как само собой разумеющееся воспринимается четырехлетняя очередь в террариум на должность рабочего. Слывет непоколебимой истина: «С гадами хотят работать все».

...Террариум достроил тринадцатый прораб, еще в то время, когда водку давали с двух, а магазин рядом, и утром поэтому можно было чем-то заняться, чтобы время скоротать. Это одна из гордостей: коллекция в нем — одна из лучших в мире.

Тут блистает бельмондовской улыбкой крокодил, возлегающий среди искристых кусочков,— ему смекалистые посетители умудряются в щель между листами железа просунуть монетки, чтобы вернуться сюда. Рядом с восточными братьями сидят воистину исторические соседи (тоже крокодилы), вывезенные из Германии в 40-х (в виде трофеев?), причем они уже тогда были в годах. Табличка вверх тормашками — кто-то впопыхах перевернул, выскакивая, когда меняли воду.

Главная боль здесь: «Если б это было еще комунибудь интересно...»

* * *

...Покорял публику ошарашивающий золотой фазан, заворожививший всех аршинной пестротой хвоста, смахивающего на непонятную рыбу. («Во б его зажа-

рить».) Безумные, словно сшитые из тряпок, носились по клеткам ничего не соображающие птицы — существа, похожие больше на недоразумение.

...Завидуйте — они просто живут...

Большинство обитателей парка тут же и рождаются. Из цирка не берут — «зачем нам психически расстроенные?». Иногда привозят зверей с отлова, но на отлов нужна куча всяких разрешений. Редко, но бывают кражи — дважды крали хищных птиц, предположительно в виде чучел пользующихся успехом у заморских посетителей. Официально же шкуры отдаются в музей (слово «отдаются» подчеркивается, продавать их запрещено, «а то бы все били»).

...Текут крыши, рушатся потолки, погибают редчайшие виды. При этом зоопарк умудряется сохранять деловые контакты с Хельсинки, Лондоном, Базелем, Брюсселем, Франкфуртом. Специализация, среди прочих — на редких кошках и журавлях, выращивании редких птиц. Впервые в мире здесь был разведен тихоокеанский орлан. Гордость — лошади Пржевальского, которых в природе осталось вообще около девятисот. («Ну, надо же, Пржевальский давно умер, а его лошадь еще жива».)

Построили моржовник — «на него впору молиться»... Мечта — открыть детский зоопарк, без всякой экзотики, с известными по сказкам зверьми, где их можно будет пощупать, погладить, понюхать.

...Выглянули из-за угла и тут же пропали зонтиковые крылья и клюв-ножницы птицы по имени Варвара; щеголяя стройными ножками, будто с показа мод, вальяжно прохаживался олень. «Вцепились, так страшно»: спустившиеся с горных вершин из другой, более древней эпохи немой стражей сидели достойные своего названия орлы-могильщики.

Страшно с ними работать? Вы о чем, что ж тут такого?

Анна Михайловна здесь с 1972-го. Тогда в зоопарке платили побольше, «да и трактор здесь есть, а вон в жэке всё вручную делают». Родом из Тамбова, привычный платочек, метла, лучистые глаза. Отсюда не уйдет — привыкла к зверям. «Ты их не трогай, и они не тронут...»

Мы смотрим на них, как умеем: цинично, добро, с любопытством или с жалостью. А они из-за разделяющей нас решетки глядят всегда одинаково — без осуждения, как будто понимая нас, жестоких недорослей, братьев своих младших...

...Восседал леопард, не реагируя на воздушные поцелуи и с презрением взирая на тупую «кис-кисающую» толпу. «Шуба-то какая, господи». «Природа как постаралась сделать такого красавца!» Томился в неволе гепард, бросавший страстные взгляды на трогательных бутузов.

* * *

А паломничество гнет полным ходом — в выходные, например, и особенно летом здесь царит истерия, граничащая с безумием: очереди за билетами аж до метро. Штурмуют кассы чинные отцы семейств, преследуемые этими же семействами, которые передвигаются короткими перебежками от одного хвоста очереди к другому.

Но вот придет вечер, муравейник рассосется, оставив горку фантиков, парк ухнет в синеву, и останется в прошлом витая решетка. За решеткой — еще решетки, сотни клеток и загонов. Там и останутся дырявые трубы, нехватка средств, кипы запретов, никому не нужных бумаг и т. д. и пр.— все то истертое и измученное, что и мы пришли забывать. Живность еще какая-то. Тут самим бы...

Но мы горласты. Мы наглы и голосисты — продеремся.

А их так мало.

С ними страшно не бывает. Правда, до тех пор, пока до конца не разглядишь гориллу. Это самое странное ощущение на Земле: когда заглядываешь в клетку и видишь человека за прутьями. Самого себя, отраженного в человеческом взгляде.

Постоим, поглазеем, развернемся и потопаем домой, а они останутся здесь, за решеткой, отбывая своеобразный срок. Рождение, срок, смерть, вскрытие, описание, крематорий в Люберцах.

Но не надо обманываться. Не надо их жалеть. Они свободны — им не за что отвечать. А мы сидим за решеткой, грызя прутья, невообразимо давно, с тех пор, как появились детдома, зоопарки, тюрьмы, вытрезвители — все то, что позарез нужно, но позорно.

Эта земля — их. Поверните скрипучие шеи, взгляните на них — иначе нам уже никто не поможет.

...Замер бесплотный фарфоровый фламинго. Загадочно и заговорщицки улыбается кабан. Омываемый потоками Садового кольца, парк захлебнулся тьмой и стих.

Пожелтел от выхлопных газов белый медведь. Уехали лечиться в Штаты моржи. Зверье, останься! Вы — наши корни, наш золотой стержень, единственные, кто может помочь нам выкарабкаться.

Зоопарк стоит — они здесь, рядом. Можете спать спокойно.

Мария РУСАКОВА

ОТДЕЛ
ИСКУССТВ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:
НОВАЯ РУБРИКА

АЗ'АРТ

Это жажда творчества. Это образ жизни. Это прежде всего богема.

...Обывателей, коими мы все являемся, всегда к богеме тянет. Эпатаж злит, но притягивает. «Не такие, как все»,— а какие они, странные, сумасшедшие и непредсказуемые художники, актеры, музыканты?..

О них — наши попытки рассказа. С азартом.

«Митьки» ни против кого не борются, и этим они завоюют мир». (Из первоисточников.)

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ

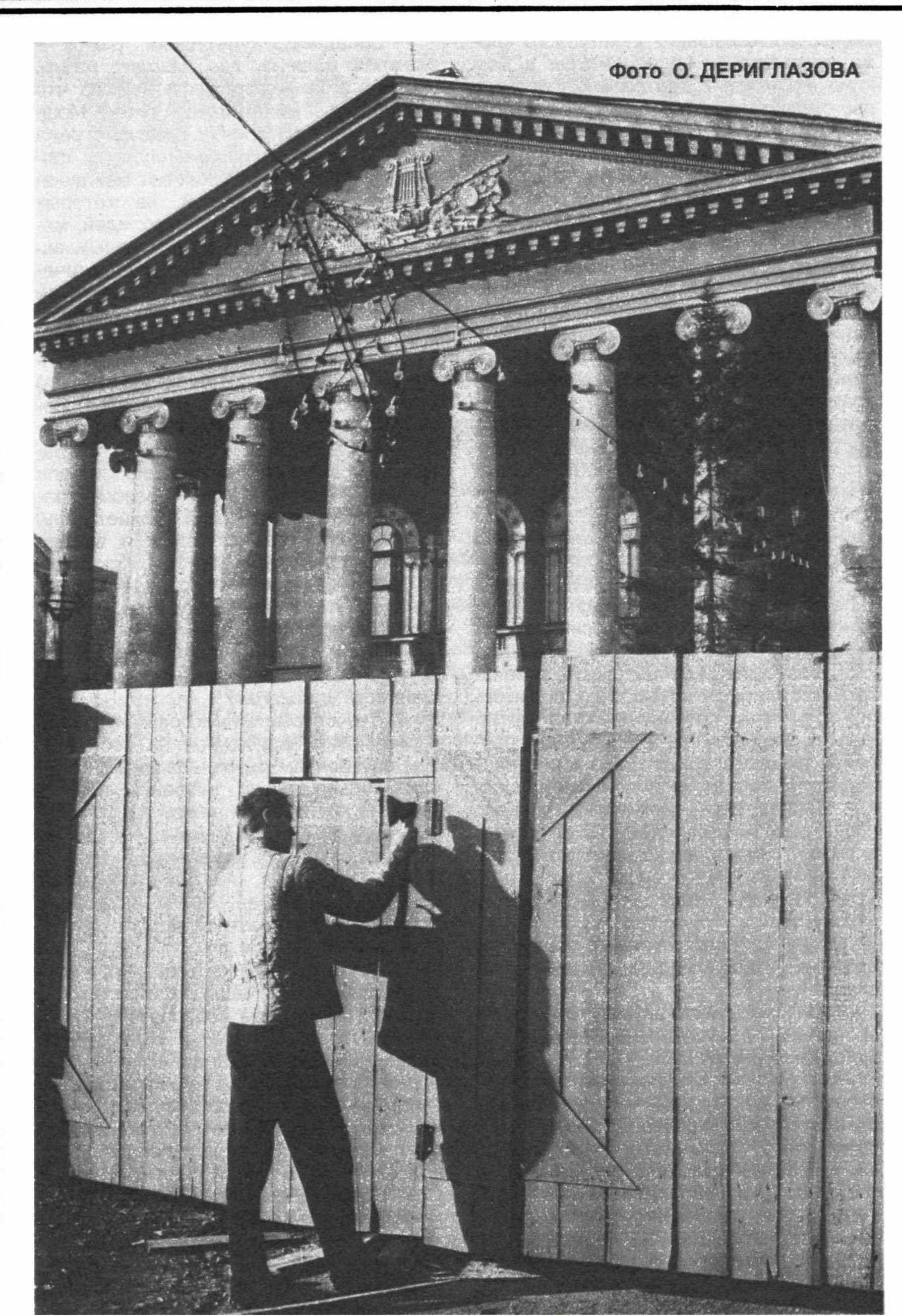

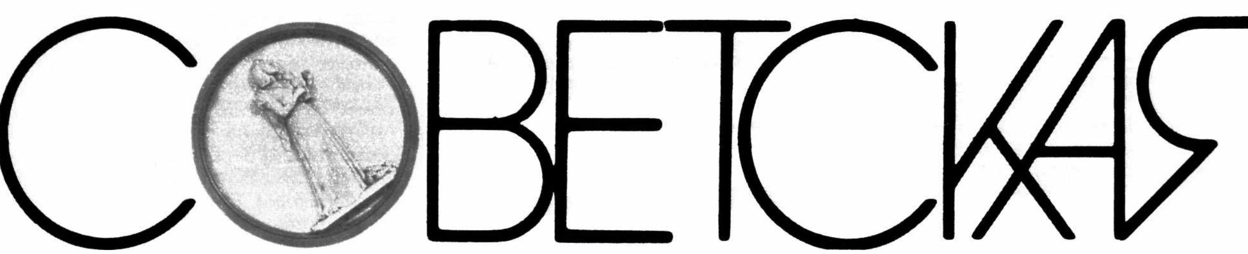
«Наверное, ни один министр не сможет объяснить, почему изображение обнаженной женской груди более безнравственно, чем насилие нашего налогообложения или получение зарплаты за безделье», — считает социолог искусства Даниил Дондурей.

Фото С. СУЛИНСКОГО

Чем больше свободы творчества в нашей стране — тем активнее советские люди отворачиваются от родного искусства. Посещаемость, к примеру, кино за последние пять лет сократилась с 4 до 2,5 миллиарда зрителей. А производство картин вопреки здравому смыслу увеличилось чуть ли не вдвое. За эти же годы прибыль студий от фильмов, которые не желают смотреть, выросла в три раза. В нашей кинопромышленности появились не известные мировой практике рыночных отношений способы возмещать затраты на производство, минуя зрителя. Конкурентоспособной областью отечественного искусства на Западе оказалась только живопись. Но чем больше наши художники доказывали, что способны зарабатывать валюту, тем активнее государственные органы своей налоговой, таможенной и иной политикой делали все возможное, чтобы они не привозили ее сюда, а оставляли за границей. Мы все чаще имеем дело с парадоксальными, абсурдными ситуациями, непрерывно порождаемыми нашей Системой. Их неочевидный смысл надо уметь распознавать. Так что же происходит с нашей художественной культурой? На этот вопрос попросила ответить социолога искусства Даниила ДОНДУРЕЯ наш корреспондент Ася КОЛОДИЖНЕР.

Фото О. ДЕРИГЛАЗОВА

Искусство принадлежать народу

СИСТЕМА УКЛОНЯЕТСЯ ОТ ЗНАНИЙ О САМОЙ СЕБЕ

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать хотя бы фактическое, количественно измеряемое положение вещей. Ну, например, сколько и на какие средства снимается кинофильмов в нашей стране, как они продаются, прокатываются; каково соотношение советских и иностранных пьес или, скажем, песен в радио- и телеэфире; сколько у нас видеомагнитофонов, кассет, независимых галерей, выставок, концертов. Перечень неизвестного во всех видах художественной культуры можно продолжать до бесконечности (такого отсутствия знаний о себе нет даже где-нибудь в Камбодже). Я уж не говорю о социологической информации. Мне кажется, вовсе не случайно в Системе, где экономические, как, впрочем, и многие другие связи, мистифицированы, имеют потаенный смысл, обратная информационная связь с населением весь наш век строится на «письмах трудящихся». То — «воля народа». Неспроста даже Президент чуть что — ссылается на тысячи полученных им писем от 290-миллионного народа. Нельзя серьезно думать, что он не осведомлен, каким образом Гэллап в кратчайший срок способен проинформировать, о чем думает сегодня вся Америка. Академик Заславская недавно рассказала, что ни союзный парламент, ни Президент ни разу (!) не запросили ВЦИОМ о результатах социологических опросов. Ничего не изменилось, в сущности, с того времени, когда социология была объявлена вне закона как «буржуазная лженаука». Наша культура, как и вся Система, по-прежнему пытается ускользнуть от знаний о самой себе...

А ведь именно сейчас, когда жизнь так стремительно меняется, нам как никогда необходимы знания о происходящих в обществе процессах. Мы привыкли мыслить стереотипами. Например, считалось, что, как только выползем из «цивилизации» запретов, начнется невиданный расцвет искусства. Оказывается, этого недостаточно. Надзор за благонамеренностью играл в русском художественном сознании важную конструктивную роль. Неангажированное искусство черпало силы в противостоянии господствующим установкам и морали. Доктрина Суслова, как это ни кощунственно звучит, помогала многим художникам выстоять.

Теперь все поменялось. И Льва Аннинского потрясает тот факт, что конференция по творчеству Солженицына в Союзе писателей, где ожидалось что-то грандиозное, «с конной милицией», прошла как нечто анемичное, астеничное, даже со скукой в зале. Как только отпала нужда прятать политическую или эстетическую независимость глубоко в структуре художественного произведения «с кукишем в кармане», мгновенно пошатнулся статус искусства в общественном мнении. И как подпольного партийного (читай антипартийного) клуба, и как художнической Голгофы, и как проповеднической кафедры. Воплощение в жизнь ожиданий не одного поколения интеллигенции, как это уже многократно в России случалось, привело к неожиданным следствиям: когда все стало разрешено, многим не о чем оказалось говорить со зрителем. За последние годы перестали появляться работы таких авторитетов, как Алексей Герман, Никита Михалков, Эймунтас Некрошюс.

— Но общество вроде бы выдержало испытание правдой, а искусство, несмотря на все перестроечные возможности, оказалось в состоянии депрессии. В чем здесь дело?

— В искусстве процесс разрушения мифов имеет иные природу и психологические последствия, чем в политике. Публика, вернее преобладающая ее часть, получила благодаря, казалось бы, очистительному процессу мощную инъекцию беспросветности, обреченности, которая — когда она исходит от искусства — особенно невыносима.

— Но «чернуха» правдива...

— Не совсем. Произведения, лишенные хотя бы некоторых цветовых оттенков, воспринимаются зрителями как неполноценные, что-то очень важное умалчивающие, усеченные и в этом смысле фальшивые. Только художественный вымысел обладает великим умением через «ложь» показать более сущностную «правду о жизни», чем та, на которую способно прямое изображение реальности. Помните пушкинские строки: «произведение необыкновенное, истинное».

Но понятна и болезненность нашего преклоненного отношения к правде — она вызвана невероятной цензурой, беспрецедентным производством неправды! Тяжелейшая духовная ноша объективного первичного, «сырого» знания требует от миллионов людей огромных внутренних затрат. К ним готов не каждый.

— Вернемся, однако, к тезису о том, что Система уклоняется от знаний о самой себе. Как это проявляется в ведомствах, управляющих нашей культурой?

— Вот частный пример. Деятельность многих культурных учреждений традиционно направлена на улучшение работы театров, клубов, парков, цирков, музеев, библиотек. Все это замечательно. Общественное мнение тоже печалится о них. Но население страны уже десять лет назад тратило на все это в пять раз меньше времени и в восемь—десять раз меньше денег, чем на телевидение, видео, грамзаписи, чтение. Мы давным-давно живем в условиях фактического квартирования культуры «за домашней дверью». В социальном смысле самый перспективный тип учреждения культуры — собственная квартира. Однако серьезно еще никто не занимался ее осознанной пропиской «по месту жительства».

Потихоньку все мы превращаемся в надомников, отдающих свои душевные и эмоциональные силы завораживающему экрану. Научились не только есть, не отрывая глаз от экрана, готовить пищу, гладить, убирать квартиру, принимать гостей, но и... готовиться к экзаменам, читать книги! Здесь ведь не требуется «специальной подготовки», интеллектуальной инициативы. Садимся к телевизору — и все тут. Просто, понятно, доставляет удовольствие.

Мы постоянно слышим о том, что на культуру у государства не хватает денег. А между тем, по некоторым данным, у населения страны около полутриллиона рублей неотоваренных личных средств в сбербанках и дома «в чулках», а шансов что-либо на них приобрести никаких. Но люди и до павловских цен почему-то категорически отказывались тратить больше, чем 40—60 рублей в год (в расчете на одного человека), на искусство, где нет никакого дефицита. Чем это вызвано?

Мне кажется, проблема не в том, что подобных вопросов великое множество, а в том, что мы оказались не в состоянии даже сформулировать их...

СОВЕТСКАЯ РУЛЕТКА: ПРОИЗВОДСТВО РАДИ ПРОИЗВОДСТВА

— Вы говорите о среднестатистическом человеке, который «отказывается тратить». Но разве публика однородна? Ведь художник адресует свое произведение какой-то определенной аудитории?

— Наше общество никогда не хотело признавать наличия естественной дифференциации. Наоборот: «единая социальная общность — советский народ». Декларация фальшивой однородности в искусстве приводила к идиотизму: от авангардных поисковых форм требовалась пресловутая понятность любому неподготовленному зрителю, слушателю, читателю, а произведения массовой культуры почему-то должны были непременно обладать выдающимися художественными достоинствами.

— Но ведь все всегда исходили из ленинских слов: «Искусство принадлежит народу»... Вот и требовали...

— Да, да. «Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими». Целая дискуссия прошла по поводу разночтения в обратном переводе с немецкого. Кстати, вообще неизвестно, произносил ли Ленин эту знаменитую впоследствии формулу, ставшую сердцевиной идеологической доктрины, на самом деле. Можно ли верить Кларе Цеткин, которая эти слова приписала Ленину? Обратите внимание, что никогда не цитируются приводимые чуть ниже за знаменитой формулой слова: «Но, по-видимому, творческая жизнь требует расточительности в обществе, как и в природе».

— Ну, до расточительства нам еще далеко. Так какова же дифференциация?

— Художественно развитые зрители обычно составляют приблизительно 4—7 процентов аудитории. Остальные — массовая аудитория, зрительское «большинство». Эту величину фиксируют исследования разных видов творчества, проведенные во многих странах.

— А в нашей?

— К сожалению, у нас регулярное изучение этой проблемы не проводится. Но вот недавно опубликованы данные Л. Гудкова, согласно которым качественные литературные предпочтения свойственны обладателям личных библиотек, насчитывающих пятьсот и более книг. Таких семей приблизительно тоже пять — семь процентов (у 33 процентов всех советских семей книг дома совсем нет).

Создатели художественной продукции только в самое последнее время, когда возникла перспектива рыночных отношений, заинтересовались зрительским «большинством». Довольно условно его можно разделить на две основные группы: обладающих обыденным типом восприятия (примерно 75—80% аудитории) и так называемым «квазихудожественным» (15—18%). Мы можем справедливо сетовать на внутреннюю несвободу, забитость, массовое эстетическое дурновкусие людей с обыденным типом восприятия. Как угодно сожалеть о том, что большинство жаждет наива, мелодрам, кича. Но почему потребность в не-искусстве так устойчива от поколения к поколению, не поддается самым масштабным просветительским усилиям? Не потому ли, что обладает еще не разгаданной нашим искусствознанием, а в последние годы лишь изредка угадываемой самим искусством особой жизненной силой?

— Что такое «квазихудожественный» тип восприятия?

— Это массовый, быстро набирающий сторонников с помощью телевидения, эклектичный тип восприятия искусства. Не важно, причисляют люди с этим типом восприятия себя к элите или нет, они, безусловно, культурно активны: до нынешнего культурного слома прорывались на просмотры в Дом кино, на модные театральные премьеры, оперируют именами и датами, критическими рецензиями, разного рода сплетнями и домыслами. Лишь бы это было сопряжено с каким-нибудь скандалом, дефицитом, не говоря уж о запрете.

— Мне кажется, вы говорите об этой категории людей с некоторой иронией.

— У вас сложилось неверное впечатление. Я не вижу ничего плохого в том, что обладание благами культуры используется как способ демонстрации престижного образа жизни, дает самоощущение хорошо исполненной обязанности. Человек убеждает сначала других, а затем и себя, что действительно не может обойтись без «глубоких художественных переживаний».

— Какие изменения характерны сегодня для творческой среды?

— Сейчас происходит возвращение своего рода цеховых, средневековых отношений. Я знаю прекрасных живописцев, которых не встретишь в зале консерватории даже на самом замечательном концерте или в кино, режиссеров и актеров, которые никогда не бывают на вернисажах. Для периодов расцвета русского искусства были характерны прямо противоположные процессы. Сейчас весь творческий процесс протекает в замкнутом психологическом и экономическом пространстве как бы чисто профессионального мира, что в общем-то ведет... к ремеслу, а не к искусству.

Все это следствие гниения старых отношений, старой модели жизнеустройства.

— Вы говорите о замкнутом экономическом пространстве. Но ведь мы движемся к рынку...

— В нашей стране производство, в том числе и художественное, осуществляется ради производства. Это несовместимо с рынком. У нас сейчас 86 процентов советских фильмов не собирают даже пяти миллионов билетов, способных покрыть только часть расходов — расходы на производство. У публики нет способа заявить о своих предпочтениях. Система как бы и без того знает, что и кому нужно. Художники благодаря нашему культу производства защищены от реальных пристрастий публики и могут позволить себе «делать, что хотят». Это и есть замкнутое пространство.

— Может быть, поэтому они и не стремятся к рынку? Мне приходилось не раз слышать, что хозрасчет погубит серьезное искусство.

— Хозрасчет — это всего лишь инструмент, сам по себе он никого не губит и не милует. В США симфонических оркестров в 40 раз больше, чем в нашем обществе хозяйственного попустительства.

— Там есть очень богатые люди, у которых есть досуг и интерес к благотворительной деятельности, а нашим теневикам пока еще не до искусства...

— Мы ведь привыкли не задумываться о том, что искусство всегда стоит денег, и немалых, независимо от того, заплатил ли их именитый вельможа, государственный чиновник или человек «с улицы». Даже если нам произведение досталось бесплатно. У нас отсутствует здравая культурная политика и почему-то считается, что с развитием рынка выживут только порнобоевики и детективы. Забываем, что в масштабах нашей страны даже несколько процентов истинных ценителей — это уже 7—10 миллионов человек. У сложного авторского искусства есть коммерчески значимая аудитория. Надо только научиться работать с ней. И для нее.

— На какие средства на Западе существует, скажем, так называемое «авторское кино»?

— Западный культурный рынок — сложная машина, где находит место, производится и продается все, на что есть хотя бы минимальный спрос. Мощная киноиндустрия предусмотрела в этой механике разные способы финансирования нескольких сот международных кинофестивалей, на которых идет изучение и отбор новых идей, материалов, образов, перспективных авторов, героев, самих типов пластического видения... Тут создаются социальные и художественные статусы, идет котировка ставок. Это своего рода великолепно отлаженный экспериментальный цех (оранжерея, плантация) для многомиллиардного массового производства культурных благ, объемы инвестиций которого не уступают затратам на космос или важнейшие отрасли промышленности. Таким образом, сфера зрелищ и развлечений ссужает деньги на подлинное искусство, а взамен получает оригинальные идеи. Как видите, формула проста. И гораздо эффективнее императива: «Искусство принадлежит народу».

— Западное искусство сейчас доступно. Как реагирует на это отечественная культура?

— Отечественная массовая культура проигрывает зарубежной на собственном внутреннем рынке! Из десяти приблизительно тысяч названий кассет, которые крутятся на нашем криминальном видеоторжище (тысяча официально приобретенных, остальные — пиратские), советские ленты составляют единицы. Их уже не сыщешь и в залах московских кинотеатров, что уж тут говорить о провинции.

Но и с западными картинами при хаосе их выхода на наши экраны не все просто. Там ведь создается культ звезд. Это и реклама, и подробности личной жизни, и скандалы, и многое другое. Нашим зрителям большинство западных звезд и западная реклама незнакомы. И поэтому многие эти картины сами передавят друг друга в конкуренции за интерес нашей публики.

— Вряд ли только в этой борьбе победит сильнейший?

— Наши молодежные редакции радио, ТВ, газет сейчас много делают, чтобы знакомить молодежь с западными звездами, со сложившимися критериями. Мой десятилетний ребенок прекрасно осведомлен о рейтингах в «лучшей европейской двадцатке» и американском журнале «Билборд».

— Молодое поколение выбирает «Пепси»?

— Молодое поколение столь различно, что выбирает разное.

С одной стороны, зарубежное искусство вытесняет советское на его родине, а с другой — адаптируется, становясь как бы его ненатуральным заменителем. Этот процесс разрушения национального менталитета тоже не изучен. Все считают себя знатоками: Белов и Распутин — потребностей селян, Кравченко — телезрителей, а специальная комиссия во главе с министром культуры — того, что нарушает общественную мораль, а что нет. Но, наверное, ни один министр не сможет объяснить, почему изображение обнаженной женской груди более безнравственно, чем насилие нашего налогообложения или получение зарплаты за безделье.

НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭТИКА

— Но, согласитесь, страх перед рынком объясним хотя бы тем, что его очень и очень давно не было и мы не знаем, что это такое.

— В двадцатые годы у нас был процветающий рынок и в сфере культуры. Шедевры мирового искусства, собственно, все главные художественные достижения советского периода — это детища того, ныне оплакиваемого времени, когда мастера существовали в открытом космосе рынка. От более позднего времени остались лишь несколько маяков сталинской архитектуры, которые спустя полвека, как полагается, вступили в период, когда отвратительное вчера сегодня кажется даже красивым. В послеоттепельной Москве так и не построено практически ни одного несрамного дома. А ведь архитектура — первое встречное лицо национальной культуры: все истории искусств начинаются с архитектурных разделов. Постыдная предметная среда привела к тому, что мы живем в визуальной пустыне: разбитые улицы, выцветшие краски домов, ущербный дизайн, грязь.

Государство выделяет мизерные суммы на культуру. А рядом сотни миллиардов неработающих денег у населения, у гос- и негоспредприятий. Что делать — давно известно: изменить концепцию налогообложения, спроектировать жизнеспособные многоотраслевые производственные структуры, когда, скажем, экспорт живописи покроет убытки фармацевтических производств, а финансирование неприбыльного театрального фестиваля обернется для городского Совета немалыми туристическими барышами. Но нет же ничего подобного. Система с блеском блокирует любую рациональность, не важно, собственного она или импортного происхождения.

— Но ведь дело не только в Системе. Вы же говорили о сложности рынка, разве у нас есть все необходимое для его возникновения?

— Наш хамский художественный рынок худо-бедно возникает. Конечно, ломаются прежние психологические установки. Долгие годы не было большего ругательства для советского человека, чем продажный художник. И вдруг нужно учиться продавать, переводить художественное качество в коммерческое, строить необходимую социоэкономическую инфраструктуру: специальные посреднические и конъюнктурные службы, дилеры, эксперты, профессиональная пресса. Ценность художника и его произведений предпринимателю, оказывается, надо создавать. Искусство — не лес, не пушнина, не уголь, а предмет сложнейших социальных и духовных договоренностей. Мы вступили в период, когда, к ужасу романтиков, кончается время непризнанных гениев. Как было раньше: талант умер, прошло два поколения — и он великий художник. Эра таких «открытий» кончилась. Если автор оказался на подиуме мирового художественного рынка, он может быть уверен: рынок не ошибется в оценке произведения. Единичные ошибки только подтверждают непреложное правило.

Рынок работает как мощнейший исследовательский центр, ведет кропотливую селекцию, активно участвует в создании имиджа художника. Он кровно заинтересован в том, чтобы определить ценность произведений, поскольку боится опоздать с повышением ставок. На это нацелены фестивали, конкурсы, аукционы.

— Вы считаете, что изобразительное искусство более других продвинулось по этому пути?

— Оно обладает даром предчувствия, я бы даже сказал, предсказания. Дело не только в том, насколько дальше других художники продвинулись на пути к рынку. Среди художников появились люди из будущего. Это — советские художники соцартисты. Они относятся к социализму, как палеонтологи к мезозойской эре. Нам-то кажется, что Система агрессивно дышит, а они исследуют эту жизнь как объект для кунсткамеры мировой истории. Именно это искусство мир сегодня покупает за валюту. Я твердо знаю, что их предмет — «уходящая натура». Все, чем мы сегодня живем, уже прошлое. Остается вопрос: а что потом?..

МИТЬКИ: вчера, сегодня, завтра?

О митьках сегодня наслышаны почти все, но далеко не все знакомы с ними предметно. Специально для несведущих и соблюдая историческую последовательность в изложении их запутанной жизни, мы приводим фрагменты из самого первого их описания, сделанного в свое время одним из основателей группы, Владимиром Шинкаревым. Нас не останавливало то, что цитаты и пересказ этого замечательного предания были некогда опубликованы в журнале «Юность», поскольку ныне этот текст считается уже почти каноническим. Это исторический труд, рассчитанный на порывы ностальгической грусти самих митьков после второго стакана, когда агрессия сменяется сентиментальностью.

Сейчас митьковская летопись разрослась до двенадцати частей и включена в монографию о митьках, беспримерную по диапазону охвата. Если ничего не случится, книга скоро выйдет в Ленинграде под редакцией Ольги Хрусталевой.

митьки: ВЧЕРА, сегодня, завтра?

ОПИСАННЫЕ ВЛАДИМИРОМ ШИНКАРЕВЫМ И НАРИСОВАННЫЕ АЛЕКСАНДРОМ ФЛОРЕНСКИМ

Участников движения предлагаю называть **митьками**, по имени основателя и классического образца — Дмитрия ШАГИНА (однако образ последнего отнюдь не исчерпывается содержанием движения).

Движение митьков обещает быть более органичным, нежели предшествующие названные движения: под митька невозможно подделаться, не являясь им; внешняя атрибутика почти отсутствует — митьки одеваются во что попало, лучше всего в стиле битников 50-х годов, но ни в коем случае не попсово.

На лице митька чередуются два аффектированно поданных выражения: граничащая с идиотизмом ласковость и сентиментальное уныние. Все его движения и интонации хоть и очень ласковы, но энергичны, поэтому митек всегда кажется навеселе.

Теоретически митек — высокоморальная личность, мировоззрение его тяготеет к формуле: «православие, самодержавие, народность»,— однако на практике он настолько легкомыслен, что может показаться лишенным многих моральных устоев. Однако митек никогда не прибегает к насилию, не причиняет людям сознательного зла и абсолютно неагрессивен.

Наиболее употребляемые митьками слова и выражения, на основе словарного запаса Д. Шагина:

ДЫК — слово, могущее заменить практически все слова и выражения. ДЫК с вопросительной интонацией заменяет слова: как, кто, почему, за что и др., но чаще служит обозначением упрека: мол, как же так? Почему же так обошлись с митьком? ДЫК с восклицательной интонацией — чаще горделивая самоуверенность, согласие со словами собеседника, может выражать предостережение. ДЫК с многоточием — извинение, признание в совершенной ошибке, подлости и т. д.

ЕЛКИ-ПАЛКИ (чаще «ну, елки-палки», еще чаще «ну, елы-палы») — второе по употребляемости выражение. Выражает обиду, сожаление, восторг, извинение, страх, радость, гнев и пр. Характерно многократное повторение. Например, если митек ищет затерявшуюся вещь, он на всем протяжении поисков чрезвычайно выразительно кричит: «Ну, елы-палы! Ну, елы-палы!» Очень часто употребляется в комплексе с «ДЫК». Двое митьков могут сколько угодно долгое время переговариваться:

— Дык!
— Ну, елы-палы!..
— Дык!
— Елы-палы!..

Такой разговор может означать многое. Например, он может означать, что первый митек осведомляется у второго: сколько времени? Второй отвечает, что уже больше девяти и в магазин бежать поздно, на что первый предлагает бежать в ресторан, а второй сетует на нехватку денег. Однако чаще такой разговор не выражает ничего, а просто является заполнением времени и самоутверждением митьков.

Обращение митька с любым встречным характерно чрезвычайной доброжелательностью. Он всех называет ласкательными именами, братками, сестренками и т. д.

Круг интересов митька довольно разнообразен, однако обсуждение интересующего митька предмета, например, произведения живописи, почти ограничивается употреблением выражений «обсад», «круто» и т. д. Высшую похвалу произведению живописи митек выражает восклицанием «А-а-а-а!», при этом делает рукой такой жест, будто швыряет о стену комок грязи.

Митек с готовностью берется за любые поручения, но обязательно саботирует их. На все упреки в свой адрес митек ангельски улыбается, слабо шепчет жене: «Сестренка! Сестренка ты моя!.. Дык! Елки-палки! Дык!» В ответ на самые сильные обвинения он резонно возражает: «Где же ты найдешь такое золото, как я, да еще чтобы что-нибудь делал?»

Иной раз митек берет на себя явно авантюрные обязательства, например, самому произвести ремонт комнаты. В этом случае он зовет себе на помощь несколько других митьков, и они устраивают в комнате, предназначенной для ремонта, запой — дабы оттянуться от судьбы, полной одних мук. Если настойчивые усилия многих людей действительно вынудят митька приступить к ремонту, комната в скором времени приобретает вид мрачного застенка; последующие усилия митька оказывают на комнату воздействие, аналогичное взрыву снаряда крупного калибра.

Движение митьков развивает и углубляет тип «симпатичного шалопая», а это, может быть, самый наш обаятельный национальный тип — кроме разве святого.

А вот что я теперь вам скажу: единственное, в чем можно обвинить митьков, так это в том, что они слишком щедро используют выразительные средства. Да в одном митьковском «елы-палы» размах, градация — от легкой романтической грусти до душераздирающего бешенства — куда круче, чем в сборнике стихотворений любого из этих серьезных мерзавцев!

Недоброжелатели скажут, что все это наиграно?

Даже если это так (а это не так), то и в этом случае не столь уж виноват митек — художник поведения — в мире, где все — только разводы на покрывале Майи...

Движение митьков глубоко гуманистично... Много раз бывало, что митек оказывался единственным, от кого добьешься сочувствия, оказываешься хоть на минуту оберегаемым ласковостью и энергичностью митька.

И еще, как добавил Генри Дэвид Торо: «Мудрецы всегда жили проще и скуднее, чем бедняки. Нельзя быть беспристрастным наблюдателем человеческой жизни иначе, как с позиций, которые мы называли бы добровольной бедностью. Живя в роскоши, ничего не создашь, кроме предметов роскоши, будь то в сельском хозяйстве, литературе или искусстве!»

Читатель! Пусть тебе не импонирует движение митьков, но тут уж не шутки, прислушайся к этим золотым словам!

митьки: вчера, СЕГОДНЯ, завтра? ▶

Более мерзкого «сучка», чем в мастерской у Владимира Шинкарева, мне пробовать не приходилось. Но сидели хорошо. Так хорошо сиделось только в раннем студенчестве, в общаге МГУ, когда языкастые евреи из физтеха еще не уехали в Израиль, а косноязычные художники и полупомешанные поэты — в Париж и Бостон. Компания развалилась. Разваливаться — удел компаний. Рвутся связи, однако остается знаковая система. То, что сейчас называется модным словом «менталитет».

Митьки, как я понимаю, уже давно не компания в социологическом смысле, но группа и даже, простите меня, индустрия. Но, как ни взрослеем мы и сколько ни обрастаем ракушками, всегда можно отличить СВОИХ по знаковой системе. Митьки покупают машины, катаются по заграницам, вступают в Союз художников, непрерывно рожают детей, издают книжки, снимаются в кино, снимают кино, нормально одеваются, но в их коллективе так легко вернуться в тот абсурдный театр... В наш прежний балаган, в свое время благословивший отдельных счастливцев иронией, что помогло некоторым из нас не стать серьезными мерзавцами и ощутить подчас как бы свободу...

Поклонники и последователи обижаются, что митьки обуржуазились. Ну, во-первых, они никого за собой не звали. А во-вторых, буржуазность — не мерседес и не жена в золоте. Буржуазность — это прежде всего бездарность. Митьки разбогатели и создали свою мифологию. Но, слава Богу, остались художниками. Оберегала их, конечно, митьковская философия с ее основной идеей: «Митьки не хотят никого победить». Овладев массами, идея сия, по присущему идее свойству, стала материальной силой. Митьки противопоставили идиотски серьезному «совку» не столько игру, сколько идеологию, оказавшись среди родоначальников пресловутого «стеба».

Митьки: вчера, СЕГОДНЯ, завтра?

УВИДЕННЫЕ АЛЛОЙ БОССАРТ

— Чем еще характерна ваша идеология? Помимо того, что митьки не хотят никого победить?

Виктор Тихомиров: — Наверное, мы показываем, как главное отделить от второстепенного.

— Что, владеете истиной?

Владимир Шинкарев: — Я не уверен, что сейчас я знаю истину, но я на такое расстояние к ней подошел, откуда ее удобнее всего рассмотреть.

(Митьки очень начитанны и любят ввернуть цитатку-другую. Часто используются источники настолько рафинированные, что я на них даже и ссылаться не буду.— А. Б.)

— Ваше движение могло родиться в Европе? Или это сугубо русская, вернее, русско-советская форма?

Шинкарев: — Конечно, это национальная русская форма борьбы — как борьба Обломова, например.

Тихомиров: — Европа тоже в заблуждении относительно истины. Их раздражает, что Россия ориентируется на Запад, они считают, что у них самих полно проблем и как бы даже у нас еще и лучше. Мы же, как нам кажется, открыли третий путь. Наша идеология и философия чуть-чуть приоткрывают завесу над выходом из тоннеля. Потому что Европа — не выход.

— Ваш выход из тоннеля — изоляция? Вы построили модель своего мира, свою нишу...

Шинкарев: — Первые христиане тоже были изолированы, но это не значит — замкнуты. Наоборот, они имели тенденцию к экспансии на весь мир.

— У вас те же устремления?

— «Митьки ни против кого не борются, они всегда в говнище, в проигрыше, и этим они завоюют мир» (цитата).

— Антураж в вашей жизни — принцип? Вы живете... э...

— В говнище, хотите вы сказать?

— Ну да. А дома? А если семья?

Тихомиров: — На самом деле мы в этом самом «говнище» не живем. Просто мы умеем отделить главное от второстепенного. Можно его — второстепенное, «говнище»,— разгребать всю жизнь, как моя мама делает: она положила на это жизнь. Это и есть жизнь-борьба, в ней можно захлебываться... и однажды захлебнуться. А есть промежуточные стадии. Вот в такой подходящей для наших устремлений точке мы и находимся. Ведь нельзя же сказать, что здесь тошнит. (Митьки обводят задумчивым взором мастерскую Шинкарева.)

Шинкарев: — Но тенденция намечается.

— А жены? Были такие семьи, которые на почве митьковства распадались?

Шинкарев: — Жена Сократа не разделяла его философии, однако это не мешало ей оставаться...

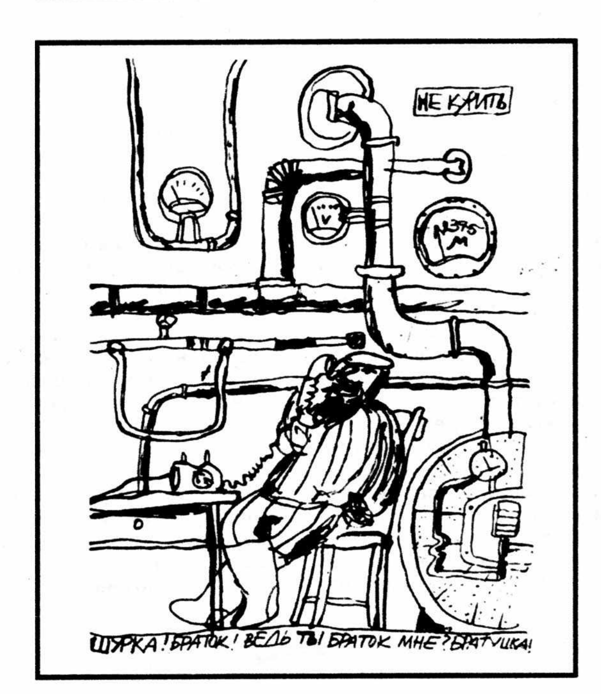
— Мешало, конечно. А вот ваши собственные жены?

Тихомиров: — Наш быт — это средний уровень советского человека... Не надо, мне кажется, пытаться узнать — в реальной жизни точно ли так, как в теории, или не совсем. Вот я починю оба своих автомобиля... и у меня сразу будет коллекция автомобилей.

Шинкарев: — Справедливости ради надо сказать, что он единственный из митьков является счастливым обладателем...

Тихомиров: — Но считается, что я как бы и непьющий. Исключение, подтверждающее правило.

— Жены митьков — митьки?

Шинкарев (с обидой): — Моя жена пыталась антимитьковское движение возглавить — жены против митьков. Памфлеты писала, настолько гнусные... Один из ее афоризмов: «Теперь тебе весело только с твоими митьками погаными».

Тихомиров: — Но это временные заблуждения. Каждая жена время от времени впадает в заблуждение.

— Как Европа?

Тихомиров: — Типа. То насчет митьков, то насчет политики. Сейчас моя жена считает, что митьки — очень умные, интеллигентные люди с не очень хорошим здоровьем. А был момент, когда ей ошибочно казалось, что они пьяницы и подонки. Но она сумела преодолеть свое заблуждение. Да и мы живые люди.

— Ничто человеческое вам не чуждо?

— Более того, мы внедряем человеческое. Наш лозунг — «нести людям радость». Хотя, как правило, митьковские афоризмы содержат смысл, противоположный сказанному.

— Кто вправе считать себя митьком?

Шинкарев: — Нельзя сказать: я считаю себя митьком. Все равно что сказать, я являюсь едоком — потому что я ем. Человек может быть и митьком, и в то же время христианином, инженером и больным.

— Ваша «марка» ценится у галерейщиков, в Союзе художников?

— Да. Союз находится в постоянном ожидании: любой митек, пожелавший вступить в Союз художников, тут же принимается.

— Такая авторитетная фирма?

— Дык!

— А новые поступления в митьки — тоже художники?

Тихомиров: — Мы ни в коей мере не ответственны за новые поступления, как и за движение в целом. До нас доходят сведения. На местах просят инструкций. А группа «Митьки» вполне заморожена. Прибавилось несколько человек...

Шинкарев: — Что любопытно: ротация отсутствует полностью. Я не видел ни одного митька, который был бы исключен или добровольно вышел из рядов.

Тихомиров: — Эти попытки кончались неудачей.

— Как из «малины»?

— Вроде того. В то же время, когда больше двух человек собирается и напивается, обязательно заходит речь о сокращении штатов. Но на каждой выставке все равно выставляются **все.**

— А как к вам относятся ваши дети?

Тихомиров: — Моя дочь гордится, что папа — митек. В связи с этим, я думаю, со временем встанет проблема женихов... Критерии-то, сами понимаете, высочайшие.

Шинкарев: — Настоящая проблема состоит в том, что наследовать некому: у митьков рождаются только девочки.

В этот момент пришел Шагин с одной из трех дочерей, Иоанной, а также молодой Андрей Филиппов, который немедленно и совершил «ход ноги» на угол по поводу того, что у него родилась дочка, и нашу содержательную беседу с митьковским политбюро пришлось завершить.

Но лукавая истина как бы подмигнула мне, и кто-то сказал глубоким басом, цитируя из хмельного пузатого Ренессанса:

— Дринк!

Митьки: вчера, сегодня, ЗАВТРА?

ХОРОШАЯ КОМПАНИЯ!

АЗ'АРТ

ОГОНЁК

МИТЬКИ.
Февраль 1990.

Фото
Б. СМЕЛОВА

Владимир ШИНКАРЕВ.
ПТИЦЫ ВЕСНЕ РАДУЮТСЯ. 1990.

Андрей ФИЛИППОВ.
ВЛАДИВОСТОК. 1990.

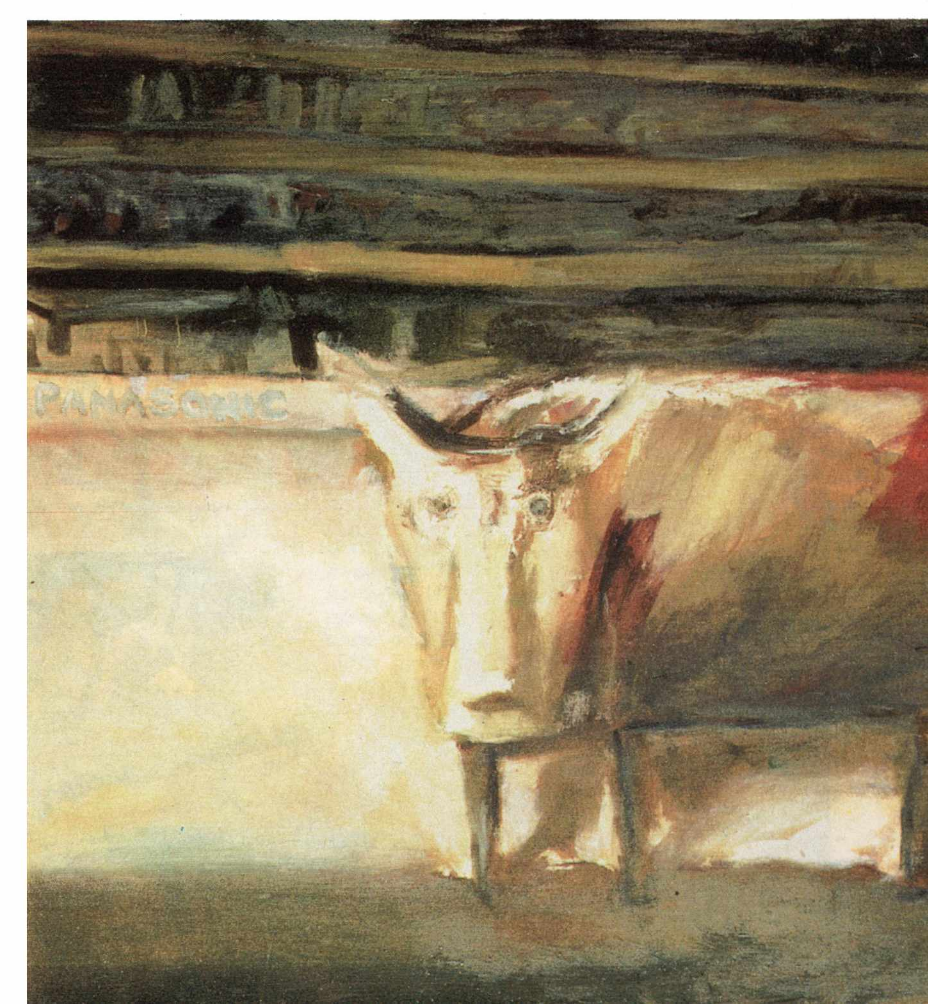
Дмитрий ШАГИН.
НЕСТИ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ. 1989.

Александр ФЛОРЕНСКИЙ.
ПАРК. 1989.

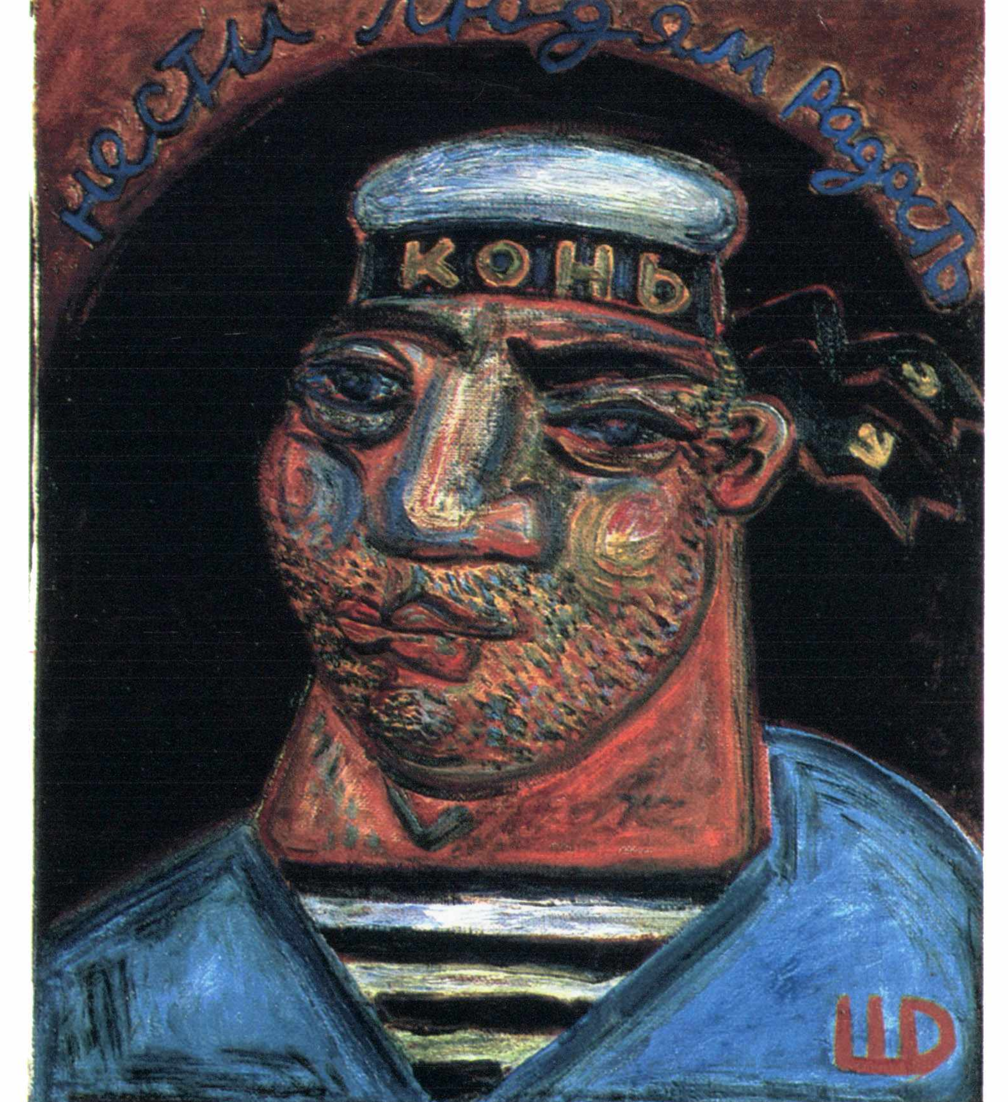
Владимир ШИНКАРЕВ.
ПРАЗДНИК. 1990.

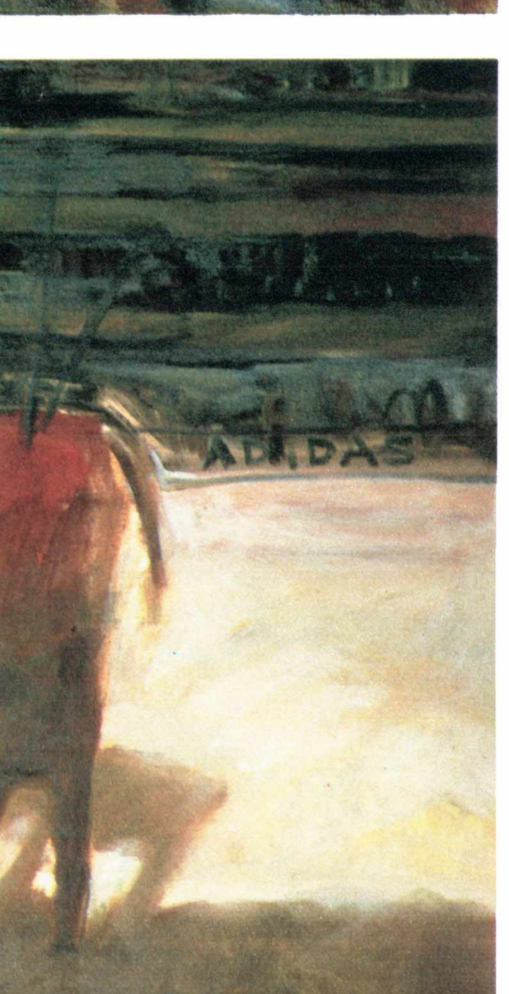
Виктор ТИХОМИРОВ.
БАТЯ И ГОСТЬ. 1990.

нести людям радость
КОНЬ
ШD

ADIDAS

БАТЯ И ГОСТЬ

Фото Якова ШУБИНА

Московский государственный институт международных отношений МИД СССР консультационная фирма СОВИНТЕРЭКО — МГИМО

СОЗДАНИЕ СП И КОМПАНИЙ С УЧАСТИЕМ СОВЕТСКОГО КАПИТАЛА ЗА РУБЕЖОМ

анализ инвестиционного климата в любой стране мира;

выбор оптимальной принимающей страны, режима инвестирования, поиск партнера;

подготовка учредительных документов, регистрация и ведение дел созданных компаний;

ИНФОРМАЦИОННЫЕ УСЛУГИ НА АБОНЕНТНОЙ ОСНОВЕ

поставка информационно-поисковой системы «СОВЕТСКОЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО», содержащей все действующие союзные и республиканские акты, нормативно-методические документы министерств и ведомств (поставляется в виде сборников или на гибких магнитных носителях 5,25д.).

КОНТРОЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ НА МОМЕНТ ПРОДАЖИ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

КОНСУЛЬТАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ УСЛУГИ В СФЕРЕ АУДИРОВАНИЯ

независимая бухгалтерская экспертиза;

оперативная информация о новых требованиях к бухгалтерскому учету, отчетности, ревизии и контролю.

Телефоны: 434-90-45, 434-92-39, 434-70-78
Факс: 434-92-39, 292-65-11 СОВИНТЕРЭКО 000599

ОТЛИЧНЫЙ ИНТЕРЬЕР

Если Вы хотите придать Вашему офису, кафе или концертному залу современный и нестандартный вид, Ассоциация «БИККС» поможет Вам.

Мы предлагаем большой выбор разнообразных декоративных элементов:

— настенные панели с металлической и кожаной отделкой;

— подвесные потолки из алюминия золотистых и белых тонов, выполненные в различных художественных стилях;

— оригинальные светильники, которые хорошо сочетаются с металлической отделкой стен и потолков и создают в наших интерьерах особый световой эффект.

Наша продукция легко монтируется, удобна в эксплуатации и долговечна.

Говорят, дома и стены помогают. Мы уверены: в помещениях, интерьер которых создан фирмой «БИККС», Вам будет уютно!

— **ЭТО ЛИЦО ВАШЕЙ ФИРМЫ**
— **ЭТО ОТЛИЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ**
— **ЭТО ОТЛИЧНЫЙ БИЗНЕС**

129223, Москва, ВДНХ СССР, магазин № 5 «Союзпечать», Ассоциация «БИККС»
Тел.: 193-84-03, 289-21-31, 283-32-42.

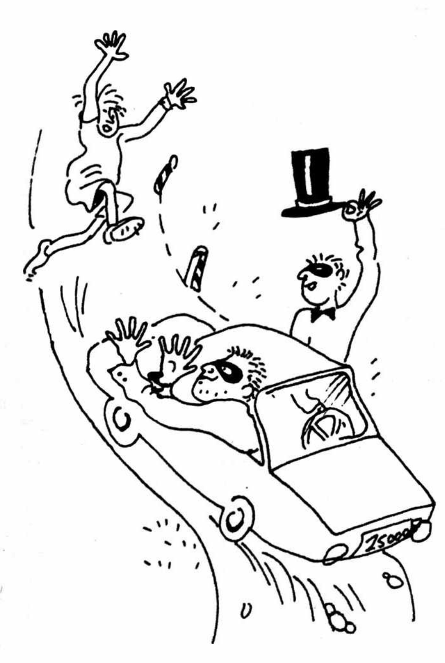

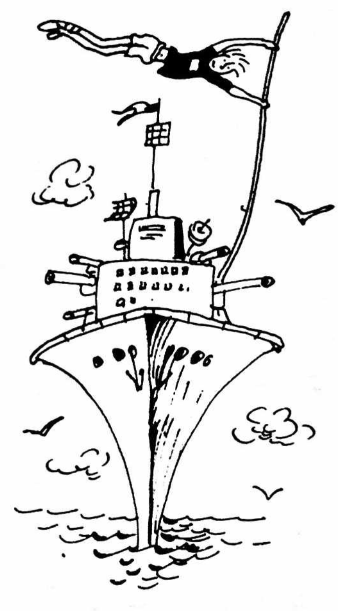
ДЖЕНТЛЬМЕНСТВУ КОНЕЦ?

Кроме водки и элитных творческих работников, «конвертируемостью» в нашей стране отличаются еще и спортсмены. Этот радостный факт вовлекает последних в сферу интересов представителей уголовного мира. Но если интеллигентов простой советский вор недолюбливал давным-давно, то спортивных звезд старался по пустякам не беспокоить. И даже временами проявлял не свойственное профессии джентльменство.

Когда три года назад, угнав очередную машину, воры нашли в ней документы хозяйки — Ирины Родниной, то позвонили любимой фигуристке и, извинившись, назвали точный адрес, по которому она может приехать и забрать машину, целую и невредимую.

Увы, в сегодняшней тяжелой экономической обстановке и спортсменам рассчитывать не на что. Сразу на 150 тысяч обидели воры Сергея Литвинова, олимпийского чемпиона в метании молота, и Игоря Тер-Ованесяна, председателя Федерации легкой атлетики СССР. У обоих на днях угнали по «Волге». И возвращать, похоже, не собираются...

КОДОВОЕ СЛОВО — «КИЕВСПОРТ»

Отношения между СССР и США оказались настолько крутыми, что для их выяснения командующему Краснознаменным Черноморским флотом пришлось предоставить противоборствующим сторонам палубу черноморского крейсера. А также пару самолетов для переброски главных действующих лиц в район боевых действий близ города Севастополя. Время операции — сентябрь 1991 года. Пароль — «Киевспорт».

Именно Владимиру Кибе, президенту спортивного клуба «Киевспорт», пришла в голову сногсшибательная мысль: провести первый в мире турнир лучших прыгунов СССР и США на борту военного монстра. Сергей Бубка готовится побить новый рекорд. Для того, чтобы подготовить корабль к столь оригинальному действу, достаточно, оказывается, самой малости — настелить тартан и установить планки и прыжковые ямы. Кстати, сам всемирно известный тартан, на котором в основном и проводятся легкоатлетические соревнования, родом из военно-промышленного комплекса,— им настилают взлетные полосы большого авианосца..

Турнир вызвал большой интерес на Западе, и сейчас офис Владимира атакуют иностранные спонсоры и журналисты.

Да здравствует советский морской флот — самый спортивный флот в мире!

ДАЕШЬ БАЛ!

Видимо, неплохо в свое время изучали в школе историю режиссер Малого театра Виталий Иванов и один из руководителей совместного советско-американского предприятия «Эльба», Михаил Майстровский. Гуляя как-то мимо шедевра русской архитектуры конца XVIII века, отданного советской властью профсоюзам, они вдруг вспомнили, что именно сюда в былые времена съезжалась на балы блестящая московская публика. Решив, что мы ничем не хуже, они без промедления назвали дату первого в истории советского светского бала — 1 июня. Цена входного билета — 100 рублей ассигнациями.

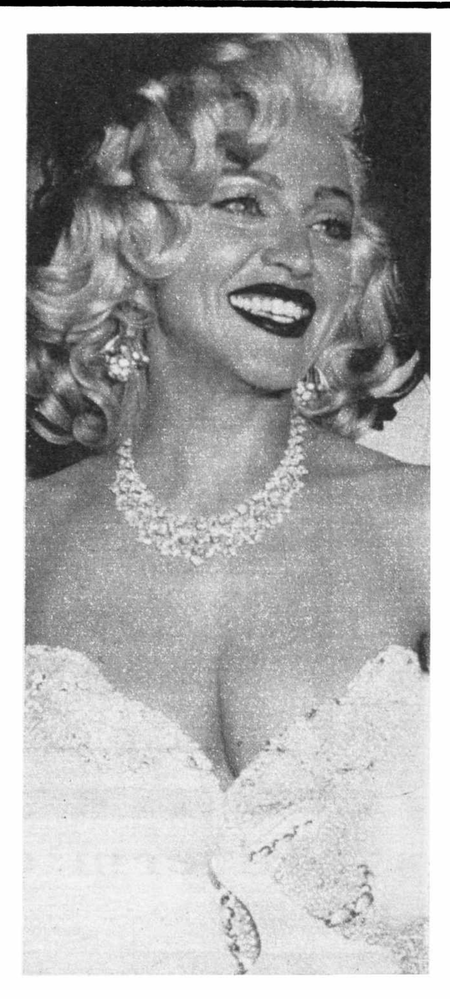
Итак, бал в благородном дворянском собрании, ныне скромно именуемом Колонным залом Дома союзов. Съезжавшихся в назначенный день гостей у входа встречали чопорные кавалеры в напудренных париках, а также длинноногие фотомодели, слегка задрапированные шелком или бархатом. В фойе музыканты в расшитых золотом камзолах играли Моцарта и «Калинку», в буфете давали икру и шампанское. Но главные события разворачивались в самом Колонном зале, который несказанно похорошел после того, как из него вынесли кресла и ковровые дорожки.

Обученные, празднично одетые танцоры-профессионалы легко скользили по сияющему паркету, непринужденно переходя с полонеза на мазурку. Прочая публика в широком спектре нарядов — от ситцевых платьев до джинсов — застенчиво жалась к стенке. И только когда зазвучал родной рок-н-ролл, народ хлынул на середину зала.

Дворяне, помнится, не зря называли себя благородным собранием, поскольку балы устраивали благотворительные. Обидно было бы оказаться менее благородными, и потому прошедший бал посвящался созданию первой в Москве галереи детского искусства и оказанию помощи детскому эстетическому центру художника-педагога Г. А. Рождественской. Несмотря на суровые времена, пожертвования были. Компания «Гермес» выписала чек на 60 тысяч рублей, экс-кандидат в мэры Москвы Клюев дал 10 тысяч. Бал посетили академики А. Г. Аганбегян и С. С. Шаталин, а также другие именитые гости.

Самому СП «Эльба» бал обошелся в 100 тысяч рублей, но они не считают деньги выброшенными на ветер. Возрождение традиции балов того стоит. Следующий бал планируется провести осенью там же.

КОГДА МАДОННА СТАНЕТ СТАРЕНЬКОЙ...

В Америке — премьера. В документальном фильме «С Мадонной в постели» снялась сама певица.

«Я рассматриваю этот фильм как просветительский»,— заявила она в «эротическом интервью» журналу «Квик». Просветиться должны ее молодые фанаты: пусть они вырастут не такими невежественными, какой была сама Мадонна...

В Голливуде, правда, ходят слухи, что фильм, как и музыкальная лента «Эвита», где у Мадонны главная роль, провалится в прокате. «Впервые слышу об этом»,— заявила певица и не подала виду, что огорчилась. Ведь делает она только то, что захочет.

Что касается ее религиозных убеждений, католичка Мадонна призналась: Иисус для нее как идол, так и кинозвезда. Подростком она мечтала о нем... Впрочем, распятие Мадонна по-прежнему находит несколько сексуальным. Склонна ли звезда к мазохизму? Судя по ранним ее песням, да. «Какая женщина, если быть честной, не склонна к этому?» — считает 32-летняя миллионерша, состояние которой оценивается в 150 миллионов немецких марок.

Мадонна рассказала также о своем новом увлечении — 19-летней фотомодели из Нью-Йорка Антонио Сабато. Ей нравятся молодое красивое тело и богатый сексуальный опыт партнера. Что до опыта жизненного и интересных разговоров, то Мадонна так убалтывается за день, что в интимной обстановке мужчина нужен ей «не для речей».

А когда Мадонна станет старенькой, она собирается перевезти свою коллекцию произведений искусства в Венецию и, живя там в палаццо, слушать песни гондольеров.

НЕПРИЗНАННЫЕ ГЕНИИ – С МОЛОТКА

Шестого июня в одном из самых престижных мест столицы, ресторане «У Пиросмани», что рядом с Новодевичьим монастырем, начался очередной аукцион непризнанных гениев. Кстати, популярность этого ресторана у светской публики столь высока, что столики заказывают даже из-за «бугра», звоня по телефону из Парижа, Берлина, Нью-Йорка.

Аукцион как способ помощи людям с оригинальными идеями, реализация которых сулит немалую прибыль, был задуман еще два года назад. Но осуществить его удалось только сейчас бла-

годаря финансовой поддержке Творческой ассоциации международных программ. Эта неправительственная организация выделила на реализацию идеи аукциона 100 тысяч рублей. На сей раз «на продажу» выставлялись следующие проекты: неведомый доселе метод фотографирования мыслей человека, проект Центра творческого гипноза, оригинальный метод очистки крови, аппарат, позволяющий омолаживать организм, повышать надои молока и делать вкуснее куриное мясо. Представляли публике эти идеи сами авторы — Анатолий Охатрин, Владимир Райков, Марк Гольдин, Владимир Сенкевич и организатор аукциона журналист Сергей Власов.

«Торги» прошли успешно. Все идеи «куплены» представителями Мосбизнесбанка, Менатеп-инвеста и Российского инновационного концерна. Есть надежда, что с их помощью непризнанных гениев наконец-то признают.

Действо снимали сразу четыре оператора. Один из которых был, правда, не совсем трезв и на просьбу представиться назвал себя корреспондентом известной зарубежной телефирмы. Судя по акценту, он говорил правду.

ЭХ, ВАНЕССА...

Около дверей кабинета Михаила Ульянова, что в Союзе театральных деятелей России, толпились разнокалиберные и разновозрастные блондины с гитарами и без оных. Из-за двери доносились странные вещи. Сначала крики «Я убью тебя!», потом что-то по-английски, а потом снова по-русски, с успокаивающей интонацией: «Он педераст...»

На самом деле ничего страшного за дверью не происходило. Это просто приехала из Лондона известная и любимая у нас, несмотря на экстравагантные выходки, английская актриса Ванесса Редгрейв, кстати, по совместительству лидер британских троцкистов. Приехала специально для того, чтобы найти себе русского партнера на роль Сергея Есенина в пьесе Мартина Шермана «Когда она танцевала». Сама Ванесса, разумеется, будет играть Айседору Дункан. Поэтому и собрались в Союзе театральных деятелей России артисты, считающие себя годными на роль Есенина, попытать счастья...

В принципе, конечно, можно считать счастьем и то, что их партнершей хотя бы десять минут была знаменитая Ванесса Редгрейв. Но в остальном блондинам не повезло — никто из них не подошел Ванессе. Как выяснилось впоследствии, представление о Сергее Есенине у британцев коренным образом отличается от нашего, что и продемонстрировали Ванесса, ее режиссер и продюсер, выбрав не светлоокого блондина, а восходящую звезду нашего театра и кино Олега Меньшикова. Нет, он не счел себя похожим на Есенина и не участвовал в конкурсе. Его увидела сама Ванесса в спектакле «Калигула» на сцене Театра им. Моссовета и, пригласив к себе в гостиницу, предложила полугодовой контракт на сумму в ... тысяч долларов. Как уж тут не согласиться. Эх, Ванесса...

БАБУШКА АЛЛА

Один из самых знаменитых в СССР внуков родился в Лондоне неподалеку от Кромвел роуд, где его родители снимали уютную трехкомнатную квартиру. Папа и бабушка (Владимир Пресняков и Алла Пугачева) в это время работали на одной из лондонских студий звукозаписи.

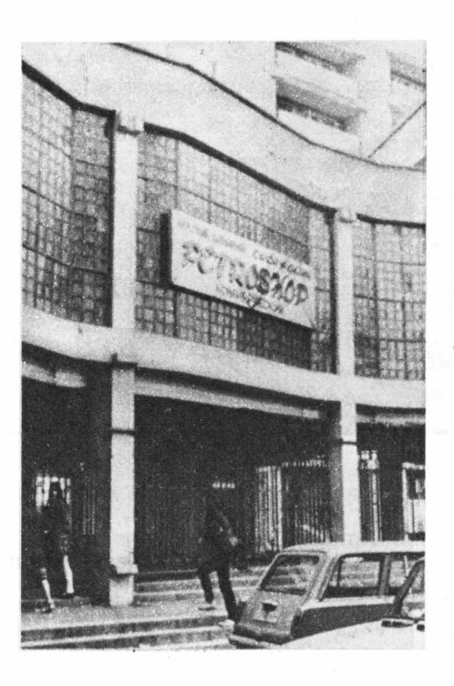
За две недели до его рождения корреспондент «Светской хроники» поинтересовался у Кристины, специально ли они с Володей скрывают свое супружество. «Мы официально не расписаны,— ответила Кристина,— поэтому на вопрос, замужем ли я, я честно отвечаю: нет».

Гуляя по берегу Темзы, родственники горячо обсуждали вопрос, как назвать будущего мальчика. В том, что будет мальчик, никто не сомневался. Сошлись на том, что имя обязательно должно быть очень русское. Алла Борисовна вспомнила строчку из песни «Когда я буду бабушкой» и долго напевала: «...и внук, шалун Егорушка». Впрочем, назвали ребенка в конце концов Никитой, посчитав, что Егор все же чересчур экзотично.

СЕГОДНЯ ОРЛЕНОК, А ЗАВТРА...

Копаясь в свежевырытой траншее, севастопольский школьник Толя У. нашел уникальную золотую скифскую гривну в виде спирали весом около двух килограммов, которую специалисты чуть позже датировали I веком до нашей эры. Подросток, что и говорить, был достаточно подкован, чтобы не связываться с краеведческим музеем. Поэтому он зубилом отковыривал кусочки украшения и частями продавал их знакомому граверу, который, в свою очередь, сплавлял золото знакомым ювелирам и зубным техникам. Обнаружить «золотых дел мастера» удалось слишком поздно... По мнению археологов, погибшая находка могла бы украсить любой музей мира. Зато теперь многие жители Севастополя могут похвастаться зубными протезами из скифского золота.

ЧАСТНАЯ ЛАВОЧКА

В Москве открылся новый коммерческий магазин. Отличают его от других магазинов подобного рода сравнительно узкая специализация и по-настоящему коммерческий размах. «Petroshop», а именно так назвали магазин его создатели, оккупировал отлично отделанное двухэтажное здание близ кинотеатра «Саяны». Это заведение организовано профессионалами-коммерсантами для профессионалов-музыкантов. Поэтому и цены здесь соответствующие: на ценниках можно увидеть и шестизначные цифры. Что ж, именно столько и стоят высококлассная концертная аппаратура и инструменты. Среди инструментов есть и раритеты, к примеру, известная многим по яркому американскому клипу балалайка гитариста группы «Парк Горького» А. Белова, которая стоит 160 тысяч. Создатели «Петрошопа» считают, что прошло время самодельных гитар и хриплых динамиков — пора переходить к тому, чтобы поражать слушателей не только музыкой, но и красотой звучания, тем, что называется непривычными пока для нашего уха словами «шоу» и «саунд». Похоже, музыканты тоже так считают — недавно Михаил Муромов приобрел в «Петрошопе» аппаратуры на 700 тысяч рублей, группа «Дюна» отоварилась на 200 тысяч.

И СНОВА ПРЕТЕНДЕНТ

Украинский король проживает в Испании — объявил американский журнал «Крест». Родители сорокатрехлетнего Олексия II — потомки великокняжеских родов Рюриковичей — Долгоруких. А дед его «королевской милости» в своем завещании, датированном 4 мая 1969 года, провозгласил внука наследником киевского престола. Дарованный Олексию титул полностью звучит так: властитель и король Украины—Руси, великий князь Киевский и Черниговский, король Галицкий и Владимир-Волынский, князь Крымский и властитель Псковский, великий князь Смоленский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Львовский, Мстиславский, Северский и Тмутараканский, гетман и покровитель донских и кубанских казаков, князь Д'Анжу, Любецкий, Белостокский, Соколинский, герцог де Дураззо и глава рода Д'Анжу.

Будет ли отпрыск голубых кровей претендовать на королевское место или его в связи с отсутствием королевской власти на Украине устроит что-нибудь попроще — неизвестно. Очевидно одно: претендентам на трон придется потесниться: их полку прибыло.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Наталья Латушкина, Людмила Сальникова, Алексей Мокроусов, Виталий Мелик-Карамов, Андрей Болтенко, Вера Лаврешина.

В выпуске использованы материалы информационных агентств «Евро-ИКС» и «Студинформо».

Рисунки Евгении Двоскиной.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону: 212-23-07.

ВЗРЫВ В ЛЕОНТЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Марк АЛДАНОВ

IV

МОСКВА И ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Отношения Махно с большевиками оставались с внешней стороны дружественными приблизительно до начала лета 1919 года. Как справедливо указывает г. Аршинов, «имя Махно не сходило со столбцов советской прессы. Телеграммы его перепечатывались. Его величали подлинным стражем рабоче-крестьянской революции». 4 мая в Гуляй-Поле прибыл с визитом чрезвычайный уполномоченный Совета обороны республики Л. Каменев. Встреча ему была оказана очень торжественная.

Талантливый советский беллетрист г. Пильняк в историческом рассказе-очерке «Ледоход» описал быт штаба Махно. Главные действующие лица очерка: сам батько, его советник, известный анархист Волин, и, естественно, роковая подруга Махно, Маруся, «страшная женщина, красавица... Она пришла перед боем, попросила коня и была в строю первой, а потом расстреливала пленных спокойно, не спеша, деловито, как не каждый мужчина».

Быт, изображенный у г. Пильняка, весьма прост: «Вошел вестовой, сказал: «Поймали двух евреев из подозрительных. Что прикажешь?» Батько ответил: «Вешать надо жидов!» — Помолчал.— «Вешать надо эту нацию!.. Ты, братушка, налей нам по стаканчику,— спирт заводский... И еще надо вешать баб!..» Остальное в том же роде. Кончается очерк тем, что роковая женщина убивает Волина.— Это факт.— добавляет на всякий случай автор.

Несмотря на столь твердое заверение, должно, по справедливости, признать, что в историческом очерке г. Пильняка нет ни единого слова правды. И быт Гуляй-Поля был не такой, и Махно был не такой, и никогда он не говорил «вешать надо жидов, и еще надо вешать баб», и страшная женщина, красавица Маруся, никогда на свете не существовала, да если б и существовала, то никак не могла убить г. Волина, хотя бы уже потому, что этот талантливый оратор жив по сей день и как раз на прошлой неделе прочел в Париже доклад о социальном строительстве. Вдобавок, по случайности, он никогда не был ни в Одессе, ни в Гуляй-Поле, где происходит действие очерка г. Пильняка.

В жизни Гуляй-Поля — достаточно темной и страшной — было немало и чисто комических явлений. Думаю, что визит Каменева составил в истории этого городка страницу в бытовом отношении весьма комическую. Уезжая, высокий советский гость «горячо распрощался с махновцами, высказал благодарность и великие пожелания, расцеловался с Махно, уверяя, что с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык» (Аршинов). Одним словом, все как у людей: обычный дипломатический визит с тостами о традиционной неразрывной дружбе двух великих народов.

На самом деле, вопреки высказанной Каменевым уверенности, общего языка не нашлось. Настолько не нашлось, что ровно через неделю после этого визита от того же Каменева пришла телеграмма в ином тоне:

«Гуляй-Поле, батько Махно по нахождению. Изменник Григорьев предал фронт. Не исполняя боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров — вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев. № 277».

«Повернувший оружие» атаман Григорьев очень желал привлечь махновцев на свою сторону. Это был простой человек, и программа у него была простая. Очень упрощал он и дипломатические формулы, которые большевистскими де-фукьерами составлялись в торжественно-революционном стиле. Почти одновременно с каменевской телеграммой в Гуляй-Поле была получена телеграмма и от него: «Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их. Атаман Григорьев».

Отношение Махно к обеим сторонам было приблизительно одинаковое: он желал бы повесить и Каменева, и Григорьева. Батько выпустил довольно путаное воззвание, содержавшее в себе слова весьма двусмысленные: «Распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ... Мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в каком случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов». Расположения своих войск он большевикам не указал, но копию воззвания послал Каменеву, которому текст, вероятно, большого удовольствия не доставил: «подлость политических шарлатанов» как будто относилась не к Григорьеву. 4 июня Троцкий разослал приказ об аресте распространителей воззваний Махно. Батько ответил телеграммой на имя Ленина, Каменева, Троцкого и Ворошилова, заключавшей в себе прошение об отставке: «Предлагаю принять от меня отчеты и дела».

С внешней стороны все было опять-таки в высшей степени культурно: телеграммы за номерами, официальные титулы и чины, отставка, сдача отчетов и т. д. По существу же, дело обстояло не совсем так. Еще за месяц до каменевского поцелуя в Гуляй-Поле по при-

Окончание. Начало в № 27.

казу Махно были казнены командир полка Падалка и еще несколько человек; обвиняли их в том, что они, по поручению большевиков, покушались в Бердянске на жизнь батько. Было ли у них такое поручение или казнили людей ни в чем не повинных, этого я не знаю. Не подлежит, однако, сомнению, что Махно очень опасался своих московских соратников. Ближайший к нему человек рассказывает: «Неоднократно от товарищей, работавших в большевистских учреждениях, Махно получал предостережения — ни в каком случае не ехать по вызову ни в Екатеринослав, ни в Харьков, ибо каждый официальный вызов будет означать ловушку».

Есть достаточные основания думать, что батько, человек энергичный и мстительный, в долгу никак не оставался. Казнь Падалки была делом второстепенным. Предполагаю, что еще несколько раньше, скорее всего в апреле, у Махно возникла мысль о центральном ударе в Москве. С внешней стороны, однако, отношения между Москвой и Гуляй-Полем оставались корректными. Давление добровольцев на фронт усиливалось. 7 июня, то есть всего за два дня до «отставки» Махно, большевики прислали в его распоряжение бронепоезд.

На нем находились Ворошилов и Межлаук. Устроился на поезде и Махно со своими товарищами. Был образован общий штаб.

В этом поезде разыгралась одна из самых мрачных драм гражданской войны, историками пока не выясненная. По характеру она, пожалуй, неслыханна в военной истории новейшего времени. Поезд предназначался для борьбы с добровольцами и действительно вел эту борьбу. Но главное его задание было иное: большевикам надо было схватить и расстрелять своего союзника и соратника — «комбрига» Махно!

Получил ли батько предупреждение из того же таинственного большевистского источника, или инстинкт предсказал ему недоброе, Махно вовремя покинул поезд. Большевики захватили его ближайших помощников, начальника штаба армии махновцев Озерова, членов штаба Михалева-Павленко, Бурбыгу и еще несколько человек. «11 или 12 июня 1919 года, находясь на боевом поезде и не выходя ни на минуту из боев с наступавшими деникинцами, Михалев-Павленко был вместе с Бурбыгой изменнически схвачен Ворошиловым, командиром 14-й армии, и казнен 17 июня 1919 года в г. Харькове». Так рассказывает анархист [1] Аршинов; рассказ его, по существу, подтверждается и большевиками. Кажется, г. Аршинов лишь преувеличивает личную роль Ворошилова в казни его товарищей по бронепоезду. Насколько я могу судить, это почетное дело все-таки не в характере нынешнего советского маршала. Во всяком случае, приписывал себе тут главную заслугу известный чекист Лацис. «Организация штаба Махно,— кратко замечает он,— была немного скопирована с штаба большевиков. Там были заведующие организационным отделом, были секретари командующие,— около 4-х человек, которые попали в руки нашей армии и были доставлены в штаб, руководимый лично мною. Все они были расстреляны».

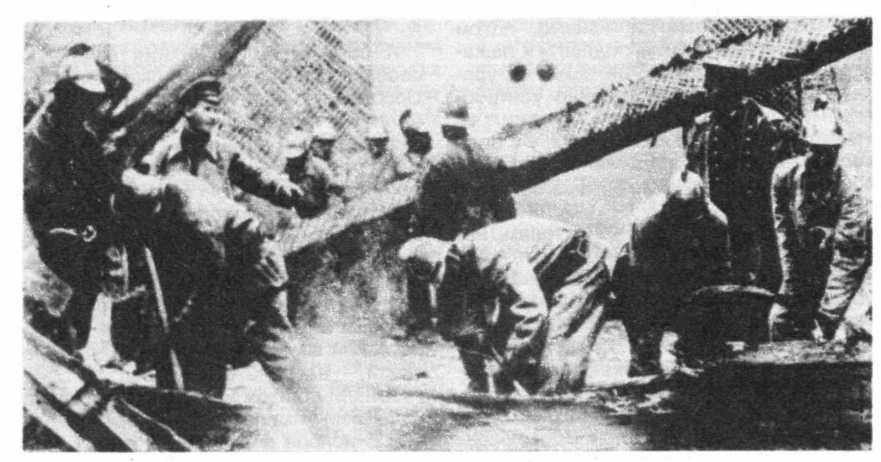

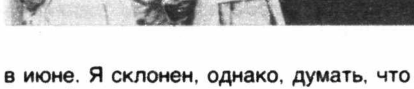
Как и сегодня, тогда вступили в противоборство самые разные политические «платформы». Как и сейчас, тогда идеологические расхождения носили «пр-ринципиальный», непримиримый характер. Как и сейчас, тогда символами партий и течений являлись яркие, неожиданные личности: Троцкий, Махно, Чернов.

Символы, течения, идеи, платформы были разными.

Результат оказался неожиданно схожим.

Развалины — обычные последствия взрыва.

«После расстрела штаба Махно,— показывал в Чрезвычайной комиссии один из членов организации, взорвавшей особняк в Леонтьевском переулке,— приехавшая публика, которая работала у Махно, возмутившись актом расстрела, решила отомстить за смерть махновцев смертью лиц, принимавших участие в вынесении приговора о расстреле: Пятакова, Раковского и др. Но страсти остыли, и решено было начать бить по центру, т. е. Москве».

Под «приехавшей публикой» надо разуметь, по-видимому, значительную часть участников взрыва 25 сентября. У Махно служили Гречанинов, Глагзон, Барановский, Цинципер и, быть может, некоторые другие видные члены организации, группировавшейся вокруг дачи в Краскове. Некоторые из них занимали в Гуляй-Поле видные посты: двое, если верить большевистскому публицисту Кубанину, ведали махновской контрразведкой. Из приведенного выше показания можно сделать вывод, что мысль об ударе по московскому центру явилась у махновцев лишь после расстрела Михалева-Павленки, то есть в июне. Я склонен, однако, думать, что дело было задумано раньше.

Сам Махно в Москве в 1919 году не был. За год до взрыва в Леонтьевском переулке он совершил поездку по России, собирая анархические силы и проповедуя идею «вольных Советов», впоследствии подхваченную совершенно иными течениями. Об этой поездке он подробно рассказывает во втором томе своих воспоминаний, до сих пор не напечатанном. Махно побывал у Кропоткина, у другого известного теоретика анархизма Борового (недавно скончавшегося в ссылке в СССР). Побывал он и у Ленина, которого идеей вольных Советов не соблазнил. С той поры он в Москве не бывал. Связь его с членами московской организации поддерживалась, по-видимому, через эмиссаров.

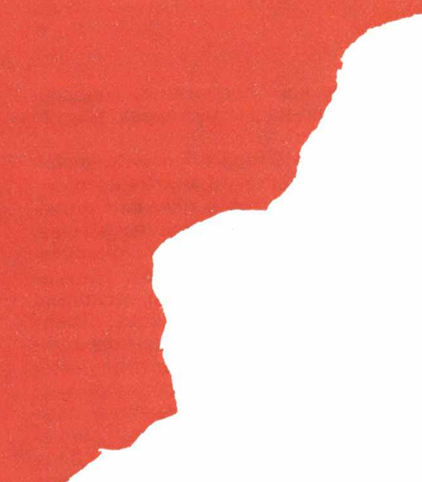
В апреле 1919 года в Гуляй-Поле приехал некий Вжостек, фамилия которого не раз упоминается в показаниях людей, принимавших участие во взрыве. Вероятно, его настоящая фамилия была другая. Очень многие жильцы Красковской дачи имели по несколько имен — иные по шесть или семь. Может быть, это было нужно по конспиративным соображениям. Но, кажется, некоторую роль тут сыграли и своеобразный снобизм этих людей, и принятый обычай, и традиция, и скромность. Гремевший в Москве экспроприатор «Дядя Ваня» (Приходько) в Харькове называл себя «Леонид Хлебныйский» — вроде как принц Уэльский в Биаррице или в Канне записывается «граф Честерский». Кто был этот Вжостек, я не знаю, но из показаний Миши Тямина видно, что цель его поездки на Украину была: «найти средства и людей для работы». Какова была «работа» и почему средства надлежало искать именно на Украине (т. е. в Гуляй-Поле?), об этом Тямин ничего не говорит. Вжостек на юге застрял. За ним на поиски туда выехал Казимир Ковалевич, главный организатор взрыва в Леонтьевском переулке.

Лацис в речи, произнесенной в Москве 25 сентября 1924 года (пятилетняя годовщина взрыва), прямо говорит, что Ковалевич получил от Махно задание уничтожить в Москве «штаб большевиков». Такой вывод и в самом деле можно сделать из показаний некоторых участников дела, особенно Тямина и Барановского. Думаю, однако, что прямого и твердого задания не было. Махно, человек бешеный и отходчивый [2], не способен был к далеко рассчитанным точным планам. Он ненавидел большевиков, знал, какая опасность грозит ему от них, и, думаю, неопределенно мечтал о верховной власти. Ему понадобилось иметь в Москве «своих людей» — людей, готовых по разным побуждениям на все. Таким человеком был Казимир Ковалевич. Вероятно, батько оказал красковцам денежную поддержку. Могла быть и общая террористическая директива. Следовал ли ей Ковалевич, подчинялся ли он Махно или просто брал деньги, оружие там, где их можно было получить,— для суждения об этом у меня данных нет. Некоторые из заговорщиков, во всяком случае, ничего общего с Махно не имели.

Кого именно Ковалевич решил убить? В найденной у него записной книжке, если верить Лацису, на первом месте стояли Дзержинский и он, Лацис. Ленин занимал будто бы лишь четвертое место. Руководителям ЧК, конечно, было и приятно, и выгодно подчеркивать свое государственное значение. Может быть, Ковалевич и в самом деле хотел начать с Дзержинского. Но он был не

[1] Правильнее бывший анархист: г. Аршинов не так давно перешел к большевикам, вернулся в СССР и напечатал в советских газетах покаянное письмо установленного образца. Я слышал, что оно произвело ужасное впечатление на умиравшего тогда в Париже Махно. Батько искренно ненавидел большевиков и до последнего часа твердо верил в свою идею «вольных Советов».

[2] Наряду с припадками дикого гнева у него бывали и совершенно иные минуты. В одну из таких минут он говорил г. Волину: «Какой я анархист! Ведь на мне кровь!..»

один. «Высказывалось несколько мнений по этому поводу,— показывает Черепанов.— Предлагалось бросить бомбу в Чрезвычайную комиссию, но это предложение было отклонено по следующим соображениям: чрезвычайка и сам гражданин Феликс Эдмундович Дзержинский являются только орудием, слугами партии, и следовательно, во всей политике ответственной является не чрезвычайка, а партия». Это мнение восторжествовало. Соболев готовил взрыв Кремля. 25 сентября было принято решение начать с дела в Леонтьевском переулке.

V

«АНАРХИСТЫ ПОДПОЛЬЯ»

Главные участники дела в Леонтьевском переулке, за исключением Черепанова, арестованы не были: все они погибли. Но второстепенных членов организации большевикам удалось схватить. Допрашивал их председатель Московского ЧК Манцев (в «Красной книге ВЧК» допросы деликатно называются «беседами»). Показания по степени откровенности были разные. Среди арестованных оказались предатели, как Розанов, который выдавал всех, кого только мог,— с ним у Манцева было семь «бесед».

Были и полупредатели, как Миша Тямин, человек довольно своеобразный. В «Красной книге» напечатана краткая его «характеристика», составленная неизвестно кем, по-видимому, по его данным (она очень напоминает по слогу собственные его показания). «Убеждения его,— сказано в характеристике,— чисто толстовского свойства, но индивидуального. За все время своего существования он ни разу не держал револьвера в руках и не знал, как с ним обращаться. Вообще у него осталось нечто отцовское, который был толстовцем и за все время своего 49-летнего существования ни разу не мог зарезать курицу, боялся крови и предоставлял это занятие матери. Этим, пожалуй, все сказано о нем, и чуткие люди, мне кажется, вполне удовлетворятся этой характеристикой и не будут копаться в его душе и искать каких-либо дополнений всего характера или каких-либо отношений к организации, с которой он положительно ничего общего не имел. Копание в его душе ему доставит только страдания и неприятность, а человеку, решившемуся на это копание, ничего не даст».

Толстовец он был, действительно, очень «индивидуальный». В одной из поданных им покаянных записок он сообщает Манцеву, что «во время своих молодых безудержных порывов», участвуя в борьбе против добровольцев, «одно время работал с Антоновым в полевой контрразведке». Из этого позволительно сделать вывод, что, быть может, характеристика Тямина и не совсем точна: револьвер в руках иногда держал и курицу зарезать мог. Надо думать, что так смотрели на дело и «чуткие люди», то есть чекисты. От «копания в его душе» они упорно не хотели отказаться. По-видимому, несчастный Тямин был совершенно измучен допросами; его показания — документ, интересный во многих отношениях. «Тов. Манцев,— пишет он,— обидно, когда приходится быть одураченным, когда на тебя смотрят, как на дойную корову, которую под каким-то страхом думают использовать, выдоить у тебя необходимые им сведения». Манцев («вы чуткий человек»,— говорит Тямин), действительно, выдоил из него многое, зато и заплатил ему честно. Одно из анонимных показаний в деле, почти наверное принадлежащее Тямину, заканчивается словами: «А мне дайте какую-либо работу при своем учреждении. Или кончайте, меньше агонии». Не знаю, получил ли столь индивидуальный толстовец работу при учреждении Манцева, но в списке расстрелянных по делу о взрыве его имени нет. Нет там и Розанова.

Их показания, другие «беседы» Чрезвычайной комиссии, воспоминания Лациса и статьи, помещенные 16 лет тому назад в «Известиях», дают возможность представить себе общую картину дела.

Летом 1919 года, частью при поддержке Махно, частью независимо от него, в Москве была создана террористическая группа, именовавшаяся «анархистами подполья». Руководили ею Петр Соболев и Казимир Ковалевич, причем действовали они сообща с группой левых с.-ров, во главе которой стоял Донат Черепанов. Я говорил уже об этих людях. Плохо их понимаю и определять не решаюсь. Под сомнением остается «идейность» некоторых из них, вне сомнения — общая их храбрость. Цель их, очевидно, заключалась в прямом действии против большевиков — по завету Петра: «Не словами, а руками с злодеями поступати». Не так уж отличались от злодеев и они сами, но это были во всяком случае бескорыстные злодеи,— какая уж была выгода взрывать особняк в Леонтьевском переулке! Из-за них (из-за них — косвенно), как увидит читатель, погибли сотни ни в чем не повинных людей, в том числе люди, известные всей России. Но в этом вождей «анархистов подполья» винить трудно, погибли и они сами. За свою идею? Не знаю. У Соболева какая-то идея была, и верил он в нее твердо. Странностью же идеи, как равно и плоскостью ее, в наше время никого удивить нельзя,— верно говорит Куртелин: «Nous vivons á une époque d'oû le bon sens a cavalé au point que M. de la Palisse y passerait pour un énerguméne»[3].

Для дела нужны были деньги. По-видимому, часть их дал Махно. Другая часть была добыта посредством грабежа. В августе 1919 года «анархисты подполья» под общим руководством Петра Соболева производят несколько удачных экспроприаций в большевистских учреждениях: 12-го числа похищается 52 501 р. в отделении Народного банка на Долгоруковской улице; 18-го — 803 197 р. в другом отделении того же банка на Большой Дмитровке; 29-го — 3 480 000 руб. на Патронном заводе в Туле[4]. У анархистов появляются немалые средства. Они обзаводятся «явками»: кофейней Тани и Мины у памятника Гоголю, конспиративной квартирой на Арбате (дом № 30, кв. № 58). На даче в Краскове у них оборудованы типографии и лаборатория взрывчатых веществ. Есть в достаточном количестве фальшивые паспорта, бланки, печати и т. д.

Главная цель заключалась в том, чтобы взорвать Кремль. Она стала у Петра Соболева навязчивой идеей. Он «заводит знакомства (?) в Кремле, запасается туда пропусками и снаряжает ряд экспедиций за динамитом. Кроме этого, Петр Соболев собирает сведения о часах приема многих ответственных советских работников, записывает их в порядке в своей записной книжке, в ней же он записывает тщательно часы партийных и советских собраний, предполагая поставить целый ряд террористических покушений»,— говорит отчет МЧК, напечатанный в «Известиях» в 1919 году. Через пять лет Лацис в своих воспоминаниях добавил: «Ими намечается взрыв Кремля, а в случае неудачи предполагается взрыв на Красной площади, во время Октябрьской годовщины. С этой целью Соболев осматривает Кремль, осматривает водосточные трубы, чтобы выяснить, нельзя ли пролезть по ним и взорвать Кремль». Энергия и конспиративная находчивость этого человека достойны удивления. Он точно распоряжается в Кремле, как у себя дома. Ни до него, ни после него, насколько мне известно, ничто подобное никому не удавалось. Большевистской верхушке в те дни грозила очень серьезная опасность.

Весь план был внезапно изменен 25 сентября. В этот день в московских газетах появилось сообщение, что вечером в Леонтьевском переулке состоится совещание виднейших членов большевистской партии. Если помнит читатель, особняк графини Уваровой до убийства графа Мирбаха состоял в распоряжении левых с.-ров. Черепанов отлично его знал. Ему было известно, что зал особняка сообщается с выходящим в сад балконом. Мгновенно у Черепанова создается новый план: дом в Леонтьевском переулке взорвать гораздо легче, чем Кремль, а результат может быть тот же. Соболев соглашается с Черепановым. Взрыв в Леонтьевском переулке был организован в несколько часов,— случай, кажется, небывалый в истории террора.

С Красковской дачи на конспиративную квартиру немедленно доставили снаряд: «бомба была начинена динамитом и нитроглицерином, оболочка деревянная, не круглая, как бы футляр дамской шляпы, весила 1 пуд — 1 пуд 15 фунт.»[5]. Тотчас составляется боевой отряд: Соболев, Черепанов, Барановский, Глагзон, Гречанинов, Николаев. Взяв метательный снаряд, они отправились в Чернышевский переулок,— туда выходил сад особняка графини Уваровой. Заранее было решено, что в сад проникнут только двое: Соболев и Барановский. Остальные «гуляли» поблизости от дома. «Я перелез через ограду в Чернышевском переулке. Соболев передал мне бомбу на ограду. Я бомбу положил на землю внутри ограды, затем влез опять на ограду и помог Соболеву перелезть, в свою очередь. Затем мы вместе с ним подошли к дому; Петр попробовал, удобно ли влезть по лестнице на балкончик; влезая туда, осмотрел место, потом слез. Вместе с ним мы подошли к лежащей у ограды бомбе, он зажег шнуровую зажигалку, обыкновенно употребляемую для раскуривания, положил ее в карман, бомбу взял под мышку и влез опять на балкончик, зажег зажигалкой бикфордов шнур бомбы и бросил ее в окно»[6].

Остальное известно читателям настоящего очерка. Трудно понять, как все это могло пройти незамеченным в девятом часу вечера, в центре Москвы, у ограды дома, где находились важнейшие сановники большевистской партии. Под адский грохот взрыва прохожие, вероятно, разбегались. Террористы, как ни в чем не бывало, шли домой, в Дегтярный переулок. Вдруг Барановский почувствовал себя очень плохо, но не от волнения: у него начинался сыпной тиф. «На Тверской улице я впал в полуобморочное состояние, и Петр под руку вел меня всю дорогу до дома...»

Как было раскрыто дело, выполненное с таким необычайным хладнокровием этой странной кучкой страшных людей?

Помогла большевикам случайность. Анархисты во всем мире всегда делились и делятся на «толки», имеющие, в сущности, очень мало общего между собой, но как-то все-таки связанные единством фирмы. 2 октября около Брянска в поезде была случайно задержана анархистка Софья Каплун, не имевшая к взрыву ни малейшего отношения. При ней нашли письмо другого анархиста, Барона, из группы «Набат». Группа «Набат» к группе «анархистов подполья» относилась насмешливо-отрицательно и дел с ней не вела. Но в порядке и в тоне партийной сплетни Барон сообщал Софье Каплун сенсационную московскую новость: взорвали особняк в Леонтьевском переулке: «Дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человечек, мнящий себя новым Наполеоном»[7].

Чрезвычайную комиссию так и осенило: думала, монархисты,— оказалось, анархисты! Об анархистах у нее кое-какой материал был: имена, адреса, фотографии, вероятно, и сексоты. Все было пущено в ход. Скоро удалось напасть на след одной из конспиративных квартир. «Был произведен внезапный обыск, и оставлена в квартире засада, между которой и пришедшим на эту квартиру неизвестным произошла перестрелка, во время которой неизвестный был убит, а один из наших комиссаров был им ранен... Неизвестным также была брошена бомба, к счастью, не разорвавшаяся...» По фотографии чекистам удалось установить, что убитый — «неизвестный некто Казимир Ковалевич».

По-видимому, при Ковалевиче было найдено немало адресов. Теперь ликвидация группы пошла быстро. «По этим данным были произведены аресты боевиков, причем почти ни один из них не сдавался без сопротивления, имея при себе и бомбы, и по несколько револьверов. В это время был убит один из виднейших организаторов анархистов подполья, Петр Соболев, непосредственный участник взрыва Московского комитета... тот, который бросил бомбу. Убит он был в перестрелке с двумя комиссарами М.Ч.К., во время которой один комиссар был им ранен тремя пулями в грудь. При убитом найдены три револьвера... Петром Соболевым во время перестрелки была брошена бомба, которая не взорвалась (бомба случайно попала в портфель товарища комиссара, который зажал ее там). Имевшимся у него в руке другим револьвером он застрелил Петра Соболева»[8].

VI

КОНЕЦ ДАЧИ

К сожалению, советская печать не сообщила, когда именно был убит Петр Соболев. По всей вероятности, это случилось в первых числах ноября 1919 года. Казимир Ковалевич погиб в конце октября; через несколько дней была раскрыта вторая конспиративная квартира «анархистов подполья», а за день до годовщины большевистского переворота, то есть около 6 ноября, Чрезвычайной комиссии стало известно о том, что у этой анархистской группы был главный штаб, с типографией и с лабораторией взрывчатых веществ, под Москвой,— на даче в Краскове.

Узнали об этом чекисты от «толстовца» Миши Тямина, который был арестован 3 ноября в засаде на второй конспиративной квартире (Большая Александровская, 22). Выдавать он стал сразу, но наиболее существенные сведения сообщил Манцеву в дополнительном показании, вероятно, дня через два после ареста:

«Дополнительно показываю: в 1 Троицком переулке, в доме № 5, во дворе, 1-ый этаж, живет Шурка-боевик. Кроме него, может еще быть Дядя Ваня. Брать надо осторожно, ибо возможно вооруженное сопротивление. Затем в доме Бахрушина, на Тверской улице, ход с переулка, часто собираются анархи-

[3] «Мы живем в безумное время, когда г-н де ла Палисс легко мог бы сойти за одержимого» *(франц.)*.

[4] «Известия», 1 января 1920 года.

[5] Показания Барановского.

[6] Показания Барановского.

[7] «Известия», 28 декабря 1919 года.— Мы можем только догадываться, кто именно мнил себя Наполеоном. Едва ли Черепанов, да он и не был анархистом. Быть может, Ковалевич, но скорее Соболев.

[8] «Известия», 28 декабря 1919 года.

сты подполья. Там живет боевик Сашка под фамилией Розанов. К нему могут зайти и Барановский, и Соболев [9]. Типография, а может быть, и адские машины, находится на даче в Краскове по Казанской ж. д. Эту дачу дал подпольникам некто Педевич, служащий Продпути (у Ильинских ворот)».

Этих сведений чекистам было, конечно, вполне достаточно. Для захвата главного гнезда анархистов подполья была тотчас снаряжена экспедиция. Остальное передаю словами напечатанного в «Известиях» отчета:

«За день до годовщины (октябрьской революции.— **М. А.**), М.Ч.К. установила, что анархистами подполья была месяц-полтора-два тому назад снята дача в дачном поселке Красково, верстах в 25-ти от Москвы. Немедленно туда был послан отряд в 30 человек, который рано утром оцепил дачу Горина. Бывшие в ней анархисты (шесть человек) встретили прибывших залпами из револьверов и ручными гранатами. Ими было брошено больше десяти бомб. Перестрелка продолжалась около 2½ часов. Затем анархисты зажгли адскую машину и взорвали дачу. Сила взрыва была громадна, дача целиком была поднята на воздух, затем она загорелась, и почти во все время пожара (часа 4) происходили взрывы взрывчатых материалов, находившихся на даче, поэтому мер по тушению пожара принять было невозможно. На месте пожарища были обнаружены трупы, остатки типографского станка (вал, рама и пр.), две невзорвавшиеся адские машины (жестяные бидоны, наполненные пироксилином), оболочки бомб, револьверы и пр. Типография и лаборатория бомб анархистов подполья были здесь уничтожены. Московский пролетариат мог спокойно праздновать Октябрьскую годовщину» [10].

Дача взлетела на воздух. Ее жильцы умерли как должно. Конец анархистов подполья, среди которых были две женщины, безвестные девицы Таня и Мина, выигрывает от сравнения с неизменными бойнями в подвалах ГПУ. Быть может, где-либо в СССР,— в тюрьме, в ссылке, на принудительных работах,— еще влачат существование люди, бывавшие на этой страшной даче. Очень мне жаль, что я никого из них не знал и не узнаю. Как слагался быт их непонятной жизни? Как проходил их день в этих стенах, окруженных густым сосновым лесом,— между динамитной лабораторией и спальной тифозного больного? Какие отношения складывались между ними? Среди этих бескорыстных грабителей и гуманно настроенных убийц были самые разные люди,— разные по образованию, по прошлому, по происхождению, по вере. Что могло их объединять, кроме общей ненависти к власти, да еще, вероятно, страстного желания жить не как другие, а по-своему,— согласно с девизом владельцев средневекового замка: «Qui veut peut» [11]. Все осложнялось книгами Кропоткина, необычным вариантом «славянской души», не знаю, чем еще. В другой обстановке из таких людей выходят Энверы или Равальяки. Для людей этого рода безработица еще не наступила в мире; избытка же их опасаться не приходится.

После взрыва в Леонтьевском переулке один из старых большевиков сказал М. Покровскому: «Бомба это эсеровская, вся техника их,— это несомненно».— «Помилуйте,— ответил большевистский историк,— при чем здесь эсеры? Мы казнили белогвардейцев, и они нам мстят, и даже непонятно, почему только одно покушение было». Советская власть, действительно, в ту

[9] **Отсюда как будто следует, что Соболев еще был жив около 5 ноября. Но возможно и то, что чекисты не сочли нужным сообщить Тямину об убийстве главы организации.**

[10] **«Известия», 28 декабря 1919 года.**

[11] **«Кто хочет, может» *(франц.).***

пору все приписывала «белогвардейцам» и, в частности, монархистам. В газетах сообщалось даже, что генерал Деникин выдвигает свою кандидатуру на престол [12].

Общий приказ по печати был в те дни: «Смотри весело». Мясников писал в «Известиях»: «Уже занимается заря новых побед красных чудо-богатырей на полях приветливого юга и под стенами красного Питера» [13]. Печати велено было утверждать, что западные страны находятся накануне социальной революции. Ленин уверял, что в Англии не сегодня-завтра установится советская власть. По мнению большевистских предсказателей, кончалась и «Лига убийц» — так в московской печати неизменно тогда именовалась Лига Наций (не в обиду будь сказано члену совета Лиги Литвинову и помощнику генерального секретаря Розенбургу). В статье, озаглавленной «Распад Лиги убийц», А. Гойхбарг писал: «Лига Наций испустила дыхание еще до своего рождения» [14].

В действительности настроение советской власти было в те дни менее радостным, чем ее тон. Заря побед красных чудо-богатырей отнюдь еще не занималась: дела на полях приветливого юга шли не слишком хорошо. Лига убийц тоже, как нарочно, не издыхала: напротив, она тогда переживала период бодрой, оптимистической юности. Но дело было не столько в самой Лиге, сколько в державах, ею управляющих. Клемансо, кости которого теперь, после занятия немцами разоруженной области, верно, ворочаются в могиле, тогда полновластно распоряжался судьбами континентальной Европы. На него обычно все и взваливали в Москве, сжигая его чучело при каждом удобном случае.

Повторяю, я допускаю возможность, что советское правительство и в самом деле считало «белогвардейцев» виновниками взрыва в Леонтьевском переулке. Некоторые подозрения об анархистах подполья могли быть и, наверное, были уже на следующий день после взрыва, задолго до ареста Софии Каплун. Но эта версия была, вдобавок, так неудобна: кого же можно было убедить в том, что Шурка-боевик с «Дядей Ваней» — агенты Клемансо и Антанты! С белогвардейцами все выходило гораздо правдоподобнее и глаже; можно было сразу очистить все тюрьмы. Во всяком случае дело немедленно, без малейшего расследования, было взвалено на белогвардейцев и кадетов,— я цитировал в первой статье настоящего очерка речи и статьи Троцкого. Бухарина и других большевиков.

Тюрьмы в те дни были совершенно переполнены (в одной Бутырской тюрьме находилось свыше трех тысяч заключенных). Были тут министры старого строя, как Макаров и Самарин, и были члены социалистических партий; были Долгорукие, Нарышкины, Бобринские, и были крестьяне, рабочие, лавочники; были кадетские общественные деятели, считавшиеся украшением интеллигентской Москвы [15], и была целая камера «бандитов-венериков». В вышедшем в 1922 году в Берлине эсеровском сборнике «Че-ка» помещены воспоминания Надеждина «Год в Бутырской тюрьме». Вот что рассказывает автор, лично это переживший,

[12] **Демьян Бедный написал об этом стишки: «Не гляди, король, героем,— Двойкой мы тебя покроем.— Наш удар то наверной,— Бьем мы двойкой козырной.— Ленин с Троцким наша двойка,— Вот попробуй-ка, покрой-ка! — Где ж твоя, Деникин, прыть? — Нашей двойки нечем крыть».**

[13] **«Известия», 19 октября 1919 г.**

[14] **«Известия», 1 октября 1919 г.**

[15] **В конце августа 1919 года по делу Национального центра были арестованы Н. Н. Щепкин, Астровы, Алферовы, А. Волков, Штейнингер, Черносвитов, Огородников и др. Все они были расстреляны в сентябре; но дата их расстрела, 28-е, вызывает у меня некоторые сомнения, на которых здесь не останавливаюсь.**

о дне взрыва в Леонтьевском переулке:

«Был тихий вечер, тюрьма жила, сосредоточенно притаившись, как всегда по вечерам. Раздался какой-то взрыв, большинство не придало этому значения, некоторые все же насторожились, чересчур необычно знаком был гул. Не прошло и получаса, как раздалась бешеная команда по коридорам: «Запирай все двери, никого никуда не выпускай!» Щелканье затворов, полные коридоры вооруженных солдат, через окно видно, как во двор вытягивают пулеметы. Началась расправа, и расправа жестокая, в ту же ночь».

По рассказу коменданта М.Ч.К. Захарова, прямо с места взрыва приехал в М.Ч.К. бледный, как полотно, взволнованный Дзержинский и отдал приказ: расстреливать по спискам всех кадет, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях... Из Бутырок 26 сентября утром, часов в 12, была выведена первая партия и отвезена в Петровский парк, где и расстреляна; подвалы Ч.К., где обыкновенно расстреливают, были, по-видимому, заняты своей «работой», и для бутырцев не хватало места. В эту первую партию попали Макаров, Долгорукий, Грессер и Татищев. Макаров до конца сохранил свою твердость. На роковые — «по городу с вещами» — спокойно ответил: «Я давно готов». Медленно, методично сложил свои вещи, отделил все получше для пересылки голодавшей в Петербурге семье, стал прощаться с буквально подавленной его мужеством камерой. Соседи уговорили его написать прощальное письмо домой. У многих стояли слезы на глазах, даже ожесточенные и грубые чекисты не торопили его, как обычно, и, молча потупившись, стояли у дверей. Макаров присел к столу, все так же сосредоточенный и ушедший в глубь себя. Заключительные строки его записки были следующие: «За мной пришли, вероятно, на расстрел, иду спокойно, мучительно думать о вас; да хранит вас Господь! Ваш несчастный папа». Видя подавленность и слезы кругом, он попробовал даже пошутить. Обратившись к случайно находившемуся в камере с.-ру, предложил ему хоть перед смертью выкурить с ним трубку мира. Затем, завернувшись в одеяло (шубу отослал жене), с худшей трубкой в зубах (лучшую тоже отослал), тихо и чинно попрощавшись с соседями, прямой, суровый, спокойный, мерными шагами вышел в коридор...» [16]

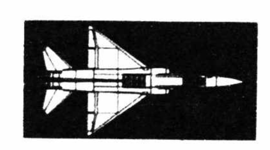
Такое же мужество проявили многие (далеко не все) другие расстрелянные в тот день люди — как правые, так и левые. Некоторые из них и в той ужасной обстановке сохранили веру в себя, в свое прошлое и в свои идеи. Так и должно быть, но так не всегда бывает; так бывает даже очень редко,— «C'est la nuit qu'il est beau de croire á la lumiére...» [17]

Массовые расстрелы происходили в ВЧК, занимавшей на Большой Лубянке №№ 2 и 11, и в МЧК, помещавшейся в № 14 по той же улице, в историческом доме графа Ростопчина, где происходит в «Войне и мире» знаменитая сцена убийства Верещагина. Всего в результате взрыва в Леонтьевском переулке было расстреляно несколько сот человек,— точно никто не считал.

Потом оказалось, что все это досадное недоразумение: особняк в Леонтьевском переулке взорвали не правые и не кадеты, а анархисты. Наиболее корректные из большевиков выражали даже некоторое сожаление: что ж делать, ошибка, погорячились...

[16] **Я слышал, что воспоминания эти принадлежат весьма видному социалисту-революционеру, члену центрального комитета партии. В тюрьме он очень сблизился с бывшим министром старого строя; А. А. Макаров перед смертью подарил ему книгу, которую читал в свой последний день.**

[17] **«Эта ночь, когда так хорошо верить в светлое...» *(франц.).***

БЕСОВЕЦ

Начало на стр. 9.

полка (расправа над ним совершилась вскоре) получил приказ отобрать летчиков для нового перегона самолетов — в Новосибирск.

— Нет,— вдруг сказал гвардии подполковник Иванов.— Ни один летчик завтра не пойдет. Дайте очухаться.

P. S. В июне в Н. перед въездом в авиачасть (дислоцирующуюся при аэродроме совместного базирования) были в кратчайший срок — за полтора часа — установлены будка КПП и шлагбаум. О целях спешного строительства мне рассказал офицер, руководивший работами: следовало воспрепятствовать проникновению корреспондента на территорию части. И хотя накануне, с разрешения командира полка, я увидела и технику в сугробах, и машины с разобранными двигателями под открытым небом (кто-то, что видит всякий взлетающий на самолете Аэрофлота), я с удовольствием и уважением описываю шлагбаум как старое и грозное оружие.

Как страшную ржавую музейную сабельку.

Через три дня неопознанный самолет произвел бомбометание над нашим кишлаком Наматгути-Поем и скрылся. Система ПВО — зенитно-ракетные войска и авиация — его не остановили.

А знаете, какие у нас есть самолеты! Шедевры! Аналогов в мире нет! А летчики!..

Гвардейские значки солдаты в полку покупают за бутылку водки.

Еще один постскриптум. Я побывала в Бесовце. Гарнизонные постройки в ужасном состоянии: помещения ограблены, стены ободраны. Банька, построенная руками командира Весельницкого, наполовину разобрана и так брошена. Ощущение разгрома полное. Картину дополняют два полусожженных истребителя: похоже, что их потребовалось срочно убрать, когда перелет уже совершился. Тогда — облили керосином. Это были исправные самолеты. У всего вид катастрофы. Разграбление гарнизона продолжается. Дополнительно к рассказанному могу привести свидетельство летчика о моральном состоянии при перелете: «Люди были настолько издерганны, что их просто нельзя было подпускать к самолетам. Я не знаю, как никто не убился»...

Прочитав текст и сделав некоторые поправки в терминах, гвардии подполковник Иванов счел необходимым завершить ГИМН АВИАЦИИ следующей запиской: «Я считаю, что отдал авиации весь цвет жизни, был фанатиком своей работы и сейчас не боюсь своей сентиментальности... Нас воспитывали в беспрекословном повиновении. Тот, кто быстрее и лучше выполнит приказ, считался лучшим. Прозрение наступает постепенно, в зависимости от воспитания. Я не боялся конфликтовать и поступал по совести и никогда не «хлопал по голенищу». Но мы все — рабы жесткой системы. Соковыжимание — это норма. Позволю себе сравнение: корпус президентской машины — высшие структуры министерства обороны. А камера сгорания и поршневая группа — это войсковики. Так где же почва для создания воинской семьи?

Сила армии — в нас, войсковых офицерах. Но не в штабах».

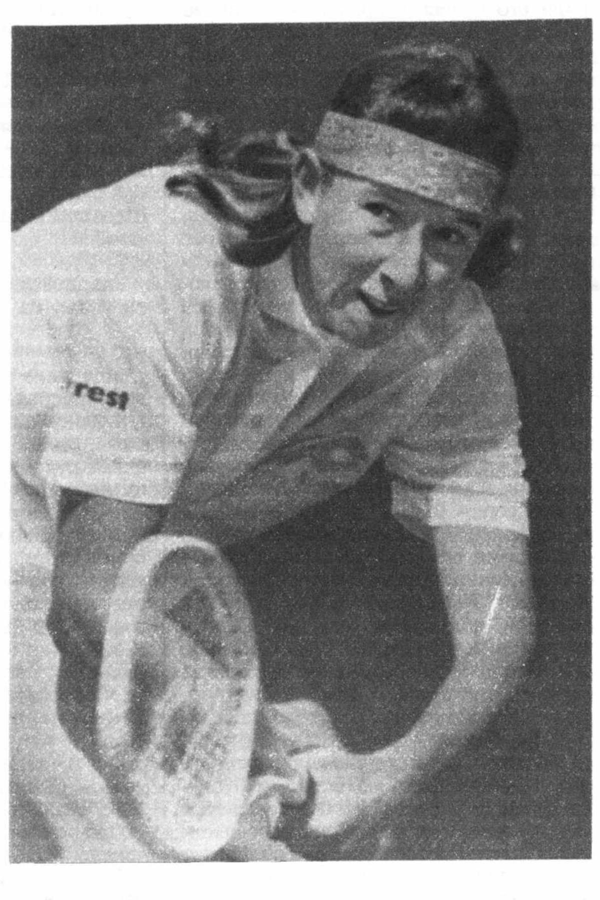
НОВЫЙ АГАССИ НА СТАРОМ УИМБЛДОНЕ

Специальный корреспондент «Огонька» Наталья БЫКАНОВА ведет репортаж с Уимблдонского турнира.

Все познается в сравнении, и главное теннисное событие года — Уимблдонский турнир — тоже. Если абстрагироваться от молочника, развозящего в 8 утра цветные пакетики по славным кирпичным домам вдоль Чёрч Роуд, то полукилометровый хвост за билетами на Уимблдон вполне сравним с отечественной очередью на распродажу. Те же загодя приготовленные термосы с горячим кофе, бутерброды, газетки, аккуратно постеленные на асфальт; бабушки со спицами, коротающие время в принесенных из дому раскладных стульях; мужики, ругающие правительство, и молодежь, которая активно фотографируется, братается и тусуется.

В среднем около 30 000 зрителей ежедневно посещает Уимблдон. Билеты довольно дороги, от 4 фунтов за вход до 40 за место на трибуне центрального корта, вместимость которого 13 107 мест. Очень немногие «очередники» попадают на главную теннисную площадку, билеты в основном расходятся по абонементам, теннисным клубам, почетным гостям и... дельцам черного рынка, которых здесь не меньше, чем у входа в Большой театр. Не хуже наших фарцовщиков они сливаются с толпой, умудряясь сбывать товар под носом у полицейских. Но для черного рынка наступили сейчас трудные времена: организаторы турнира изобрели новую систему контроля, удвоили охрану и стали так пристально вглядываться в предъявляемые документы, что в первый же день не пропустили на территорию стадиона третью ракетку мира, любимицу публики Габриэлу Сабатини. Габи забыла свой пропуск, и прошло несколько минут, прежде чем «секьюрити» удостоверила личность аргентинки.

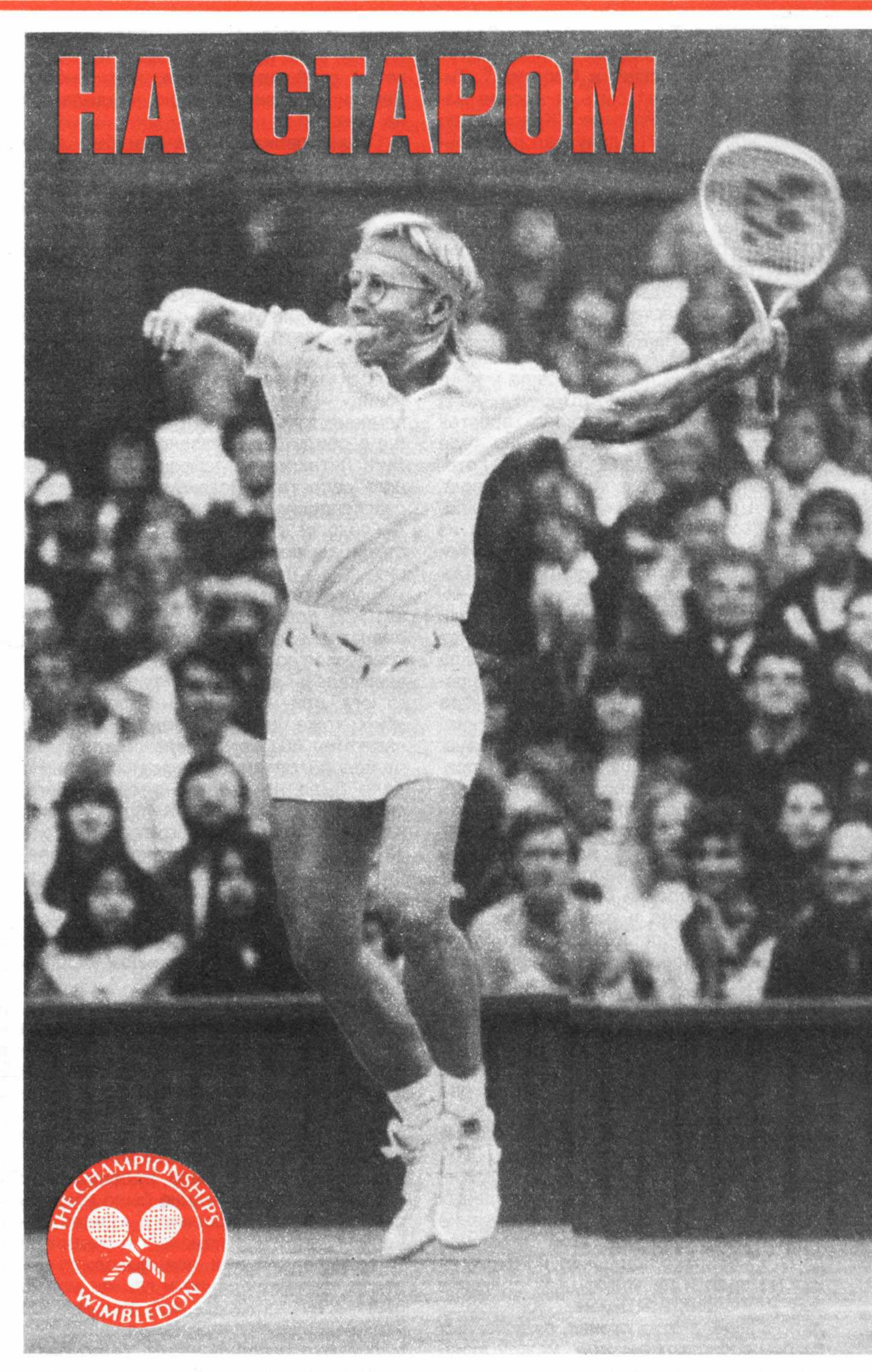
Когда дело касается установленного порядка, с англичанами трудно спорить. Даже со знаменитостей спрашивают по всей строгости и исключений не делают. Стоило Иону Цириаку, постоянному менеджеру трехкратного чемпиона Уимблдона Бориса Беккера, подсесть на свободное место поболтать с другом, как офицер охраны очень вежливо, но настойчиво указал ему на специальную ложу для самых близких «звездам» людей.

Иван Лендл, Наталья Зверева, Мартина Навратилова... Одни знаменитости. И удастся ли им удержаться на вершине в столь напряженной, но увлекательной игре? Скоро увидим. Борьба за титул продолжается.

Из-за дождя стартовый круг играли с понедельника до пятницы. Главный судья Уимблдона, Алан Милс, тем не менее был полон оптимизма. «Я помню времена похуже,— успокаивал всех Алан,— но даже если из-за дождя мы не уложимся в отведенные на турнир две недели, у нас есть официальное право держать игроков на Уимблдоне до тех пор, пока не определится чемпион».

Тем временем теннисисты в ожидании матчей томились в раздевалках и комнатах отдыха. «Я должен был приезжать на стадион к 10.30 ежедневно,— делился впечатлениями первых дней Стефан Эдберг, первая ракетка мира,— чтобы немного размяться в зале. После тренировки нужно было что-то есть, но с понедельника до четверга я по-настоящему не обедал. В любой момент дождь мог кончиться, а на полный желудок играется плохо. Поэтому я только перекусывал бутербродами, бананами и фруктами. Потом ложился отдохнуть минут на сорок, потом объявляли начало матча, потом снова дождь».

Агасси, недавний финалист открытого чемпионата Франции, вышел на корт только в четверг (27.06). Именно его появления теннисные фанаты и журналисты ждали с особым нетерпением. Последние три года Андрэ бойкотировал Уимблдон из-за строгих правил, не разрешающих теннисистам выходить на корт в любой другой одежде, кроме белой. Агасси предпочитает костюмы прямо противоположные.

На нынешнем Уимблдоне глазам потрясенных зрителей предстал совершенно новый Андрэ — в белоснежном костюме, на котором не было ни единого темного пятна, за исключением маленькой наклейки фирмы «НАЙК». По свидетельству представителя фирмы, теннисист очень долго выбирал, что ему надеть. Когда после игры я спросила, не смена ли это своего имиджа на новый, более романтический, Андрэ ответил, что новый наряд — просто дань уважения Уимблдонским традициям, на остальных турнирах он будет играть в чем обычно. «Я никогда не получал от тенниса такого удовольствия, как на этом турнире,— признался недавний сотрясатель устоев,— наслаждаюсь буквально всем: традициями, травяным покрытием, нестандартными ситуациями, возникающими из-за дождя. Уимблдон — это просто здорово. Если я проиграю, буду искать билет, чтобы участвовать в этом празднике хотя бы как зритель».

Зрителем сидит на трибуне пока только тренер Агасси, Ник Боллиттьери. Он сам вызывает не менее противоречивые оценки, чем его любимый ученик. Достаточно сказать, что все его знаменитые воспитанники, включая первую теннисистку мира Монику Селеш и победителя чемпионата Франции 1991 года Джима Кариера, после разрыва с учителем не скупятся на нелестные заявления в его адрес. Моника так прямо сказала: «К моим победам Ник не имеет никакого отношения. Это заслуга моя лично и моего папы». Хорошо, должно быть, папа, бывший художник-мультипликатор, разобрался в теннисе, если дочь стала лучшей в мире.

Боллиттьери довольно болезненно реагирует на подобные заявления Моники. Что ни говори, именно он перевез из Югославии в США все семейство Селеш и оплачивал их расходы, пока Моника не стала зарабатывать хорошие деньги. Свои переживания тренер прячет за темными очками, которые меняет каждый день.

Глядя на экстравагантный дуэт Агасси — Боллиттьери, действительно трудно представить в их компании Монику Селеш. «Хочу быть похожей на прин-

цессу Диану,— заявила незадолго до начала Уимблдона семнадцатилетняя «звезда».— Хочу быть женщиной-загадкой и вернуть в теннисную одежду высокий стиль».

За смену прически по модели американской фирмы «Матрикс Эссеншиэл» Моника получила от нее 250 000 долларов. Еще более известная фирма «Шанель» готовит Монику к роли супермодели. Теннисная прима сходит с ума от нарядов, а дизайнеры сходят с ума от нее.

Потеряли покой и организаторы турнира, когда впервые за 114-летнюю историю Уимблдона первый сеянный игрок Моника Селеш снялась с состязаний уже после итоговой жеребьевки. Объявленная причина — травма колена — прозвучала очень неубедительно. «Это любопытно»,— скептически заметила двукратная чемпионка Уимблдона Штеффи Граф. Скорее всего югославке придется платить 6000 долларов за самоуправство. Но для человека, заработавшего почти миллион только за последние полгода, это небольшая потеря. Призовые, которые она могла бы заработать здесь за удачное выступление, с лихвой перекроют вознаграждение за показательные матчи. Их-то, как говорят, в погоне за длинным долларом Селеш и предпочла Уимблдону.

Конечно, кому-то, может быть, мало 216 000 фунтов за первое место, а кому-то и 90 фунтов командировочных в день не помешают. Плюс бесплатное питание для участников. Жить в Лондоне — дорогое удовольствие. Даже если снимать в складчину частную квартиру, что гораздо дешевле отеля, получается не меньше 30 фунтов в день на человека. Этот путь избрали многие наши теннисисты. Прибавьте очень дорогое метро — 80 пенсов за две остановки. Причем поезда можно ждать и по полчаса. Позвонить по телефону стоит 60 пенсов в минуту. Поэтому даже сами англичане предпочитают проводить отпуск подальше от родной страны, где-нибудь в Испании на морском побережье, что почти в два раза дешевле.

Для теннисистов подобная дороговизна — хороший стимул играть лучше и соответственно получать больше, хотя даже проигравший в первом круге участник получает призовые от 1610 в женском парном разряде до 3600 фунтов в мужском одиночном. Шестнадцать первых сеянных участников и две сеянные пары пользуются на Уимблдоне особыми благами. Им отведены две раздевалки — мужская и женская, где «звезд» бесплатно обстригывают, оглаживают, обшивают, кормят экзотическими фруктами и вытирают самыми дорогими полотенцами. В число этих избранных попали и наши Андрей Черкасов, Наталья Зверева и Лариса Савченко. «Нигде больше,— заметила Лариса,— нет такого внимания к игроку, как на Уимблдоне. Даже на корт теннисиста сопровождает почетный караул».

Про публику и говорить нечего. Особенно тепло на этот раз она встречает ветеранов — тридцативосьмилетнего Джимми Коннорса, двукратного чемпиона Уимблдона, и тридцатичетырехлетнюю Мартину Навратилову, владевшую этим титулом 9 раз. После победы во втором круге Мартина начала отсчет второй сотни выигранных на Уимблдоне одиночных встреч. Это исторический рекорд как для женщин, так и для мужчин.

Джимми тоже отпраздновал во втором круге свою сотню — такое количество одиночных встреч он провел на Уимблдоне за 19 лет своего участия в нем.

Самую большую сенсацию первой недели турнира произвел еще один тридцатилетний — англичанин Ник Браун, который во втором круге обыграл восходящую «звезду» — игрока первой десятки Горана Иванишевича, будучи сам игроком шестой сотни. Ник расставался с большим теннисом на пять лет, тренировал взрослых и детей в разных клубах, но в 1989 году решил вернуться на профессиональную сцену. «Я вернулся,— объяснил Ник,— потому что появилась возможность играть за сборную Великобритании. Это мечта всей моей жизни». Случай Брауна — вещь практически невероятная и очень приятная прежде всего для англичан.

Но слава непостоянна. Пройдет Уимблдон-91, и Ника Брауна забудут, как забыли Матса Виландера, лучшего теннисиста мира 1988 года. Матс повредил колено незадолго до начала турнира и отказался играть. Очень скромно, немного ссутулившись, прошел он на трибуну вместе с женой Соней, известной фотомоделью, посмотреть на Агасси. Виландер сидел среди своих недавних болельщиков, но никто не щелкнул фотоаппаратом в его сторону.

Знала другие времена и наша Наталья Зверева. После ее выхода в финал чемпионата Франции-88 все ждали, что еще чуть-чуть — и она взлетит на самую вершину. Теннисные специалисты отмечали редкий талант и тонкое чувство игры. Кроме того, на Западе ее образ ассоциировался с образом «борца с системой», то есть с нашей советской бюрократией. На это было потрачено много сил, Наташа вроде бы эту битву выиграла, но победа не привела к улучшению ее игры. Матчи с участием Зверевой еще привлекают зрителей, но ее поражение во втором круге от малоизвестной американки Харвей-Уайлд вызвало большое разочарование. Правда, впереди еще парный турнир, где у Наташи вместе с другой нашей неудачницей второго круга Ларисой Савченко есть хорошие шансы реабилитировать себя. Дважды они выходили в финал и были очень близки к успеху.

В одиночном разряде из советских теннисистов успешнее других выступают Александр Волков и Елена Брюховец. Лена — новое имя в мировом теннисе. Ей 20 лет, в детстве она на равных соперничала с Натальей Зверевой, потом поотстала, но теперь все увереннней сокращает разрыв.

Конечно, главные фавориты — это Штеффи Граф, Габриэла Сабатини, Мартина Навратилова и Аранча Санчес. У каждой свои виды на Уимблдонский титул. Штеффи горит желанием реабилитировать себя за последние неудачи и потерю первого места в классификации. Не случайно она приехала в Лондон аж за две недели до начала турнира и использовала любую возможность потренироваться на траве. «Я проделала большую работу,— сказала Граф.— Думаю, лучше подготовиться к турниру было просто нельзя». Правда, знатоки утверждают, что игра Штеффи Граф образца 1991 года ничем не отличается от той, что она показывала в 1988-м. Немка много тренируется, однако эта работа довольно прямолинейна.

Большего прогресса ждали и от самой молодой участницы Уимблдона, пятнадцатилетней американки Дженифер Каприати. Соперницы приспособились к ее игре, а ничего нового она предложить пока не может.

В этом отношении судьбы двух теннисисток довольно схожи. Печальное сходство объясняют решающей ролью отцов в тренировочном процессе. Ни Петер Граф, ни Стефано Каприати «теннисных университетов не кончали» и, кроме собственных амбиций, передать дочерям уже ничего не могут. Есть большая вероятность, что такую же участь в недалеком будущем разделит и Моника Селеш, папа которой особенно болезненно реагирует на постороннее вмешательство в дела дочери.

Выход один — последовать примеру семейства Сабатини. У этого папы хватило ума пойти на смену тренера, пригласить психолога и — посмотрите теперь на Габи! Она расцвела на глазах, и ее шансы на Уимблдоне очень высоки.

Но трава — вещь коварная, на ней могут поскользнуться даже самые верные фавориты. Поэтому не будем торопить события, наберемся терпения и будем ждать финалов самого популярного, самого престижного теннисного турнира.

ТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ:

— Позовите к телефону Васю.
— Васи нет дома, а что ему передать?
— Передайте ему три рубля.

— Будьте любезны, попросите к телефону Рабиновича.
— Вам какого, старшего или младшего?
— Старшего.
— Они оба умерли.

— Это женское общежитие? Нюру можно?
— У нас всех можно.

Купе поезда. Едет пожилой раввин. На верхней полке попутчик — молодой человек. Ложась спать, молодой человек спрашивает:

— Сударь, вы не скажете, который час?

Раввин, не говоря ни слова, поворачивается к стенке и засыпает.

Утром поезд подъезжает к Харькову. Оба пассажира проснулись и начали готовиться к выходу.

Раввин посмотрел на свои часы и сказал попутчику:

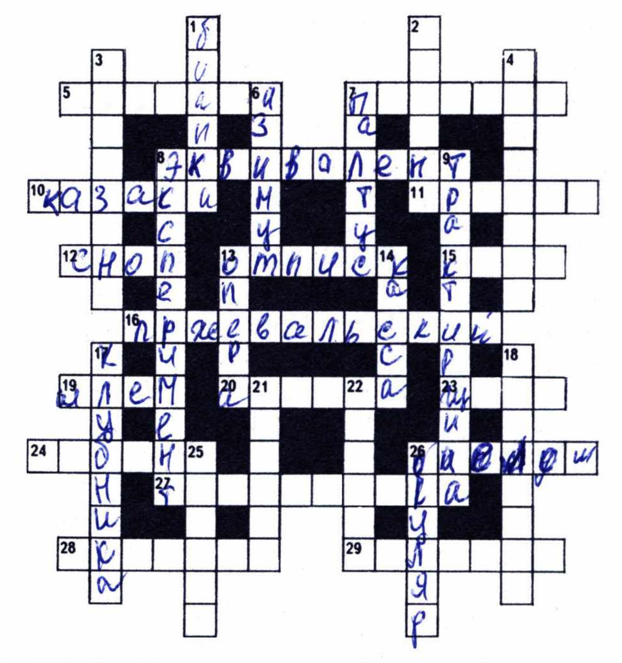
— Молодой человек, вы вчера меня спрашивали, который час? Так вот, сейчас половина девятого.

— Почему же вчера вы промолчали, когда я спросил у вас? — удивленно заметил молодой человек.

— Видите ли, если бы вчера я вам ответил, который час, вы бы меня спросили, куда я еду. Я бы ответил, что в Харьков. Вы бы мне сказали, что тоже едете в Харьков. И что вам негде ночевать. Я, как добрый человек, пригласил бы вас к себе в дом. А у меня молодая дочь. Вы бы ночью наверняка ее соблазнили, и она бы от вас забеременела. Вам пришлось бы на ней жениться.

— Ну и что же из того? — воскликнул молодой человек.

— Так я вчера подумал: на хрена мне нужен зять без часов?

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Нотный знак, обозначающий продление звука или паузы. 7. Коллективное ходатайство. 8. Предмет, равноценный другому. 10. Повесть Л. Н. Толстого. 11. Приток Днепра. 12. Связка стеблей хлебных злаков, льна, гречихи. 13. Ежегодный отдых трудящегося. 15. Часть хвостового оперения самолета. 16. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 19. Специальный головной убор. 20. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». 23. Приток Немана. 24. Элемент сборного цилиндрического крепления тоннеля, шахты. 26. Большая дикая кошка, обитающая в лесах Америки. 27. Птица отряда воробьиных. 28. Русский композитор и пианист. 29. Столица одной из советских республик.

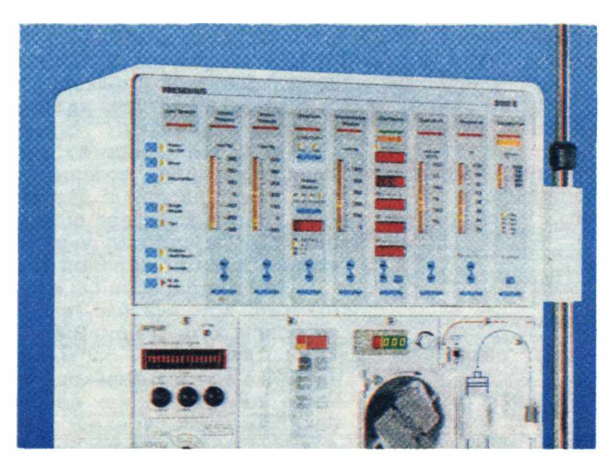
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советский детский писатель. 2. Угломерный астрономический инструмент. 3. Остров в Черном море. 4. Сорт сливы. 6. Угол между заданным направлением движения и направлением на север. 7. Промысловая морская рыба. 8. Научный опыт. 9. Пьеса К. Гольдони. 13. Музыкально-драматическое произведение. 14. Аппарат, на котором отпечатываются талоны с указанием полученной суммы. 17. Растение рода земляники. 18. Боевой корабль. 21. Норвежский исследователь Арктики. 22. Планета. 25. Конструктор в области артиллерийского вооружения, Герой Социалистического Труда. 26. Часть оптического прибора.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Шибанов. 6. Вавилов. 8. Килиманджаро. 10. Калан. 11. «Обвал». 16. Вега. 17. Алабама. 18. Мазурка. 19. Деление. 20. Вучетич. 22. Рота. 23. Брест. 27. Лиман. 28. Консистенция. 29. Кулибин. 30. Никитин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гарин. 2. Лоция. 3. Саржа. 4. Дидро. 5. Шаранта. 7. Веранда. 8. Каркаралинск. 9. Обсерватория. 12. Фламинго. 13. Гварнери. 14. Самосвал. 15. Возничий. 19. Дворжак. 21. Чукарин. 24. Торий. 25. Эсхил. 26. Инжир. 27. Лилия.

Из одних рук – компетенция в области фармакологии и медицинской техники

Диализные машины, диализаторы, CAPD, системы магистралей

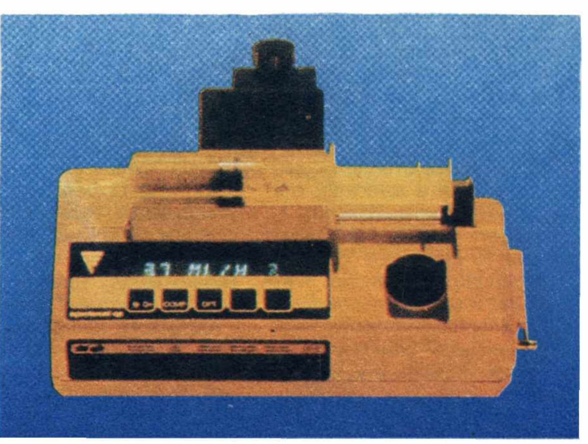
Парэнтеральное и энтеральное питание & техника

Плазменный эспандер и электролитные растворы

Стерильные предметы одноразового назначения

Инфузионные и шприцевые насосы Дезинфекция

ВАШИ ПАРТНЁРЫ ДЛЯ:

Фармацевтика & медицинская техника

Fresenius AG, Bad Homburg,
Verwaltung:
Borkenberg 14, 6370 Oberursel Ts. 1,
Tel. (0 61 71) 60-0, West-Germany

Фрезениус СП
Коломенский проезд, 4
СССР – 115487 Москва
телефон: 118 83 47 / 118 82 47
факс: 118 83 47

Консультация, планирование, строительство установок

Pharmaplan GmbH,
Königsteiner Straße 2, Abteilung A,
D-6380 Bad Homburg v. d. H., Tel.: (0 61 72) 3 00 70,
Tlx.: 41 0559 phpl d, Telefax: (0 61 72) 30 07 39

Диализ & предметы одноразового назначения

Совместное предприятие Фребор
СССР, 222120, г. Борисов, Минская обл.,
ул. Строителей, 24, тел. 3 42 65

Представительство СП Фребор при НПО „Белмедбиопром"
СССР, БССР, 220600 г. Минск,
ул. Варвашени 17, тел. 34 26 84
факс: 0 172/34 20 40

1 руб. Индекс 70663